

МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Сборник статей по итогам Международной научной
конференции 7–8 ноября 2017 г., Московский
педагогический государственный университет, г. Москва

Москва
2018

Сборник статей Революции в России. Теория и практика социальных преобразований

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43253995

*Революции в России: Теория и практика социальных преобразований
Сборник статей по итогам Международной научной конференции
(7–8 ноября 2017 г., Московский педагогический государственный
университет, г. Москва):
ISBN 978-5-4263-0679-0*

Аннотация

Сборник содержит статьи участников Международной научной конференции, состоявшейся в Москве 7–8 ноября 2017 г. В нем нашли отражение результаты научных исследований отечественных и зарубежных историков и педагогов, посвященные изучению Великой Российской революции 1917 года и проблемам преподавания этого переломного периода мировой истории. Сборник адресован специалистам и всем интересующимся историей.

Сборник издан при финансовой поддержке Фонда «История Отечества».

Содержание

Концепция истории, революция и образы будущего	15
Ленин о социализме	15
LENIN ON SOCIALISM	17
Революции 1917 г. в России – анализ и оценка качественных трансформаций общества	38
REVOLUTIONS OF 1917 IN RUSSIA – ANALYSIS AND EVALUATION OF THE QUALITATIVE TRANSFORMATIONS OF THE SOCIETY	39
Октябрьская революция в России и проблема пропуска формаций: историко-теоретический анализ	57
THE OCTOBER REVOLUTION IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF CROSSING STRUCTURES: THEORETICAL ANALYSIS	57
Социальное проектирование будущего в утопиях XIX в.: альтернатива революции или ее идеология	79
SOCIAL ENGINEERING OF FUTURE UTOPIAS OF THE NINETEENTH CENTURY: AN ALTERNATIVE TO	79

REVOLUTION OR ITS IDEOLOGY	
Октябрьская революция – переход к социализму или к государственному капитализму? Историко-философские аспекты проблемы	87
THE OCTOBER REVOLUTION – THE TRANSITION TO SOCIALISM OR STATE CAPITALISM? HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE PROBLEM	88
Великая октябрьская социалистическая революция – революционный процесс перехода в новую общественно-экономическую формацию	99
THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION – IS A REVOLUTIONARY TRANSITION PROCESS IN A NEW SOCIO-ECONOMIC FORMATION	100
1917 год: события, факты, процессы	111
Рабочий класс и революция 1917 г. в России: современная российская, английская и американская историография	111
THE WORKING CLASS AND THE REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA: MODERN RUSSIAN, BRITISH AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY	112

Меры, направленные на придание братанию организованного характера на Юго-Западном и Румынском фронтах (ноябрь – декабрь 1917 г.)	128
MEASURES AIMED AT GIVING FRATERNIZATION ORGANIZED ON THE SOUTHWEST AND ROMANIAN FRONTS (NOVEMBER – DECEMBER 1917)	129
Влияние Февраля и Октября на офицеров и солдат русских войск во Франции и на Балканах	140
EFFECT OF FEBRUARY AND OCTOBER ON THE OFFICERS AND SOLDIERS OF RUSSIAN TROOPS IN FRANCE AND ON BALKANS	141
А.М. Коллонтай – агитатор революции 1917 г	168
A.M. KOLLONTAI – AGITATOR REVOLUTION OF 1917	168
Последствия революции 1917 г. в России для судеб государств и народов в XX столетии	175
Между догмой марксизма и стихией национализации: о некоторых итогах и уроках советской системы управления экономикой в эпоху революции и гражданской войны в Казахстане (1917–1921 гг.)	175

BETWEEN THE DOGMA OF MARXISM AND THE ELEMENTS OF NATIONALIZATION: ABOUT SOME OF THE RESULTS AND LESSONS OF THE SOVIET SYSTEM ECONOMY MANAGING IN THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR ERA IN KAZAKHSTAN (1917–1921)	176
Российско-японские отношения в период 1914–1917 гг. (к вопросу об интервенции Японии в советской России)	192
RUSSO-JAPANESE RELATIONS IN THE PERIOD 1914–1917 (ON THE QUESTION OF JAPAN'S INTERVENTION IN SOVIET RUSSIA)	192
Революция 1917 г. в воспоминаниях британского посла Джорджа Бьюкенена	200
REVOLUTION 1917 IN THE MEMOIRS OF THE BRITISH AMBASSADOR GEORGE BUCHANAN	200
Формирование восточной политики большевиков	210
FORMATION OF THE EASTERN POLICY OF THE BOLSHEVIKS	210
Геополитическая роль Французской и Русской революций в мировом цивилизационном	216

процессе	
THE GEOPOLITICAL ROLE OF THE FRENCH AND RUSSIAN REVOLUTIONS IN THE WORLD CIVILIZED PROCESS	216
Влияние Октябрьской революции 1917 г. в России на страны балканского региона	229
THE INFLUENCE OF THE OCTOBER REVOLUTION 1917 ON THE COUNTRIES OF THE BALKAN REGION	230
Политическая, экономическая и культурная сущность советской революции и советского общества	239
Особенности общественно-политического участия в СССР	239
FEATURES OF SOCIAL AND POLITICAL PARTICIPATION IN THE USSR	240
Изменение художественной и литературной атмосферы после 1917 г. в России	251
THE CHANGE IN ARTISTIC AND LITERARY ATMOSPHERE AFTER 1917 IN RUSSIA	251
Сталин и Троцкий: истоки конфликта	263
STALIN AND TROTSKY: THE ORIGINS OF THE CONFLICT	263
Влияние Революции 1917 г. на внешний облик человека (на примере становления	279

советской моды)	
THE INFLUENCE OF THE REVOLUTION OF 1917 TO THE APPEARANCE OF A MAN (ON THE EXAMPLE OF THE SOVIET FASHION)	280
«Бесы» российских элит как фундаментальный источник русских революций	287
«DEMONS» OF THE RUSSIAN ELITE AS A FUNDAMENTAL SOURCE OF RUSSIAN REVOLUTION	288
Образы Русской революции в творчестве И.А. Владимирова	299
IMAGES OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE OEUVRE BY I.A. VLADIMIROV	299
Исторический смысл, значение и место Октября 1917 Г	311
Что произошло в Октябре? Интерпретация Октябрьской революции. Обзор основных событий Русской революции	311
WHAT HAPPENED IN OCTOBER? INTERPRETATION OF THE OCTOBER REVOLUTION. REVIEW OF THE MAIN EVENTS OF THE RUSSIAN REVOLUTION	312

Роль революции в достижении гендерного равноправия и утверждении образа советской женщины	331
ROLE OF THE REVOLUTION IN THE ACHIEVING GENDER EQUALITY AND APPROVING THE APPEAL OF A SOVIET WOMAN	331
Русская революция в оккупационной пропаганде Германии и Румынии 1941–1945 гг	341
THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE OCCUPATIONAL PROPAGANDA OF GERMANY AND ROMANIA 1941-1945	341
Карикатурное отображение утопических идей Русской революции в романе-антиутопии Е.И. Замятина «Мы». Образ будущего России глазами левого эсера	351
A CARICATURE OF THE UTOPIAN IMAGES OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE ANTI-UTOPIA NOVEL OF Y.I. ZAMYATIN “WE”. IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA THROUGH THE EYES OF THE LEFT SR	352
Н. Бердяев: правда и ложь Великой русской революции	361
N. BERYAEV: THE TRUTH AND LIES OF	361

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION	
Современное восприятие революционных событий 1917 г	375
MODERN PERCEPTION OF REVOLUTIONARY EVENTS 1917	376
Эволюция меньшевизма в 1917 г.:	386
к постановке вопроса	
THE EVOLUTION OF MENSHEVISM IN 1917: TO THE FORMULATION OF THE QUESTION	387
Реформы или революции? Альтернативы политического и социального развития России в начале XX в	399
Трансформация русской триады в национальном культурном самосознании творческой личности: М. Волошин о вселенском значении Русской революции	399
TRANSPHORMATION OF THE RUSSIAN TRIAD IN THE NATIONAL CULTURAL IDENTITY OF THE CREATIVE PERSONALITY: M. VOLOSHIN ABOUT UNIVERSIAL SIGNIFICANCE OF THE RUSSIAN REVOLUTION	400
Отношение солдатских масс к Октябрьской революции в свете выборов в Учредительное собрание в действующей армии в ноябре 1917	413

THE ATTITUDE OF THE SOLDIER
MASSES TOWARDS THE OCTOBER
REVOLUTION IN THE LIGHT OF
ELECTIONS TO THE CONSTITUENT
ASSEMBLY IN THE ACTIVE ARMY IN
NOVEMBER 1917 414

Архив Заграничной агентуры Департамента
полиции: формирование источникового
комплекса в контексте революционных
событий 1917 г 424

ARCHIVE OF THE FOREIGN AGENCY
OF THE POLICE DEPARTMENT:
FORMATION OF THE SOURCE
COMPLEX IN THE CONTEXT OF THE
REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 425

Реформа или революция? Идея
Учредительного собрания в контексте планов
радикального обновления государственного
строения России в начале XX в 430

THE REFORM OR THE REVOLUTION?
THE IDEA OF THE CONSTITUENT
ASSEMBLY IN THE CONTEXT OF
PLANS FOR A RADICAL RENEWAL OF
THE STATE SYSTEM IN RUSSIA AT THE
BEGINNING OF XX CENTURY 431

В.И. Ленин в 1917 г. и проблема «не той» революции (по Ф. Энгельсу)	451
V.I. LENIN AND THE PROBLEM OF THE “WRONG” REVOLUTION (ACCORDING TO F. ENGELS)	451
Архетипические образы в наглядной агитации времен революции и Гражданской войны	465
ARCHETYPAL IMAGES IN VISUAL AGITATION OF THE TIMES OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR	465
Экономические последствия Первой мировой войны и характер российской революции: к вопросу об истоках административно-командной системы	501
THE ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE FIRST WORLD WAR AND THE NATURE OF THE RUSSIAN REVOLUTION: THE QUESTION OF THE ORIGINS OF THE ADMINISTRATIVE-COMMAND SYSTEM	502
Новейшая зарубежная историография 60-90-х гг. О проблеме возрождения политического масонства в России в начале XX в. (о причинах, этапах, инициаторах)	512
THE MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY 60–90S ABOUT	513

THE PROBLEM OF THE REVIVAL OF
POLITICAL MASONRY IN RUSSIA IN
THE EARLY XX CENTURY (CAUSES,
STAGES, INITIATORS)

Евразийская концепция Октябрьской революции в трудах П.Н. Савицкого 543	535
THE EURASIAN CONCEPT OF THE OCTOBER REVOLUTION IN P.N. SAVITSKY'S WORKS	536
Военный вопрос в прокламациях революционных демократов 1861 г	545
MILITARY QUESTION IN THE PROCLAMATIONS OF THE REVOLUTIONARY DEMOCRAT OF 1861	546
Информация об авторах	554

**Революции в
России: Теория и
практика социальных
преобразований Сборник
статей по итогам
Международной научной
конференции (7–8 ноября
2017 г., Московский
педагогический
государственный
университет, г. Москва)**

**Концепция истории,
революция и образы будущего**

Аннотация. В статье предлагается оригинальный анализ творческого наследия лидера большевистской партии и Советской России В.И. Ленина. Статья акцентирует внимание на вопросах особенно актуальных как в исторической ретроспективе, так и в контексте современного положения в мире. Череды экономических и политических кризисов поставили проблему выбора антикризисных механизмов и альтернативных путей развития человечества. В статье показано, как подобного рода проблемы решались Лениным в условиях Революции 1917 г. и постреволюционного развития. Автор показывает нестандартность и творческий характер ленинских подходов к самым неоднозначным задачам, возникавшим перед советским руководством в условиях Гражданской войны, военного коммунизма и нэпа. Успешность ленинской политики предопределялась тем, что, сохраняя верность основным принципам марксистского учения, Ленин максимально адекватно учитывал характер момента, те изменения, которые происходили в советском обществе. Помимо творческого, динамичного ленинского подхода к решению политических задач, актуальность сохраняет и предложенная Лениным альтернатива капиталистической и авторитарной модели социального устройства, которую он видел в социализме.

Ключевые слова: В.И. Ленин, Октябрьская революция, военный коммунизм, НЭП,

государственный капитализм, диктатура пролетариата, переходный период, социализм.

LENIN ON SOCIALISM

Krausz T.

Abstract. The article offers an original analysis of the creative legacy of the leader of the Bolshevik Party and Soviet Russia V.I. Lenin. The article focuses on issues that are especially relevant both in historical retrospect and in the context of the current situation in the world. The series of economic and political crises posed the problem of choosing anti-crisis mechanisms and alternative ways of human development. The article shows how such problems were solved by Lenin in the conditions of the Revolution of 1917 and post-revolutionary development. The author shows the non-standard and creative character of Lenin's approaches to the most ambiguous tasks that arose before the Soviet leadership in the conditions of the Civil War, War Communism and NEP. The success of Lenin's policy was predetermined by the fact that, while maintaining fidelity to the basic principles of Marxist teaching, Lenin most adequately took into account the nature of the moment, those changes that occurred in Soviet society. In addition to the creative, dynamic Leninist approach to solving political problems, the alternative offered by Lenin to the capitalist and authoritarian model of social order that Lenin saw in

socialism, is still essential.

Key words: V.I. Lenin, the October Revolution, War Communism, NEP, Dictatorship of the Proletariat, transition period, socialism.

The original problem of socialism in Soviet Russia

Lenin outlined the whole problem of socialism through the historical development of relations of property and production, according to which the new socialist “communal society” appears in modern history after the dissolution of the ancient communities including of Russia.¹ It was a higher form of communal ownership, direct control over workplace through the soviets of workers (historical ancestor: Paris commune 1871).

When Lenin posited his own “three-step” concept in his *State and Revolution* – in which socialism, as the “lower phase” of communism, is preceded by a “transitional period” – he could not have known that the Russian Revolution would be left isolated. As a result, Soviet development has different periods on economic and political criterias. The three phases following the October Revolution – the “market economy” that characterized the period until spring 1918, the war communism of 1918–1920,

---

¹ See: *Krausz T.* Lenin on global history and the global historiography on Lenin. Lecture on the Fifth European Congress on World and Global History (European Congress European Network in Universal and Global History (ENIUGH)). 31 August 2017, Corvinus University, Budapest.

and the “state capitalism” of the New Economic Policy (NEP) from March 1921 onward – left substantive and easily outlined theoretical traces in Lenin’s thought.

When Lenin posited his own “three-step” concept in his *State and Revolution* – in which socialism, as the “lower phase” of communism, is preceded by a “transitional period” – he could not have known that the Russian Revolution would be left on its own. As a result, theoretical socialism as a practical issue would be put off in perpetuity and history would actuate the possibility of socialism in peculiarly Russian form, something he would very much have wanted to avoid.

From market economy to war communism

Central to Lenin’s thinking after October 1917 was how to preserve the hard-won strength: the power of the soviets. In practice this was never separate from the power of his party, which saw it as the political condition upon which continuing soviet power depended. He surveyed the practical possibility of communal-socialist proletarian ends from this point of view. The contradiction, which strained the tortuous daily battles for survival and the end objectives, increasingly set the discrete problems of the so-called transitional period in the forefront. Such was the mass of problems he confronted at the first congress following October. There, he drew attention to the particularity of their revolution, “The situation is misrepresented

to make believe that some want to 'introduce' socialism in Russia by decree, without considering the existing technical level, the great number of small undertakings, or the habits and wishes of the majority of the population.”

In his pamphlet, *The Immediate Tasks of the Soviet Government*, published on 28 April 1918, Lenin once again raised these same questions, and gradually formed his own position in light of the new situation. The reason he attributed such grave importance to the difficulties caused by the “chaotic” situation was that “the military party, tempted by Russia’s momentary weakness ... may gain the upper hand at any moment” in the West.² He intended to establish a concrete economic alternative to market-dominated production in an “anarchically built capitalist society” and the “spontaneously growing and expanding national and international market” system,³ but which had not yet overstepped the limitations of the existing “mixed market economy.” True, he had already advocated “the strictest and universal accounting and control of the production and distribution of goods.” Since he spoke about “setting up an extremely intricate and delicate system of new organisational relationships”, whose realization was not merely a technical matter, it is natural that he did not envisage a complete and immediate termination of all market relations as “time is needed” to “convince the people” and “deepen

---

² Lenin Collected Works (LCW). Vol. 27. P. 237.

³ Ibid. P. 238.

consciousness.” Nevertheless, just such a termination would shortly be implemented under civil war conditions. As the organization of the new method of production and distribution was not proceeding at the required pace and with the expected breadth, Lenin concluded that the capitalist sector would have to remain standing. He said, “If we decided to continue to expropriate capital at the same rate at which we have been doing up to now, we should certainly suffer defeat”, and elsewhere that “the expropriation of the expropriators” is easier than introducing a new system.

He believed that the Red Guard attacks on capital had drawn to a close and the period of “utilising bourgeois specialists by the proletarian state power” had begun.⁴ He even strayed from every theoretical premise and declared unequivocally that these specialists must be engaged in the service of the new regime with “high remuneration”. Lenin described this “winning over the ‘stars’ of the intelligentsia” as a “step back” and a “partial retreat” when compared with socialist equality.⁵ In the same breath – and with great prescience – he spoke of a certain and inevitable corruption of this system, the weakening of its moral fiber as a sort of natural concomitant of “market economy”. “The corrupting influence of high salaries – both upon the Soviet authorities (especially since the revolution occurred so rapidly that it was impossible to prevent a certain number of adventurers

---

⁴ Ibid. P. 246, 248.

⁵ Ibid. P. 248–250.

and rogues from getting into positions of authority...) and upon the mass of the workers – is indisputable.” Yet he never found a convincing solution to this contradiction, always thinking in terms of “socialist” and “proletarian” consciousness, because they had not been able to establish “comprehensive control and accounting,” and had “fallen behind with the socialist reforms.” “We have introduced workers’ control as a law, but this law ... is only just beginning to penetrate the minds of broad sections of the proletariat.”⁶ Essentially, the expansion of state regulation to capitalist production and turnover of goods (to the cooperatives as well) may become a fundamental question regarding financial and market conditions in the “transition leading to socialism”.⁷

A virtually unnoticed shift took place within this political framework toward war-communist restrictions of the market economy. Originally instrumental in defending against foreign capital and establishing independence internally, the state monopoly on grain (introduced by the Provisional Government’s law of 25 March 1917) was followed by plans for both a state monopoly on foreign trade and a property tax, as a way of “supplementing” the budget.⁸ At the same time, in The

---

⁶ Lenin Collected Works (LCW). Vol. 27. P. 254.

⁷ On this, see for example: Dmitrenko V.P. *Sovetskaya ekonomicheskaya politika v pervie godi proletarskoy diktaturi* [Soviet economic policy in the first years of the dictatorship of the proletariat]. Moscow: Nauka, 1986. P. 21–29.

⁸ Production for the market and directly for state requirements raised the issues of disciplined work and remuneration. The Council of Labor Unions introduced strict rules of conduct at state-owned enterprises in April 1918, and after the October

Impending Catastrophe, he drew a clear line between state control of the bourgeoisie and the expropriation of private property that applied to the bourgeoisie, even arguing against expropriation in this specific case:

If nationalisation of the banks is so often confused with the confiscation of private property, it is the bourgeois press which has an interest in deceiving the public... Whoever owned fifteen rubles on a savings account would continue to be the owner of fifteen rubles after the nationalisation of the banks; and whoever had fifteen million rubles would continue after the nationalisation of the banks to have fifteen million rubles in the form of shares, bonds, bills, commercial certificates and so on.⁹

The purpose of nationalization was to oversee the financial and economic processes, the actual collection of personal income taxes, etc. Lenin contrasted reactionary-bourgeois regulation to revolutionary democratic regulation, with bottom-up control, with whose limitations he soon came face-to-face. He had already stipulated that the construction of the most modern heavy industry would require state-of-the-art technical-technological progress, to apply “much of what is scientific and progressive in

---

Revolution performance-based pay replaced work hours-based pay, meaning that a quarter of the workers at the companies in Petrograd received performance-based pay by July. LCW. Vol. 27. P. 583. See also: *Szamuely L.* Az első szocialista gazdasági mechanizmusok. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. Budapest, 1971; *Krausz T.* Szocializmus-képek a huszas években. Átmeneti korszak és szocializmus // Világosság. 1984. No 4. P. 202–210.

⁹ LCW. Vol. 25. P. 330.

the Taylor system; we must make wages correspond to the total amount of goods turned out, or to the amount of work done by the railways, the water transport system, etc., etc.” Lenin thought that the feasibility of socialism depended on the successes that could be achieved in the field of “combining Soviet power and the Soviet organisation of administration with the up-to-date achievements of capitalism.”¹⁰ Apart from the cooperation and competition of economic sectors and modes of production, Lenin also spoke about the “competition of communes,” and etched out its moral driving forces more clearly than its material and economic bases. In contrast to the “allowances” made to market and financial conditions and the “bourgeois cooperatives,” the “socialist state can arise only as a network of producers’ and consumers’ communes, which conscientiously keep account of their production and consumption, economise on labour, and steadily raise the productivity of labour, thus making it possible to reduce the working day to seven, six and even fewer hours.”

Lenin had taken note of this, and by the spring of 1918, famine ravaged the cities. On his initiative, the Council of People’s Commissars introduced the “dictatorship of state subsistence,” the formation of the poor peasant committees. Many writers tend to wax theoretical about these spontaneous measures, as if Lenin had ventured upon these in line with a concept he had invented earlier; on some theoretical basis; or

---

¹⁰ Ibid. Vol. 27. P. 259.

even with the assumption that some sort of special socialism or theoretical model could be erected on the basis of these actions. In fact, a political turn was outlined in May 1918, leading from a state-supervised mixed market economy to a dictatorship of state subsistence that swept spontaneously toward war communism. The latter, in the beginning, was determined and validated by the internal armed counterrevolution and interventionist military attacks.

On the other hand the conditions of war communism brought the notions of “transitional period” and “socialism” too close to each other in theoretical terms. Bukharin and Preobrazhensky’s *The ABC of Communism* gave a theoretical basis to the conflation of war communism (as a relatively integrated sequence of economic policy measures) and the realization of socialism as such. The work was a curious mixture of the mutually exclusive ideas of Soviet labor self-government and state socialism. These two famous Bolshevik writers attempted to “translate” the Marxist conception of socialism into the reality of war communism. It was as if the first stage of communism, the realization of socialism, was coming into a state of full development, and was able to transcend commodity and finance relations thanks to both unprecedented inflation and the forced measures of war communism:

But it is perfectly plain that we cannot believe State capitalism to be possible unless we also believe in the possibility of the socialist organization of economic life. The only difference

between the two systems lies in this, that in one case industry is organized by the bourgeois State, and that in the other case it is organized by the proletarian State.¹¹

Left unexplained was that the matter does not simply rest on state power, for in war communism the state as a military force of authority, as a “deterrent to class enemies through dictatorial” power, acted as the mainspring of the economy. This had no roots in any form of Marxist theoretical tradition from Marx’s own time, and even contradicted his period’s idea of socialism. Lenin was not so naive as to identify war communism with “complete socialism,” for he continued to believe that “as long as workers and peasants remain, socialism has not been achieved”.¹² Moreover, he never deduced the concept of equality theoretically from the reality of war communism, using it only to refer to eliminating social class in economic terms, a final and indispensable requirement of the liberation from capital and achieving freedom. Lenin’s real theoretical mistake in 1919–1920 was that he overestimated the possibilities of socialization, of social supervision within the framework of nationalization, and underestimated the inveteracy of the market and money in a regulating role, a fact he later recognized. The “atmosphere” of the epoch, the romantic attitude of the civil war, was also

---

¹¹ Bukharin N., *Preobrazhenskiy Y.* The ABC of Communism / Translated from the Russian by Eden and Cedar Paul. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1969. P. 209; in Russian: *Bukharin N., Preobrazhenskiy Y.* *Azbuka kommunizma.* Petersburg: Gosizdat Peterburg, 1920. P. 123–125.

¹² LCW. Vol. 30. P. 506.

expressed in war communism's compulsory egalitarianism. The roots of this "primitive" egalitarianism ran deep in Red Army units and partisan brigades engaged in life-and-death combat with the Whites – a phenomenon picked up by innumerable literary works and films. War communism also influenced theory, which interpreted the "system" as socialism, despite that being suggestive of an anachronism – especially in light of the famous thesis of the "semi-state" in *State and Revolution* (which can be traced back to Marx). There, Lenin was already engaged in a polemical attack on what was a conceptual muddle. He used Engels' critique of the draft program of Erfurt, which he had handed over to Kautsky in 1891, who published it a decade later in *Neue Zeit*. This is interesting because the "opportunist wing" of the social democrats had already suggested that the state, in itself, might be able to consolidate socialism. This line of thought incorporated the increased role of the state in modern capitalism. Lenin mentions the concept of "state socialism," opposed to the revolution and revolutionary socialism, inasmuch as the role of socialism is defined in opposition to the state.

War communism's focus was on the consolidation of the new military-power hierarchy under civil war conditions, even though it simultaneously exacerbated the economic situation. Meanwhile, Lenin held that socialism, as a system that had reached completion, would only be composed of voluntary associations of economic-productive communities organized from below. It was still a state, though, for "there remains for

a time not only bourgeois law, but even the bourgeois state, without the bourgeoisie” in order to defend the “equality of labor” and public property.¹³ Lenin differentiated between state and social property even at its inception; before the introduction of war communism, he believed that the productive classes would themselves have to create socialist conditions. War communism was, however, a consistent system of compulsory state-military measures; according to some writers it carried certain traits of the state economic policy of “German war socialism.” Lenin kept the formative theory in sight even while making his most propagandistic political speeches, indicating that until his last day he continued to view the history of the revolution through the lens of Marxist theory (as reconstructed by him).¹⁴ Until March 1919, Lenin did not even use the term war communism, and did so afterward mostly in quotation marks. This means that, not just had Lenin not planned “war communism” in either theory or practical political terms, but also that the war communist measures only “coalesced” into a system much later, by the summer of 1919. The “naturalization” of production and distribution, along with the introduction of the ration system

---

¹³ LCW. Vol. 25. P. 471.

¹⁴ Lenin could not have known that under the decades of “state socialist” and “existing socialist” rule hordes of writers who considered themselves Marxists would mix-and-match state and social property together – arm in arm with the (neo)liberals and neoconservatives. Not to mention the false explanations that have come to the fore since the collapse of state socialism, the most typical and common of which is state socialism being called “communism.”

and the persecution of private trade, were not a priori economic measures, but sprang from immediate political and social needs.

NEP vs. war communism – irreconcilable contradictions

Just as war communism was not the application of a theory, neither was the NEP the experiment or exercise of one. The Soviet government implemented both war communism and the NEP under the pressure of concrete circumstances, requirements, and needs – without foreseeing its internal or international effects. In both cases their ideologies – the theoretical justification of the “systems” – were developed either parallel to their introduction, or as a follow-up (though war communism incorporated a number of elements from German war economic policy, and the NEP included elements from the “market economy” of the winter and spring of 1918). The NEP meant substituting militarized production – including the ration system, strict state distribution, and the compulsory appropriation of grain – with money and market conditions, reinstating free trade and introducing taxes in kind. Often forgotten is that, at the same time, the partial reinstatement of capitalist conditions entailed a general social transformation, a restructuring of social classes and groups, and a change in their relationships.

The introduction of a market economy and direct democracy

– broadening “workers’ democracy” – also proved to be a contradiction that could not be bridged. Significant segments of the laboring masses became tired of the sacrifices they were called upon to make and were demanding a “loosening of the bolts,” but very few were in possession of the skills required for direct democracy. Lenin later expressed the necessity of the NEP, neatly and self-critically summarizing it at the 11th Party Congress in the spring of 1922: “We must organise things in such a way as to make possible the customary operation of capitalist economy and capitalist exchange, because this is essential for the people”.¹⁵ One of the main trends of the current historical literature¹⁶ emphasizes the capitalist market characteristic of the NEP, but also that – with its well-known measures permitting rural wage labor from 1922 onward – the Soviet state integrated social conflicts into the as yet not fully formed “web” of Soviet society, which later threatened instability and inner combustion, and finally had a major role in the later defeat of the NEP.

The period of transition – “state capitalism”

The concept of state capitalism is used in two senses here: on

---

¹⁵ See: Lenin’s speech at the 11th Congress in March 1922 // LCW. Vol. 33. P. 279.

¹⁶ Studies, books, and publications of sources related to the NEP can hardly be followed in recent years. See among more recent works the book under the name of A.N. Yakovlev, and written by colleagues, which contains an extensive large collection of material, Rossiya nepovskaya (Moscow: Noviy hronograf, 2002).

the one hand as a sector of a mixed market economy. On the other it is a term from formation theory denoting the economic method and arrangement for the transitional period and seen as a phase of it. It is a type of “state capitalism,” in quotes, that cannot be found in “any textbooks,” “nor in the writings of Marx and Engels”.

“Soviet state capitalism” – the way Lenin thought of it, and the party congress declared it – was intended to establish the political and cultural preconditions of socialism. This was a matter of serious contention between Lenin and the Mensheviks, Western social democrats, liberals, and others, who doubted the “reasonability of the Bolshevik experiment” while remaining insensitive to its uniqueness. Lenin saw himself as the representative of a historical alternative, in circumstances in which no other reality had materialized on the left. He repeatedly said the originality of the Russian Revolution was that the prerequisites of socialism came into existence not before it – but after.

The theory of socialism and its systemic coherencies

Though the NEP had been “made to last,” theoretical socialism was never struck off Lenin’s agenda, even under the everyday circumstances of market restoration. As he explained it: “Formerly the stumbling block for very many socialists” was how to first subordinate the “concession to the peasant as a

trader, or to the principle of private trade,” “for the sake of common interests” only to come around once again in the process to the cooperative as a solution. Though he knew that thinkers and politicians who had been nursed by the market and state looked down upon cooperatives, even “from the standpoint of transition to the new system by means that are the simplest, easiest and most acceptable to the peasant.” He knew that incorporating the whole population in voluntary cooperatives of production and consumption would take an epoch to realize – precisely on account of the absence of the cultural-civilizational preconditions – and yet he insisted on posing this problem.¹⁷ The precise relationship between cooperatives and socialism that Lenin had in mind becomes clear in the light of his whole approach, the complete coherency of his thoughts. The cooperatives, as he wrote, are the products of capitalism; they are “collective capitalist institutions” in which the future of socialism can be glimpsed. Producers have the opportunity to shape the cooperatives in their own image in the course of a revolutionary reform of state power, similarly to how in the NEP, “when we combine private capitalist enterprises ... with enterprises of the consistently socialist type ... the question arises about a third type of enterprise, the cooperatives, which

---

¹⁷ “The cooperatives must be granted state loans that are greater, if only by a little, than the loans we grant to private enterprises.” (The cooperative order as socialism.) “But it will take a whole historical epoch to get the entire population into the work of the cooperatives through NEP.” See: *Lenin V.I. On Cooperation // LCW. Vol. 33. P. 469–470.*

were not formally regarded as an independent type differing fundamentally from the others.” He spoke about the possibility of coexisting state socialist and cooperative socialist enterprises, though a differentiation between the two forms of cooperative, state and self-governed, would come due.¹⁸ By the mid-1920s, nearly 10 million people had been pooled into state-organized and state-subsidized consumer cooperatives. Lenin marked out explicitly that a shift must be made from the interpretation of socialism previously reached (war communist, state powered, and politicized) to the position of “cooperative socialism”:

Now we are entitled to say that for us the mere growth of cooperation ... is identical with the growth of socialism, and at the same time we have to admit that there has been a radical modification in our whole outlook on socialism. The radical modification is this; formerly we placed, and had to place, the main emphasis on the political struggle, on revolution, on winning political power, etc. Now the emphasis is changing and shifting to peaceful, organizational, “cultural” work. I should say that emphasis is shifting to educational work, were it not for our international relations, were it not for the fact that we have to fight for our position on a world scale.¹⁹

Of course he treated the outlook for real socialism very cautiously on account of the “ridiculously inadequate elements of knowledge, education and training.”

---

¹⁸ Ibid. P. 472–473.

¹⁹ LCW. Vol. 33. P. 474.

The most comprehensive modern theory of socialism has been published by István Mészáros, who ties his work on capital to the theoretical fundamentals of Marx and Lenin, and links his concept of socialism, not to the concepts of market production, but both looks for and defines these concepts beyond the market and the state – “beyond capital,” in short. The first generation of Soviet ideologues, including Lenin, defined the difference between the state capitalisms under the reign of capital and the dictatorship of the proletariat in that they wielded power in the name of a different class. They consolidated different modes of distribution and ownership, with a preference for different cultural values, marking out different political goals for society. Lenin limited the direct socialist exchange of goods (following war communism) to the state-socialist sector, its fate hanging by the market competition that connected to the capitalist sectors of the NEP and the “state-regulated buying and selling, to the money system”.²⁰ Contrary to Lenin, Bukharin often defined this “state economy” as socialism, in both the *ABC* he wrote with Preobrazhensky, and in his *Economics of the Transition Period* (*Ekonomika perekhodnogo perioda*). This definition of socialism as state socialism transitioned directly – leaving Lenin out – to the ideological medium of the Stalinist period.

Lenin outlines four potential courses of development during the “state capitalist” phase of the transitional period, which also explains why such a wide variety of movements, both inside and

---

²⁰ Ibid. P. 96.

outside of Russia, refer to his ideas. Three of these possibilities remained aligned with the conceptions of socialism (the fourth being the Ustryalov scenario of reversion to capitalism). In the course of time, the three basic trends could be observed not only in political thought and factional struggles, but also in historiography:

1. Intellectual groups, politicians, and thinkers who considered the multisector economy (defined by a state-regulated market and the state overseen by society) of the NEP as socialism – later identified as “market socialists” – who took their inspiration from the late work of Bukharin, although he never actually called a market economy “socialism” (despite counting on the market economy continuing for a long time, even if differently from Lenin).²¹

2. Stalin and his followers who were called, in this sense, “state socialists” – although it was Lenin who was proclaimed the progenitor of the market reforms of socialism in 1951. In the 1980s, this trend finally merged with the market socialists,²² who had earlier been

---

²¹ Such a historical interpretation of Lenin can be found in a number of recent publications, among them: *Burtin Y. Drugoy sotsializm / Almanakh “Krasniye holmi”*. 1999. P. 411–511; as well as *Ivanov Y.M. Chuzhoy sredi svoih: Posledniye godi zhizni Lenina*. Moscow, 2002.

²² Two of my works, both in English, address the transformations “market socialism” went through over historical time. See: *Krausz T. Stalin's socialism. Today's debate on socialism: theory, history, politics // Contemporary politics*. Vol. 11. № 4 (Dec. 2005). P. 87–106; *Krausz T. Perestroika and the redistribution of property in the Soviet Union: political perspectives and historical evidence // Contemporary Politics*. Vol. 13. № 1 (March 2007). P. 3–36; as well as, in Hungarian: *Krausz T., Bíró*

designated “revisionists.” István Mészáros gives a generous summary of the characteristics of market socialism’s nature. Most importantly he unmasks the common motives of social democratic thinking and the Stalinist tradition in their similar “superstitious” way of relating to state and market. Both camps positioned themselves rigidly in opposition to the conversion of state property into communal property. Both the traditional forms of labor division and the power of disposing of surplus value remained within the scope of the detached apparatus. Every experiment that tried to reform this was undermined by the leaders of that party, even though Lenin had founded it with exactly the opposite aim. Though the later forms of market socialism were advertised as reformed state socialism, the first (market socialism) proved to be an evolved state of the second (state socialism), which in the end led to capitalism.²³

3. The conception of socialism founded on autodynamic – self-generating – and needs-based production, direct democracy, cooperative ventures, and the “cooperative system” of producer and consumer collectives, traces back to Lenin’s way of thinking and has a rather extensive historiography to its credit.²⁴

Sz. Z. A peresztrojka és tulajdonváltás. Politikai koncepciók és történelmi valóság // *Peresztrojka és tulajdonáthelyezés. Tanulmányok és dokumentumok a rendszerváltás történetéből a Szovjetunióban (1985–1991)*. Budapest: MRI, 2003. P. 52–102; *Krausz T., Tütő L. Válaszúton [Crossways] // Politikatudományi Füzetek*. 1998. № 7.

²³ See: *Mészáros I. Beyond Capital*. London: Merlin Press, 1995. P. 823–850.

²⁴ Apart from István Mészáros’s work, this tradition is also honored in part by the Trotskyist heritage in Western Europe, in part by the Russian “self-governors” who are

---

gathered largely around the journal called *Alternativu*, which is related in its positions to the Hungarian journal *Eszmélet*. See also: *Krausz T., Tütő L. Önkormányzás vagy az elitek uralma* [Self-government or the reign of the elites]. Budapest: Liberter Kiadó, 1995 and *Ellamszocializmus*. Trotsky, who defended state property as the precondition of socialism even in the 1930s, was later the recipient of sharp criticism from Marxists as well, for becoming a protector of Stalinism. These critics forgot that Trotsky's precise notion was that it will be easier to socialize Soviet state property in a "revolutionary turn", than if the bureaucracy and capital alienates state property from those who created it by way of private expropriation. For more on this, see: *Krausz T. Szovjet Thermidor: a sztálini fordulat szellemi előzményei (1917–1928)*. Napvilág, 1996. P. 227–230.

Революции 1917 г. в России – анализ и оценка качественных трансформаций общества

Ананченко А.Б.

Аннотация. Понимание исторического места революций 1917 г. в России необходимо для формирования позитивного исторического самосознания нашего общества. Февраль 1917 г. – классическая буржуазная революция нового времени. Октябрь 1917 г. – новая социально-политическая революция, которая не завершает формирование нового общества, нового социально-экономического организма, а впервые в истории начинает создание такого общества с захвата политической власти в стране и создание нового общества на основе мировоззренческого, философского, экономического, культурного и социально-политического проекта. С Октября 1917 г. мы можем говорить о вариативности исторического процесса, о строительстве нового общества, создании и применении технологий социального управления.

Ключевые слова: революция, политическая революция, прогресс и регресс в развитии общества, историческое место советского общества,

альтернативный тип буржуазному обществу, архаизация общества, естественно-исторические процессы, технологии управления социально-политическими процессами.

REVOLUTIONS OF 1917 IN RUSSIA – ANALYSIS AND EVALUATION OF THE QUALITATIVE TRANSFORMATIONS OF THE SOCIETY

Ananchenko A.B.

Abstract. Understanding the historical place of the revolution of 1917 in Russia is necessary for the formation of a positive historical identity of our society. February 1917 – the classic bourgeois revolution of the new time. October 1917 is a new socio-political revolution that does not complete the formation of a new society, a new socioeconomic organism, but for the first time in history begins the creation of a new society with the seizure of political power in the country and the creation of a new society based on ideological, philosophical, economic cultural and socio-political project of a new society. From October 1917 we can talk about the variability of the historical process, the construction of a new society, the creation and application of social management technologies.

Keywords: revolution, political revolution, progress and regress in the development of society, the historical place of Soviet society, an alternative type of bourgeois society, the archaization of society, natural history processes, technology management of socio-political processes.

Хочу поздравить всех со 100-летним юбилеем Октябрьской революции!

Хочу выразить искреннюю благодарность всем участникам и организаторам Международной научной конференции *«Революции в России: теория и практика социальных преобразований»*.

Конечно, мы выражаем благодарность прежде всего нашему Московскому педагогическому государственному университету, его ректору, профессору, члену-корреспонденту РАО, д.и.н., профессору **Алексею Владимировичу Лубкову** за поддержку, помощь и содействие в проведении конференции.

Хочу поблагодарить всех коллег из нашего Института истории и политики МПГУ, которые активно участвовали как в организации, подготовке нашей конференции, так и многие из них будут выступать на ней с научными докладами.

Хочу поблагодарить инициатора и активного организатора конференции – Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций; **Салавата Мидхатовича Исхакова** – заместителя председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и рево-

люций, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН.

Мы выражаем благодарность нашим партнерам по организации и проведению конференции – Фонду «История Отечества», выделившему специальный грант для ее проведения.

Мы хотим поблагодарить всех наших коллег, друзей и союзников, добровольцев, помогающих в проведении этой конференции.

Надо сказать и о **значении, актуальности нашей конференции**. В 2017 г. уже прошло множество конференций, круглых столов, других научных и публичных мероприятий, посвященных этому событию, и множество еще состоится. Огромное количество материалов по истории революции 1917 г. появилось в СМИ в течение этого года, но очень мало понимания есть в обществе. Бывает так, что научные мероприятия не только не дают обществу приблизиться к пониманию наших революций начала XX в., но еще больше затрудняют такое понимание. Миссия нашей конференции – если и не решить, то, может быть, ясно поставить, сформулировать, обозначить базовые мировоззренческие, концептуальные и теоретические проблемы понимания русских революций 1917 г., их исторического содержания и места. Задача у нас простая – приблизиться к ясности, к пониманию, сделать шаг, не упрощая. Хотя бы для себя, для тех, кто профессионально занимается изучением этих проблем, для участ-

ников конференции.

Понимание русской революции – это не простой ответ, не простое определение, а целый *набор мировоззренческих, теоретических, концептуальных, исторических, историографических, методологических и конкретно-исторических проблем* исторических исследований процессов развития России, процессов формирования, создания в нашей стране современного индустриального и постиндустриального общества.

Сегодня есть существенные научные проблемы в изучении и оценке русских политических революций 1917 г. Проблема оценок революции может быть основана на понимании исторического процесса и его закономерных этапов, или на тех ценностях, которые люди считают главными в эпоху изучения революции или в эпоху ее осуществления. Для нас чрезвычайно важно дать понимание исторического места Октябрьской революции 1917 г., дать понимание новой эры исторического развития не только России, как нам представляется, но и всего мира. Понимание исторического места наших революций 1917 г. позволяет дать характеристику нового советского общества.

Сегодня мы подошли к 100-летию юбилею Октябрьской революции, но общепринятые оценки не сложились ни в науке, ни в обществе, ни в стране, ни в мире. Существует многообразие оценок, и в том числе распространено желание приуменьшить значение этого явления или сделать его как бы

частью другого процесса, объединить с другими событиями и процессами, тем самым сняв и вопрос оценки, вопрос сущности явления. Важно, какие мы цели при этом преследуем и достигаем – понимание, изучение реальности и получение выводов как результат таких исследований или решение каких-то текущих идеологических задач.

Разнообразие оценок нашей революции, желание рассматривать ее национальной, или этнической, только русской, лишить ее всемирно-исторического характера, или миссии, как выражаются наши западные партнеры, говорит не столько об Октябрьской революции, сколько о глобальном кризисе и перепутье нашего сегодняшнего мира. В том числе это свидетельство кризисного этапа как исторической науки, так и всего социально-гуманитарного знания.

Для нас важен 100-летний юбилей русской революции как способ исторического, концептуального осознания своей истории, исторического самосознания общества. Кроме того, юбилей революции – это и возможность попытаться соединить нашу историю в единую позитивную историческую цепь, позволяющую понимать историческую роль российского общества не только в прошлом, но в настоящем и будущем.

Оценки Октябрьской революции сейчас существуют самые разнообразные, бывает, необоснованные, несопоставимые и основанные на непроизносимых концептуальных основаниях истории как реального процесса, истории как на-

шего понимания такого процесса и даже на различающихся гносеологических и методологических основаниях.

Именно в оценке и трактовке Октябрьской революции господствует сегодня эклектика как главный метод исследования. И это совсем не случайно. Когда-то эклектика появилась как главный метод исследования в позднегреческой философии, как показатель ее упадка и разложения, как попытка заменить реальное решение проблем их формальным разрешением. Вершиной эклектики стала средневековая схоластика как господство формы и формальных процедур в понимании и в обсуждении проблем над реальным предметом, над истиной. А можно сказать, что истина понималась как субъективная убедительность Слова, а не совпадение идеального с реальным.

Эклектика – это попытка охватить и учесть все, выбросив самое главное – реальность, определяющее. Гармония видимости вместо истины реальности, ее противоречий, противоположностей.

В современных российских исследованиях и политических выступлениях можно выделить несколько популярных оценок Октябрьской революции:

- Октябрьская революция – часть Великой российской революции 1917 г., включающей в себя два этапа – Февраль и Октябрь;
- революция как насильственный захват власти;
- политический переворот;

- неудачный социальный эксперимент.

Соединение Февральской и Октябрьской революций в одно целое в формулировке «*Великая российская революция 1917 года*» – это попытка снять содержательные вопросы их исторического и социального места, это снятие понимания сущности происходившего, замена проблем научного понимания компромиссом бессодержательных оценок. Формулировка «Великая российская революция» объединяет эти процессы по формальным признакам последовательности и места и компромисса признания «великой».

Сама эта новая формулировка пыталась выполнить задачу формирования (создания) со стороны исторических научных учреждений нового отношения к нашим революциям 1917 г. Но научные учреждения сегодня часто не являются определяющими при формировании национального исторического сознания, его содержания, оценок исторических событий и эпох.

С оценкой событий 1917 г. как «великой» российской революции 1917 г. вряд ли кто-то будет спорить. Но за этой новой формулировкой стоит попытка снять как научные, так и общественные, политические проблемы за счет схоластики. Политические революции, как правило, включают в себя политические перевороты в качестве составной части.

Была ли Октябрьская революция политическим переворотом, как ставят ей в вину некоторые исследователи? Конечно, была, но это не отменяет того, что это политическая

революция. Открою даже «тайну», что она включала в себя еще целый ряд политических переворотов, кроме самого Октября.

Государственные перевороты, правда, не всегда часть политической революции. Из нашей отечественной истории мы тоже знаем, как это бывает в жизни, – например, тот самый знаменитый XVIII в., эпоха государственных переворотов. Но бывает иначе, и политические перевороты становятся частью революции, ее необходимой частью принципиальных изменений политической системы государства, всего общества. Можно вспомнить классические революции во Франции, Англии или совсем недавние государственные перевороты в нашей истории – например, декабрь 1991 г. в Беловежье или сентябрь – октябрь 1993 г.

Была у нас сейчас попытка дать оценку Октябрьской революции в первую очередь как *насильственного неправового захвата законной власти*. Конечно, суть революций вовсе не в *насильственном* захвате власти. Да и вопрос о власти – это «вопрос» только политической революции. А к ней вся революция в обществе не сводится. Социальные революции – это переход от одного общества к другому, процесс рождения, появления нового общества и умирания старого.

«Неудавшийся социальный эксперимент» – так часто называют Октябрьскую революцию и советское общество, правда, используя такое понимание не как границы содержательного анализа этого процесса и истории, а прежде все-

го как оценочный образ. Но даже в этом образе можно было бы отметить и специально проанализировать негативное содержание этого «эксперимента» и причины, по которым весь XX в. прошел в мире под его влиянием, в том числе и за границами его осуществления. И сегодня это еще не законченная история. Вспоминаем Китай и другие страны, использующие в той или иной степени этот социально-экономический, политический, идейный и духовный проект и его результаты.

Конечно, есть еще один важный момент в понимании процесса формирования и развития советского общества, фиксируемый словом «эксперимент». Это то, что новое общество появилось не естественно-исторически, как было до этого. Новое советское общество формировалось на основе определенных представлений – учения, как называли это мировоззрение: понимания общественного развития, настоящего и будущего общества, направления развития общественной истории, главного в развитии, главного в человеке и для человека. Новое общество не появлялось, а создавалось как результат понимания и действия определенных политических сил.

В национальной культуре Октябрьская революция стала синонимом отношения к прогрессу и регрессу, объединению человечества и к проблеме безгосударственного будущего нового века.

В культуре сегодня сосуществуют формы выражения двух

основных направлений развития нашего мира – прогресса и регресса. Культурой регресса, архаизации, ее образом-мечтой является фэнтезизация нашего мира, его ценностей, надежд и стремлений, дегуманизация и «ужасизация» инопланетных цивилизаций как синоним безусловного Зла проекта прогрессивного будущего. Культурой же прогресса остаются гуманистическая и социальная фантастика, мировые религии, классическая культура и ее ценности.

В общественном мнении *формой архаизации исторического сознания* выступает идеализация дореволюционной России, превращение страны на *начальном этапе социальной революции* перехода к индустриальному обществу в *идеал, камертон и образ* нашего будущего развития. Таким образом, сознательные образы будущего не обсуждаются, но формируется в культуре подсознательный *образ будущего как доиндустриального прошлого*, т.е. исторический вариант фэнтези может стать культурным ориентиром нашего настоящего. Было ли так уже в истории? Было. Например, когда на смену объединениям людей в племенах и союзах племен стали приходить государства, превращающие племенное прошлое в светлый образ настоящих человеческих и родственных отношений.

Еще раз обращаю внимание, что для современной России – страны, переживавшей в конце XX в. эпоху социальной революции перехода к постиндустриальному обществу, где деятельность по внешнему принуждению, пусть экономиче-

скому, работа, начинает вытесняться деятельностью, основанной на самоосуществлении, творчестве, на игре, – *образы будущего* рисуют для такой страны в *историческом пространстве только формировавшегося индустриального мира дореволюционной России*. Если совсем просто сказать, то образы прогресса заменяются на образы регресса, на исторические фэнтези, *регрессивной культурной революции*. Предпринимается попытка заменить национальную идею будущего на мифологию прошедшего, проект – на былинку.

Революции в обществе и их понимание у нас в науке часто перенимаются из публицистики, из общественных стереотипов, снимая научные проблемы консенсусом обыденного понимания и отношения.

Конечно, есть ряд проблем в гносеологии, которые заложены стереотипами советского вульгарного диамата. Например, так называемые антагонистические противоречия. Диамата уже нет, а их употребляют, при этом как бы посмеиваясь над этими утверждениями, которые использовались в советском обществоведении и историческом познании, но были далеки как от самого классического марксизма, так и от реальности.

Чтобы продемонстрировать, о чем я говорю, напомним, что у нас было (и часто сохраняется) понятие «антагонистические противоречия», которое характеризовало наличие непримиримых противоречий классов в обществе, различие между так называемыми эксплуатирующими и экс-

плуатируемыми классами.

Напомню, что при анализе различных систем выделяются элементы (*противоположности*), из которых состоит система, и связи (*противоречия*) между элементами этой системы. Обращу ваше внимание также на то, что элементы и связи – это не одно и то же. Также обращаю внимание на то, что в оригинале марксистских произведений, откуда был сделан перевод «антагонизмов», речь идет не о противоречиях и отношениях, а именно об элементах системы и о том, что они не совпадают. Важно ли это? Может быть, и не очень, но это важно для того, чтобы понимать некоторые прошлые тексты, некоторые придуманные тезисы нашего прошлого и причины, по которым они были придуманы.

Казалось бы, формальная и почти схоластическая проблема. Да какая разница? А тем более сегодня? Но за этой «схоластической» проблемой стоит проблема анализа сущности советского общества и тех причин, которые в конце концов заставили советскую элиту попробовать выбрать другие социальные идеалы и ценности.

Выделение двух типов противоречий – антагонистических и неантагонистических – было своеобразной схоластической формой снятия анализа реального строения советского общества, его социальных и политических проблем. Это попытка уйти от анализа сущности советского общества, от его понимания.

Когда-то в 1919 г. в работе «Великий почин» **В.И. Ле-**

НИН выделил существенные признаки общественных классов, которые и сегодня сохраняют значение при анализе социальных систем:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их *месту в исторически определенной системе общественного производства*, по их *отношению* (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их *роли в общественной организации труда*, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря *различию их места в определенном укладе общественного хозяйства*.

Ясно, что **для полного уничтожения классов** надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо *уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда* (здесь и далее выделено мной. – А.А.)»²⁵.

Важным в этом определении классов, которые являются господствующими в обществе, является всем известный признак – «*отношение (большей частью закрепленное и оформленное в законах) к средствам производства*». Но есть

---

²⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uaio.ru/vil/39.htm#psoder> (дата обращения: 01.10.2017).

и еще один существенный признак, который выявился уже в зрелых формах советского общества – *«роль в общественной организации труда»*, т.е. превращение *главной роли* в государственном, общественном, экономическом *управлении* в профессиональную деятельность выделяло их в новый господствующий класс – бюрократию.

Понимание *социального строения советского общества* важно для понимания исторического места этого общества, причин его успехов и неудач, достижений и проблем, ограничений в развитии и открытых для него исторических возможностей, причин перехода бюрократии на позиции регрессивной социальной революции во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., отказа от идеологии прогресса.

Таким образом, мы подошли к проблемам *исторического места Октябрьской революции, советского общества* и вариативности истории, стадий.

Советское общество претендовало на то, что оно является постбуржуазным, социалистическим. Оставался вопрос, как может появиться новое общество на этапе формирования предыдущего, на этапе перехода к прошлому обществу, на этапе прошлой социальной революции?

Возможность начать строительство (*появляется новый термин «строительство» для обозначения сознательных социальных изменений*) нового общества, социализма, взяв власть в предыдущую историческую эпоху, – принципиальное отличие русской революции от предшествующих рево-

люций, которое отстаивал В.И. Ленин, когда спорил о возможности «обратного» типа революции, начиная с завоевания политической власти:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то **почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок** для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.
16 января 1923 г.

Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли **сначала создать такие предпосылки** цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные **видоизменения** обычного исторического порядка **недопустимы или невозможны?**»²⁶.

Собственно, эти отличия отношения к историческому процессу и возможность субъективно, сознательно, целена-

---

²⁶ Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 381. [Электронный ресурс]. URL: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/suhanov.html> (дата обращения: 02.10.2017).

правленно повлиять на него различают концептуально классический марксизм и ленинизм, а политически меньшевизм и большевизм.

Таким образом, *классические политические буржуазные революции* перехода к индустриальному обществу происходили уже на завершающей стадии формирования нового общества, на завершающем этапе буржуазной социальной революции. Буржуазные политические революции только завершали процесс перехода от одного общества к другому, процесс социальной революции. В русской революции Октября 1917 г. это было иначе. Сначала революционеры захватывают политическую власть и только потом начинают формировать, создавать новое общество, предпосылки для этого нового общества. Это одно из принципиальных отличий формирования советского общества и его политической системы от появления классических буржуазных индустриальных обществ. Советская политическая революция не завершает, а начинает социальную революцию перехода к советскому индустриальному обществу.

Становление конкретно-исторической политической системы Советской России – СССР заняло поэтому, как нам представляется, достаточно длительный исторический период, начало которому положила Февральская революция 1917 г. и появление Советов в качестве центральных и местных организаций, выполняющих часть функций государственно-го управления. Верхней же границей этого процесса стала,

на наш взгляд, вторая половина 1930-х гг., когда произошло достраивание, встраивание, подчинение всех элементов политической системы новой государственной системе. Важными вехами завершения процесса советской политической революции стали принятие Конституции 1936 г. и репрессии революционной элиты.

Российская революция 1917 г., Октябрьская революция стоит в одном ряду с двумя другими великими классическими революциями перехода к индустриальному обществу, процессами модернизации обществ: английской и французской революциями.

Но Октябрь 1917 г. существенно отличался от других социальных и политических революций формирования индустриального общества. Русская революция – это антибуржуазный политический переворот, начало социально-политической революции формирования в России и мире индустриального, исторически *альтернативного буржуазному советского типа общества*.

Советское общество – это *альтернативное буржуазному индустриальное общество ускоренного социально-экономического развития, позволяющее сохранить историческую субъектность в условиях борьбы за всемирный проект объединения человечества*. Советское общество – это классовое общество (если характеризовать его в рамках концепций, связывающих выделение социальных групп людей с их отношением к средствам производства и их местом в об-

щественном разделении труда), где основные средства производства находятся в коллективном распоряжении партийно-государственной бюрократии.

Февраль 1917 г. – классическая буржуазная революция нового времени. Октябрь 1917 г. – новая социально-политическая революция, которая не завершает формирование нового общества, нового социально-экономического организма, а впервые в истории начинает создание нового общества с захвата политической власти в стране и создание нового общества на *основе мировоззренческого, философского, экономического, культурного и социально-политического проекта нового общества*. С Октября 1917 г. мы можем говорить о вариативности исторического процесса, о строительстве нового общества, создании и применении технологий социального управления.

Октябрьская революция в России и проблема пропуска формаций: историко-теоретический анализ

Астахов М.В.

Аннотация. Работа посвящена анализу проблемы пропуска формации в результате Октябрьской революции в России. Общество – это социальный организм. Он способен пропускать те фазы, которые в определенных условиях оказываются для него исторически бесперспективными и не обеспечивают прогрессивного социального развития.

Ключевые слова: Октябрьская революция, формации, феодализм, капитализм, социализм, производительные силы.

THE OCTOBER REVOLUTION IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF CROSSING STRUCTURES: THEORETICAL ANALYSIS

Astahov M. V.

Abstract. The work is devoted to the analysis of the problem of missing formation as a result of the October revolution in Russia. Society is a social organism. It is able to skip those phases that in certain conditions turn out to be historically unpromising and do not provide progressive social development.

Keywords: October revolution, formations, feudalism, capitalist, socialism, productive forces.

Октябрьская революция в России 1917 г., или, как побуждают нас говорить сегодня, Великая российская революция, и спустя 100 лет продолжает стоять в центре острых политических и научных дискуссий как в современной России, так и за рубежом. Не столько новые факты, сколько теоретическое объяснение Октябрьской революции и ее аспектов вызывают пристальное внимание исследователей. К ним, на наш взгляд, следует отнести проблему пропуска формации в результате Октябрьской революции в России. Эта историко-теоретическая проблема существует лишь в рамках одного теоретико-методологического направления современной отечественной историографии – системного подхода, который развивает диалектико-материалистическое понимание исторического процесса, разрешая выявленные в нем противоречия и проблемы.

К. Маркс, опираясь на достижения европейской философской, социологической и исторической мысли второй половины XVIII – первой половины XIX вв., и в первую оче-

редь – осуществленный переход в понимании от кругооборота истории к ее линейному развитию (древняя история, средневековье, новое время), выработал формационную теорию, в основе которой лежит понимание исторического развития общества как закономерной, объективно обусловленной смены восходящих общественно-экономических формаций, то есть таких типов общества, которые отличаются друг от друга, прежде всего, типом или способом экономического функционирования: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и предполагаемой коммунистической формации. Исходным для нашего исследования является положение К. Маркса о том, что «общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»²⁷. Такое понимание прямо вытекало из признания общества «организмом», только особым – «социальным»²⁸. При нормальном развитии биологического организма его «фазы развития» являются закономерными, объективными и не допус-

---

²⁷ Маркс К. Предисловие к первому изданию // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983–1986. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. С. 10.

²⁸ Маркс К. Введение. (Из экономических рукописей 1857–1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1974. Т. 12. С. 712, 728; Маркс К. К критике политической экономии // Там же. Т. 13. С. 20; Маркс К. Капитал. Т. 1 // Там же. Т. 23. С. 11, 20–21, 89, 91 и др. К. Маркс следует в этом Гегелю, который вводит понятие «государственный организм». См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Там же. Т. 1. С. 228–230.

кают пропуска. Из этого исходил Ф. Энгельс, приводя, хотя и по другому поводу, пример развития бабочки: яйцо – гусеница – кокон – бабочка²⁹.

Согласно этой логике, создание и развитие реального социалистического общества было бы в России после Октябрьской революции принципиально невозможно, поскольку она не прошла стадию развитого капитализма, призванного создать объективные материальные, социальные и духовные предпосылки для социализма. Однако советское общество со всеми его искажениями, противоречиями и «бюрократическими извращениями» все-таки было не капиталистическим, а социалистическим. Это был ранний, существующий на неадекватной базе производительных сил, но все-таки – социализм. Признание данного исторического факта порождает проблему в рамках формационной теории – проблему пропуска формаций. Ее рассмотрению посвящена данная статья.

Развитие социального организма, как показала всемирная история, не подчиняется законам биологического организма. Его стадии развития не являются генетически запрограммированными и могут при разных природных и внешних социальных условиях существенно изменяться. Так, большинство народов мира миновало рабовладельческую формацию, в том числе и в Европе, на опыте которой К. Маркс разрабатывал свою теорию исторического развития.

---

²⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 20. С. 139–140.

Народы Крайнего Севера, Центральной и Южной Африки остановились в своем развитии на стадии родового или раннефеодального общества. Китай от феодального общества перешел к рабовладению (II в. до н.э. – III в. н.э.), а потом вернулся к феодализму. На территории США с начала XVI в. было возрождено рабовладение, которое развивалось одновременно с капитализмом до середины XIX в. Этих фактов всемирной истории достаточно для того, чтобы по-новому поставить вопрос о последовательности формаций в развитии одного общества.

Как известно, К. Маркс не раз отмечал, что экономические формации отличаются не тем, *что* они производят, а тем *как* они производят – способом производства и, в первую очередь, способом соединения работника со средствами производства, способом принуждения или, говоря шире, побуждения его к труду³⁰. Если для феодального общества и присущего ему способа производства характерно сочетание физического и экономического принуждения к труду, то для предшествующего ему рабовладельческого общества характерно физическое принуждение, а для последующего капиталистического – экономическое принуждение.

---

³⁰ В «Капитале» К. Маркс указывал: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. [...] Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя». См.: *Маркс К. Капитал. Т. 2* // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 24. С. 43–44 и др.

Это позволяет нам выделить так называемые «чистые» и «переходные» формации. Отсюда вытекает, что исторически *нормальным*³¹ является переход от рабовладельческого общества к феодальному – к «переходной формации», а не к капиталистическому – «чистой формации» по способу принуждения к труду.

Предложенный К. Марксом подход дает основания для характеристики и других формаций по способу принуждения к труду, а также для выделения в качестве самостоятельных еще двух формаций. Так, с нашей точки зрения, можно выделить в особую формацию тип общества, который Ф. Энгельс характеризовал как «военную демократию»³². Она закономерно сочетает естественное принуждение к труду, характерное для предыдущего, первобытного общества, с физическим принуждением, присущим последующему рабовладению. В рамках этой формации, которую можно назвать «дружинной», князь и дружина главного племени господствовали над ареалом соседних племен, подвергая их устойчивым грабежам, трансформировавшимся позднее в «полю-

---

³¹ Под нормальным развитием общества следует, на наш взгляд, понимать такое его развитие, которое закономерно протекает в относительно благоприятных условиях без воздействия внешних факторов, качественно изменяющих последовательность и содержание фаз его развития. Можно выделить следующие измененные виды исторического развития общества: опережающее, стагнирующее и регрессивное.

³² *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 21. С. 164–165.

дье».

В условиях нормального развития капиталистическое общество дает основания и предпосылки для выделения еще одной «переходной формации» – социалистической, для которой будет характерно сочетание экономического принуждения и самопобуждения к труду, то есть «сознательного отношения к труду». Советское общество являлось конкретно-исторической формой становления такой формации. В будущем из нее с неизбежностью вырастает «чистая формация» – общество, где господствует самопобуждение к творческой деятельности, – коммунистическая формация.

Историческую эволюцию типов принуждения работников к труду в результате социальных революций и смены формаций можно представить в следующей схеме (рис. 1).

Рис. 1. Смена формаций и типов принуждения (побуждения) работников к труду³³

³³ Всякая общественная формация проходит в своем развитии 3 стадии: стадию формирования, развитую стадию и стадию разложения, которые на схеме отображены в виде сторон трапеции. Переход от формации к формации происходит через социальную революцию. Социальная революция – это переход от старой к новой, более высшей формации, который выступает как единство разложения старой и формирования новой формации. Эти процессы отображены на схеме

Такое понимание исторического процесса дает основание для объяснения, почему возможно миновать «чистые формации»: между ними есть общее в способе функционирования экономики – физическое принуждение работников к труду в случае пропуска рабовладения и перехода от «дружинной формации» к феодальной и экономическое принуждение в случае пропуска капитализма и перехода от феодализма к социализму. Эта возможность превращается в реальность лишь тогда, когда отсутствуют условия для перехода к рабовладению (природно-географические условия, слабость государства) или к капитализму (экономическая и социальная неэффективность капитализма, политическая и экономическая зависимость от более развитых государств).

Октябрьская революция застала российское общество на завершающем этапе буржуазной социальной революции – эпохе перехода от феодализма к капитализму. В.И. Ленин, как и все российские социал-демократы, прекрасно осознавая это, ставил задачи осуществления буржуазной политической революции. Поэтому в 1917 г. после победы Февральской революции меньшевики считали закономерным и неизбежным переход к развитому капитализму и невозможным переход к социализму. Отсюда их последовательно отрицательное отношение к ленинскому лозунгу «Да здравствует социалистическая революция!» как призыву к социалисти-

ческой революции в России после свержения в ней монархии. Хрестоматийным в этом отношении является заявление Г.В. Плеханова в 1917 г. о том, что «русская история еще не смогла той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»³⁴. Большевики прямо упрекали В.И. Ленина в отказе от марксизма, в забвении соответствующих положений К. Маркса, данных им в предисловии к первому тому «Капитала», и в политическом авантюризме³⁵.

До января 1923 г. В.И. Ленин отказывался вступать в полемику с меньшевиками и не замечал их заявлений по этому поводу, что было для него нехарактерно. Достаточно вспомнить его труд «Развитие капитализма в России» (1899 г.), направленный против народников, отрицавших существование и развитие капитализма в российском обществе; его работу «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.), направленную против меньшевиков, отрицавших материалистическую философию как философию марксизма; «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.)³⁶, на-

---

³⁴ Плеханов Г.В. Логика ошибки // Единство. 1917. 20 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://libelli.ru/works/gvp.htm> (дата обращения: 03.11.2017).

³⁵ См.: *Леонова Л.С.* Октябрьская революция 1917 г. в интерпретации лидеров политических партий меньшевиков и эсеров (Ю.О. Мартов, В.М. Чернов) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2. С. 149–161.

³⁶ В.И. Ленин охарактеризовал империализм, то есть капиталистическую экономику, в которой господствуют монополии, как стадию разложения капитализма. Однако, как показала история, империализм есть стадия развитого капитализма, в рамках которой он успешно развивается и реализует все свои исторические возможности.

правленную против отождествления империализма с политикой метрополий в отношении колоний. Сделав в этой важной работе вывод о том, что капитализм как форма развития одного общества перерос в мировой империализм как систему развитых капиталистических государств, под влиянием которых находится целый ряд менее развитых стран, В.И. Ленин характеризует войну 1914–1918 гг. как мировой кризис империализма, порождающий мировую социалистическую революцию. Однако победа Октябрьской революции в России и неудача мировой социалистической революции *практически* поставили вопрос о возможности перехода к социализму в одной стране – России, которая не прошла стадию развитого капитализма. По этому важнейшему вопросу в январе 1923 г. в работе «О нашей революции» В.И. Ленин писал: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм. С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, [меньшевик] Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это *бесспорное положение* (здесь и далее курсив наш. – М.А.) они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции»³⁷. «...Им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предпола-

---

³⁷ Ленин В.И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

гаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо *порядка этого развития*»³⁸. «... А не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием *безвыходности своего положения*, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»³⁹.

В.И. Ленин, отвергая «порядок» фаз развития социального организма, по сути, отвергает важнейшее положение марксизма. Но дело в том, что от жесткого понимания этого положения К. Маркс и Ф. Энгельс отказались уже с 1875 г. в полемике с русскими народниками и допускали переход полуфеодальной России к социализму, минуя капитализм, при поддержке или на основе опыта развитых стран победившего социализма: «...Общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую... причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли промежуточную ступень парцельной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная проле-

---

³⁸ Ленин В.И. Указ. соч. С. 379.

³⁹ Там же. С. 380.

тарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, – в частности, материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия»⁴⁰.

В 1882 г. они, поддерживая первых русских марксистов, писали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴¹.

В.И. Ленин, вероятно не имевший возможности ознакомиться с этими взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса⁴², фак-

---

⁴⁰ Энгельс Ф. О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Указ соч. Т. 18. С. 545–546.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию 1882 г. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 19. С. 305. См. также: Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок», ноябрь 1877 г. // Там же. Т. 19. С. 116–121; Маркс К. Письмо В. Засулич от 8 марта 1881 г. // Там же. Т. 19. С. 250–251; Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич, конец февраля – начало марта 1881 г. // Там же. Т. 19. С. 400–421; См. также: Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниэльсону от 17 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 128–130; Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 438–453.

⁴² Поэтому в своей статье января 1923 г. «О нашей революции» (Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 378) он аргументирует свою позицию, обращаясь к высказыванию К. Маркса 1856 г. о надежде соединить рабочее и крестьянское движение в Германии для победы пролетарской революции в ней. К. Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию

тически повторяет их аргументы в марте 1921 г. в выступлении на X съезде РКП(б): «Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть сложившийся в течение десятков лет класс наемных сельскохозяйственных рабочих. Только такой класс социально, экономически и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, непосредственный переход от капитализма к социализму возможен и не требует особых переходных общегосударственных мер. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социалистическая революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки ее своевременно социалистической революцией в одной или

каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно». См.: *Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ. соч. Т. 29. С. 37.

нескольких передовых странах. Другое условие, это – соглашение между осуществляющим свою диктатуру... пролетариатом и большинством крестьянского населения»⁴³.

Еще более оптимистично был настроен В.И. Ленин в апреле 1918 г., когда казалось, что задачи гражданской войны уже решены, советская власть с боями установлена почти на всей территории России и на первый план вышли задачи «экономической организации» социалистического общества: «...Эта задача [экономической реорганизации] разделяется на две главные рубрики: 1) учет и контроль за производством и распределением продуктов в наиболее широких, повсеместных и универсальных формах этого учета и контроля и 2) повышение производительности труда. Эти задачи могут быть разрешены какой угодно коллективностью или каким угодно государством, переходящим к социализму, лишь при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом. Без крупного машинного производства, без более или менее развитой сети железных дорог, почтово-телеграфных сношений, без более или менее развитой сети учреждений народного образования, – ни та, ни другая задача в систематическом виде и во всенародном объеме, безусловно, не могли бы быть решены. Россия находится в таком положении, когда целый ряд из

---

⁴³ Ленин В.И. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом от 15 марта 1921 г. // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 43. С. 57–58.

первоначальных предпосылок подобного перехода имеется налицо. С другой стороны, целый ряд подобных предпосылок отсутствует в нашей стране, но может быть заимствован ею сравнительно легко из практического опыта соседних, гораздо более передовых, стран, давно уже поставленных историей и международным общением в тесную связь с Россией»⁴⁴. «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ = социализм»⁴⁵.

Политическая практика и история показали, что пропуск формаций, изменение их «порядка», как говорил В.И. Ленин, не только возможны, но становятся необходимостью в условиях «безвыходности положения», когда прогрессивное развитие по разным причинам невозможно в форме последующей формации. Это показывает история германских племен в Западной Европе и восточных славян на Русской равнине при пропуске развитого рабовладения. Однако пропуск формации требует решения объективных задач дальнейшего развития общества в иных общественных отношениях, которые не в полной мере соответствуют уровню и характеру развития производительных сил.

---

⁴⁴ Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти», март 1918 г. // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 36. С. 130–131, 138.

⁴⁵ Ленин В.И. Планы статьи «Очередные задачи Советской власти», март 1918 г. // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 36. С. 550.

В России начала XX в. *нормальное* развитие капитализма оказалось невозможно в результате противодействия развитых капиталистических стран, объединившихся в систему государств, превращающих все остальные страны в колонии или полукolonии, и влияния мировой войны⁴⁶. При политической слабости российской буржуазии и в указанных международных условиях переход России к социализму стал жизненно необходим. В результате в 1920-е – 1930-е гг. большевикам в России пришлось решать исторические задачи, относящиеся к завершению перехода от феодализма к капитализму: индустриализация, переход к крупному машинному производству в сельском хозяйстве, ликвидация неграмотности, переход к всеобщему начальному образованию. При решении этих грандиозных задач с неизбежностью совершались многочисленные ошибки и приносились огромные социальные жертвы.

Ф. Энгельс еще в 1853 г. допускал подобную ситуацию в Германии, находившейся на той же стадии развития, что и Россия, – стадии перехода от феодализма к капитализму: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным

---

⁴⁶ Об этом пишет В.И. Ленин в 1923 г. См.: *Ленин В.И. О нашей революции...* С. 379.

и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанных своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить другую перспективу»⁴⁷.

Однако история показала, что Ф. Энгельс в 1853 г. в своей однозначности оказался неправ. Несмотря на все ошибки и трудности, российские большевики государственную власть удержали и с ее помощью добились значительных успехов, построив ранний социализм и двигаясь к развитому, в стране, находящейся первоначально на завершающем этапе перехода от феодализма к капитализму. Практическую, а не теоретическую возможность этого отстаивал В.И. Ленин в январе 1923 г.: «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках

---

⁴⁷ Энгельс Ф. Письмо И. Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 28. С. 490–491. См. также: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Там же. Т. 7. С. 422–423. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/index.htm> (дата обращения: 03.11.2017).

пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации⁴⁸, которую мы прежде третируем, как торгашескую... разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»⁴⁹.

Таким образом, пропуск капиталистической формации в ее развитой стадии исторически возможен, поскольку экономическое принуждение к труду существует как при феодализме, так и при социализме. В таком случае при социализме экономическое принуждение будет длительное время преобладать над сознательным отношением к труду, до тех пор, пока не будет исчерпана его необходимость, пока уровень развития человека как главной производительной силы будет требовать такого преобладания. Такой вывод на-

---

⁴⁸ В.И. Ленин в апреле 1918 г. считал, что «социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун...» (см.: *Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти* // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 36. С. 185). Однако история не подтвердила его прогноз о социально-экономической организации социалистического общества. Система экономических и социальных институтов в своем развитии к социализму и при социализме не пошла по пути интеграции: экономические, социальные и политические институты сохранили свою самостоятельность в необходимом взаимодействии и функционировании.

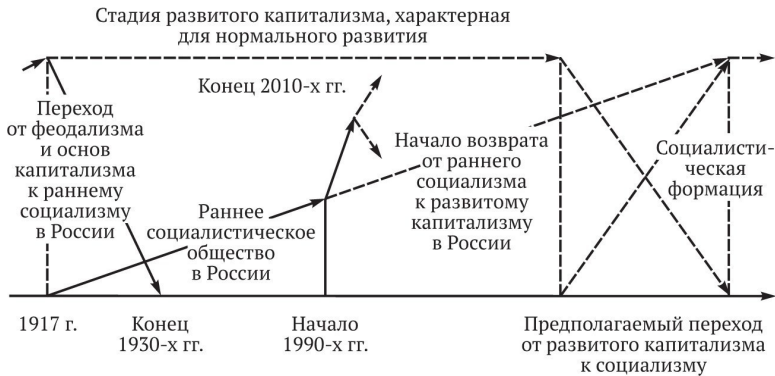
⁴⁹ *Ленин В.И. О кооперации* // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 45. С. 370.

прямую вытекает из опыта экономического развития социализма в СССР.

Советский социализм успешно реализовал экономическое побуждение к труду в рамках *экстенсивного* развития экономики на основе *доминирования общественных экономических интересов над личными*, но не смог найти форму экономического побуждения к труду при переходе советской экономики с начала 1970-х гг. к *интенсивному* развитию. Это стало главной причиной снижения темпов роста экономики. Путь решения этой проблемы был осознан в середине 1980-х гг. в новой редакции Программы КПСС, но история уже не дала ни времени, ни политической воли для ее решения⁵⁰. Исходя из сказанного, развитие социализма в России может быть представлено в виде следующей схемы (рис. 2).

---

⁵⁰ В новой редакции Программы КПСС (1986 г.) указывалось: «...Обеспечить оптимальное сочетание личных [экономических] интересов, интересов трудовых коллективов, различных социальных групп с общегосударственными, общенародными интересами и таким образом использовать их как движущую силу роста экономики». См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 147.

Рис. 2. Схема развития социализма в России

Опыт Октябрьской революции и строительства социализма в советской России оказал влияние на развитие ряда стран. В частности, он дал возможность Китаю избежать участи колонии развитых капиталистических держав и стагнации в своем развитии. Развитие Китая во второй половине XX в. с пропуском стадии развитого капитализма показывает реализацию экономического принуждения к труду на основе сочетания частной и государственной собственности на средства производства. Этот путь так называемого российского нэпа имеет при опережающем росте частного сектора в экономике свою конечную историческую границу, за которой возникает угроза возврата к капитализму и в политической сфере, если не будет найден способ интенсивного экономического развития на основе государственной собствен-

ности на средства производства и сознательного отношения к труду.

Практическое развитие социализма в России и Китае показало, что возможность пропуска капиталистической формации не осуществляется стихийно, как это происходило при пропуске рабовладельческой формации. На этом пути возможны ошибки в государственном управлении, откаты назад, регресс и стагнация, мучительный поиск правильного пути общественного развития. Однако общество, однажды найдя возможность прогрессивного развития в новых исторических условиях, которые не обеспечивают нормального капиталистического развития, вынуждено двигаться к новым ступеням социального прогресса иным путем. Ради своего спасения общество рано или поздно находит конкретные формы такого пути и через ряд ошибок двигается вперед к социализму, пропуская оказавшийся невозможным в конкретных исторических условиях развитый капитализм.

Опыт Октябрьской революции в России показал на практике, что общество – это социальный организм, который, в отличие от биологического организма, опирается в своем развитии не на генетическую программу, а на культуру, транслируемую от поколения к поколению, а также воспринимаемую от других народов. Россия в начале XX в. была бы обречена на превращение в экономическую колонию развитых капиталистических стран Европы, если бы не Октябрьская революция 1917 г., открывшая для страны иной путь

развития. И сегодня, в начале XXI в., вновь российское общество поставлено перед задачей вывести страну из положения экономической колонии, а, следовательно, вновь актуальными становятся история Октябрьской революции и вопрос о возможности опережающего, социалистического развития России.

Социальное проектирование будущего в утопиях XIX в.: альтернатива революции или ее идеология

Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б.

Аннотация. В статье рассматривается влияние утопий Р. Оуэна, Ш. Фурье и К. Сен-Симона на формирование социально-философских идей русской революции.

Ключевые слова: идеология, утопия, исторический опыт, революция.

SOCIAL ENGINEERING OF FUTURE UTOPIAS OF THE NINETEENTH CENTURY: AN ALTERNATIVE TO REVOLUTION OR ITS IDEOLOGY

Ermolenko G.A., Kozhevnikov S.B.

Abstract. The article discusses the impact of the utopias of Robert Owen, Charles Fourier and C. Saint-Simon on

the formation of socio-philosophical ideas of the Russian revolution.

Keywords: Ideology, utopia, historical experience, revolution.

Социальное проектирование будущего – важнейшая составляющая революционных преобразований. Утопические проекты – это метафоры реальности, точно передающие ее культурные коды, эстетические и исторические особенности. Социально-философские концепты определяют векторы исторической оценки такого неоднозначного события как революция 1917 г. и его место в исторической памяти, под которой мы понимаем «непосредственное переживание человеком как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем»⁵¹.

Революция традиционно характеризуется как социальный процесс с наибольшей интенсивностью действий, всеобщностью перемен и радикальными методами. Это приводит зачастую к одномерному восприятию такого исторического события и затрудняет его понимание. «Один и тот же исторический момент может получить бесчисленное количество значений и быть выраженным в разных регистрах исторической конкретики»⁵². Исследование утопических проек-

---

⁵¹ *Аполлонов И.А., Тучина О.Р.* Исторический опыт: попытка концептуализации // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 30.

⁵² *Воеводина Л.Н., Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б.* Жизненный мир человека и «карнавальная» концепция истории // Вестник Московского государственного

тов позволяет вернуть историческому факту его многоплановость, представить его не только как музейный экспонат, а как интегративное единство прошлого настоящего и будущего. Значение этого подчеркивал Ж.-П. Сартр: «Человеческую реальность потеряют из виду, если не будут рассматривать ее значения как синтетические, многомерные, нерастворимые объекты, которые занимают особые места во времени-пространстве со многими измерениями»⁵³.

Одной из первых утопий стал образ идеального государства Платона, описанный в IV в. до н.э. в диалоге «Государство». Идеальная социальная организация, возглавляемая правителем-философом, выступала в качестве образца справедливости. Конечно, образ государства Платона был далек от древнегреческой политической действительности, вместе с тем он точно выражал содержание того аристократического этоса, который в целом определял направления развития древнегреческого полиса. Социально-политическую картину Европы эпохи Нового времени точно передает утопический проект XVI в. Т. Мора «Утопия». В первой книге автор описывает нравственный кризис своего времени, связанный с огораживанием и показывает, что развитие английской промышленности, имеет свою обратную сторону – обезземливание и обнищание крестьян. Во второй книге философ

университета культуры и искусства. 2016. № 2. С. 43.

⁵³ Сартр Ж.П. Критика диалектического разума (фрагмент) // Эстетические исследования: Методы и критерии / К.М. Долгов, М.К. Мамардашвили, Ю.П. Сенокосов, В.К. Кантор и др. М.: ИФРАН, 1996. С. 178.

предлагает метафизический проект социального устройства и гуманистический идеал гражданина. На острове под названием Утопия нет места денежному обращению, привилегиям и смертной казни. В XVII в. Т. Кампанелла предлагает свой образец идеального государства «Город солнца», в котором уже не только отменяется денежное обращение, но и вводится коллективная собственность, граждане живут общиной под руководством Метафизика (ученого и первосвященника). Т. Кампанелла уповает на развитие науки как на главный инструмент улучшения социальной реальности. Технические открытия будущего должны, по его мнению, подчинить природу и облегчить жизнь человека.

Ранние утопии Платона, Т. Мора и Т. Кампанеллы – классические примеры социального проектирования будущего. В первой половине XIX в. возникли утопии, которые легли в основу социал-демократической идеологии и оказали значительное влияние на формирование революционных настроений в России в XIX – начале XX вв. Центр общественного движения в России первой половины XIX в. – студенческие кружки и редакции газет. В их программах речь не шла о разработке конституционных проектов. Актуальным был вопрос о справедливости социального устройства и правах человека. В Москве был создан кружок Д. Веневитинова, который посещали А.С. Хомяков, М.В. Киреевский, А.И. Кошелев. Н.И. Надеждин начинает издавать журнал «Телескоп», а действующий кружок философа и поэта

Н.В. Станкевича посещают Т.Н. Грановский, К.С. Аксаков, М.А. Бакунин. В кружке А.И. Герцена в Московском университете активно обсуждались работы социалистов-утопистов. В публичной библиотеке, созданной кружком М.В. Буташевича-Петрашевского в Санкт-Петербурге были книги социалистов-утопистов Р. Оуэна, Ш. Фурье и К. Сен-Симона. Утопические проекты будущего, несомненно, оказали существенное влияние на формирование социально-философских идей русской революции.

Английский промышленник Роберт Оуэн в своих работах «Книга о новом нравственном мире» и «Доклад графству Нью-Ланарк» обличает несправедливость капиталистического общества. На своей фабрике в Нью-Ланарке Р. Оуэн открывает светские школы для детей рабочих, строит благоустроенные жилища для рабочих, столовую, торговые лавки, сберегательную кассу и детский сад, сокращает рабочее время с 17 до 10 часов в день. Причиной бедности рабочих он называет включение в стоимость товаров прибыли. Р. Оуэн обосновывает трудовую теорию стоимости и противопоставляет теории народонаселения Мальтуса свою концепцию разумно устроенного общества, в котором ресурсов хватит всем. Программа преобразований Р. Оуэна исключает революции, ее главным инструментом являются разумные законы и просвещение населения посредством периодической печати и образования.

Социальный проект Р. Оуэна основан на метафоре «все

люди – один братский союз», из которой следовал отказ от привилегий, равенство женщин и мужчин, свобода совести, права каждого человека не только на труд, но и на образование. Развитием этой концепции стала экономическая программа преобразований. В ее основе – постепенный отход от частной собственности: правительство постепенно скупает землю по рыночной цене у желающих ее продать. В будущем она становится общественной собственностью – единственным источником доходов государства. На скупленной земле создаются ассоциации «самостоятельные поселки», имеющие статус федеративных образований (500–3000 человек). В ассоциациях машинное производство заменяет ручной труд, а на смену национальным деньгам с завышенной стоимостью приходят бонны.

Во Франции в это же время свою концепцию социальных преобразований выдвигает Клод Сен-Симон в работах «Письма Женевского обитателя к современникам», «О промышленной системе», «Катехизис промышленности». Идеал К. Сен-Симона – общество «индустриального равенства», переход к которому исторически неизбежен и может быть осуществлен без революции. Рыночная экономика выступает в качестве этапа мирного перехода к индустриальному строю, так как частная собственность лежит в основе общественного порядка, но нуждается в социальном регулировании. В результате в обществе К. Сен-Симона антагонистические классы должны исчезнуть мирным путем, а власть пе-

рейти к рабочим – тем, кто реально занят в производстве. Правительство же будет занято только экономическими вопросами, а не политическими.

В первой половине XIX в. во Франции выдвигает свой план социально-экономических изменений Шарль Фурье в работах «Теория четырех движений и всеобщих судеб», «О трех внешних единствах». Он описывает два противоположных строя. Образ несправедливого мира – «строй цивилизации», в котором царит бедность и неравенство, рабочие отрываются от средств производства, а непроизводительный класс торговцев расширяется. Идеал Ш. Фурье – «социетарный мир», «гарантизм» – «строй согласованности». Переход к нему займет всего 30 лет. Средства же, которые помогут его произвести, – это реформы, агитация и личный пример. Инициатива перемен должна прийти снизу, а не от правительства, как у Оуэна. Наилучшим типом малой социально-экономической группы Ш. Фурье называет фаланстер – дворец, где живут и работают члены фаланги (коммуны): рабочие становятся акционерами и участвуют в прибылях – собственность приобретает всеобщий характер. В таком типе общественной организации отсутствует наемный труд, руководитель избирается из числа рабочих. В 40-х гг. XIX в. в США насчитывалось около 20 тыс. таких фаланстеров.

«Строй согласованности» Ш. Фурье предполагает единство денег, языка, мер, типографских знаков; освобождение рабов, согласованное добровольно с их хозяевами, промыш-

ленное производство становится только дополнением к земледелию, отказ от уравнительности (не должна потеряться индивидуальность человека). Вместе с тем, Ш. Фурье предвидел повышение социальной роли женщины, расширение масштабов совместного проживания людей: возникновение многоквартирных домов, гостиниц, пансионатов, создание служб по коллективному выполнению услуг, общественному питанию, воспитанию детей.

Таким образом, социально-философские идеи русской революции созревали под влиянием утопических проектов социалистов-утопистов первой половины XIX в., что позволяет рассматривать их как часть всемирной истории общественных преобразований, предлагающей широкие альтернативы реформирования социальной реальности.

Октябрьская революция – переход к социализму или к государственному капитализму? Историко-философские аспекты проблемы

Куреньшев А.А.

Аннотация. В статье говорится о теоретических и практических проблемах построения социализма в России после Октябрьской революции. О спорах по этому вопросу среди марксистов в связи с малочисленностью рабочего класса и преобладанием крестьянства среди населения. Делается вывод о том, что то, что объявлялось «социализмом» было на самом деле государственным капитализмом.

Ключевые слова: капитализм, социализм, государственное регулирование, планирование, крестьянство.

THE OCTOBER REVOLUTION – THE TRANSITION TO SOCIALISM OR STATE CAPITALISM? HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

Kuryonyshev A.A.

Abstract. The article deals with the theoretical and practical problems of building socialism in Russia after the October Revolution. On the debate on this issue among the Marxists in connection with the small number of the working class and the predominance of the peasantry among the population. It is concluded that what was declared "socialism" was in fact state capitalism.

Keywords: capitalism, socialism, state regulation, planning, peasantry.

Проблема, поставленная в заглавие доклада, очень сложна, многообразна и многопланова. В свое время за одну только попытку поставить и рассматривать ее люди попадали в заключение, а то и в расстрельные подвалы. Октябрьская революция, называвшаяся ее деятелями сначала переворотом, превратилась в «Великую Октябрьскую социалистическую революцию». Ежегодно в СССР дни 7–8 ноября отмечались

как самый большой праздник страны. Как известно, и на советском уровне, и в ходе выборов в Учредительное собрание большинство населения проголосовало за списки социалистических партий: эсеров, социал-демократов большевиков и меньшевиков и т.д. Таким образом, народ сделал социалистический выбор. Возникает вопрос: а как, собственно говоря, проголосовавший за социалистов народ представлял себе этот самый социализм? И вот тут-то и начинаются всяческие коллизии.

В организации так называемого «социалистического эксперимента», закончившегося, как считают многие политики и обществоведы, крахом в 1991 г., обвиняют большевиков и персонально Ленина, фанатика, одержимого идеей мировой коммунистической революции человека. Персонификация и антропоморфизм в объяснении различных природных и социальных явлений, вообще, свойственен человечеству, особенно на ранних ступенях его развития. Однако настолько ли виновен Владимир Ильич в безудержном стремлении российских граждан к социальному равенству, национализации и социализации орудий и средств производства, природных ресурсов и культурного наследия? Так вот, и этого не хотел видеть и замечать Г.В. Плеханов, именно «низы», рабочие, крестьяне и солдаты толкали руководство к осуществлению все более и более радикальных преобразований. Крестьяне в массе своей требовали ликвидации частной земельной собственности, причем не только крупной помещичьей, но и

средней и мелкой крестьян выделенцев, хуторян и отрубников. Рабочие, поскольку владельцы предприятий не только угрожали, но и кое-где реализовывали планы локаута и попросту бросали фабрики и заводы, требовали от властей национализации, огосударствления производства.

Г.В. Плеханов отрицал возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1917 г. Обоснованию своей позиции он посвятил ряд статей.

Статья «Буки-Аз-Ба» трактует вопрос, который в первые дни после октября так волновал демократические и интеллигентские круги, вопрос о том, «должны ли мы, революционеры, в своей практической деятельности держаться каких-нибудь безусловных принципов»⁵⁴.

Его со всех концов начали упрекать в том, что он был родоначальником большевизма в России, что «аморальный» принцип относительности всех демократических принципов впервые в обиход социалистов был введен им и т.д. По этому поводу он и преподнес несколько азбучных истин эсерам и иным, поднявшим шум. Он отметил, прежде всего, что принцип, о котором идет речь, не его изобретение, а берет начало от Гегеля. Научный социализм унаследовал от него этот принцип, он также не знает «ничего абсолютного, ничего безусловного, кроме беспристрастной смерти или вечно-го возрождения. Он детально и последовательно развивает

---

⁵⁴ Плеханов Г.В. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. В 2 т. Париж: Изд. Поволоцкого, 1921. Т. 2. С. 259.

то положение, что все зависит от обстоятельства времени и места»⁵⁵.

Научный социализм и на правила политической тактики «отказывается смотреть, как на безусловные. Он считает наилучшими те из них, которые вернее других ведут к цели, и он отбрасывает, как негодную ветошь, тактические и политические правила, ставшие нецелесообразными. Нецелесообразность – вот единственный критерий его в вопросах политики и тактики»⁵⁶.

«Не человек для субботы, а суббота для человека. Переведите это положение на язык политики, и оно будет гласить: не революция для торжества тех или других тактических правил, а тактические правила для торжества революции. Кто хорошо поймет это положение, кто станет руководствоваться им во всех своих тактических соображениях, тот – и только тот – покажет себя истинным революционером»⁵⁷. Плеханов в этой же статье отказывается признать большевиков за своих прямых последователей. Однако всякий беспристрастный читатель его статьи увидит, что большевики именно тем и показали себя всему миру хорошими «истинными революционерами», что достаточно хорошо усвоили идеи Г.В. Плеханова.

В предисловии к другой реферируемой брошюре Г.В.

---

⁵⁵ Там же. С. 260.

⁵⁶ Там же. С. 261.

⁵⁷ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 351.

Плеханова г. Фердман (все тот же Арзаев) делает попытку доказать, что Г.В. Плеханов никогда не был сторонником «...классового над народным и национальным» (это выражение эсера М. Вишняка, а известно, как невразумительна всегда речь эсера), что он отродясь был за коалицию с буржуазией и в экстазе заявляет, что никто с подобной глубиной не обосновывал «национальную идею», как Плеханов.

Г.В. Плеханов писал в своих последних статьях: «наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России...

В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализ-

ма»⁵⁸. Возникает вопрос: удалось ли большевикам во главе с Лениным «вырулить» с этой торной дороги развития крестьянского хозяйства? И что они для этого делали?

Выступая на съезде против прожектеров, выдвигавших декларативные, широковещательные проекты либо немедленного строительства социализма в деревне через совхозы, либо немедленной коллективизации сельского хозяйства, Ленин указывал, что в конкретных условиях 1920–1921 гг. в деле восстановления сельского хозяйства надо опираться на единоличного крестьянина: «Он таков и в ближайшее время иным не будет... От общих рассуждений надо перейти к тому, как сделать первый и практический шаг обязательно этой весной и ни в коем случае не позже, и только такая постановка вопроса будет деловая»⁵⁹.

Основной идеей при разработке закона «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» являлась мысль о перенесении методов государственного регулирования из области промышленного производства в область мелкотоварного крестьянского хозяйства. Если в годы гражданской войны государство могло через продразвёрстку регулировать лишь заготовку сельскохозяйственных продуктов, то теперь оно подходило к регулированию сельскохозяйственного производства, ставя перед сельским хо-

---

⁵⁸ Плеханов Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим // Единство. 1917. 28 октября.

⁵⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 181.

зйством конкретные задачи: обработать и засеять определенные посевные площади, провести минимальные агрономические мероприятия, обеспечить определенную урожайность. В свою очередь, государство принимало на себя ряд обязательств по организации помощи крестьянству в проведении посевной кампании: «Признавая сельское хозяйство важнейшей отраслью хозяйства Республики, возлагая на все органы Советской власти обязанность усиленной всесторонней помощи крестьянскому земледелию, рабоче-крестьянская власть объявляет в то же время правильное ведение земледельческого хозяйства великой государственной обязанностью крестьянского населения»⁶⁰.

Важно отметить, что идея образования посевкомов выдвигалась и широко поддерживалась местными работниками и организациями. Например, в письме уржумскому делегату съезда от уржумской партийной организации писалось: «Особенно важный и серьезный вопрос затронут о комитетах содействия»⁶¹. А в тезисах, утвержденных уржумским партийным собранием, отмечалось: «Для вовлечения в работу широких слоев населения создать комитеты содействия... в задачи, которых поставить проведение государственного плана засева полей»⁶².

Посевкомам вменялось в обязанность организовать ши-

---

⁶⁰ Там же. С. 191.

⁶¹ Ленин В.И. Указ. соч. С. 186.

⁶² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 11. Д. 73. Л. 110.

рокую помощь крестьянскому хозяйству. Они должны были привести в образцовый порядок все учреждения, оказывавшие крестьянам техническую и организационную помощь: ремонтные мастерские, прокатные пункты, мельницы и т.д. Они должны были организовать и правильное использование усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря (косилки, жатки) и переброску на посевную и уборочную кампании трудармейских и красноармейских частей. Им же вменялась в обязанность широкая сельскохозяйственная пропаганда⁶³. Съезд поручил СНК дать указания всем хозяйственным наркоматам и ведомствам об организации помощи сельскому хозяйству⁶⁴.

Таким образом, государство в первых же пунктах закона брало на себя ряд обязательств в оказании помощи крестьянскому хозяйству, как инвентарем, так и рабочей силой в размерах, в каких это было возможно в условиях разрухи 1920–1921 гг. В то же время государство брало в свои руки, как уже упоминалось, руководство посевной кампанией. Теперь определение размера площадей для посева и характер засева перестали быть делом отдельных крестьян. «В целях поддержания мерами государственной власти, – писалось в законе, – стремления лучших хозяев расширить площади за-

---

⁶³ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 62.

⁶⁴ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (22–29 декабря 1920 г.). М.: Гос. изд-во, 1921. С. 267.

сева, объявить государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева»⁶⁵.

На первом этапе перехода к мирной работе государство осуществляло еще целый ряд мероприятий методами военного коммунизма. Засев крестьянами своего поля объявлялся «государственной повинностью» наравне с повинностью гужевой и трудовой. Военно-коммунистические принципы были положены и в основу определения характера тех культур, которые каждый крестьянин должен высевать. Через систему посевкомов и селькомов государство обязывало каждого крестьянина сеять определенные сельскохозяйственные культуры.

Впервые государство подошло и к принятию принципа планирования посевных площадей и определению характера посевов, поручив составление общероссийских планов посевной кампании Наркомзему, а на местах – местным посевкомам. Большое внимание было обращено на обеспечение посевных площадей семенным фондом. Перед государством встала задача: во что бы то ни стало сохранить семенной фонд. В связи с голодом была опасность, что семенной фонд будет съеден. И В.И. Ленин, предостерегая от этого, говорил: «Наша цель состоит в том, чтобы количество семян, необходимое для полного обсеменения, взять под охрану государ-

---

⁶⁵ Восьмой Всероссийский Съезд Советов... С. 267.

ства»⁶⁶.

Сохранение находившихся у крестьян на руках семенных фондов становилось делом государства, обеспечивавшего сохранение этих семян совместно с крестьянами. «Объявить запасы семян, находящиеся у земледельцев, – устанавливать закон в параграфе 9, – в потребном для хозяйства количестве, неприкосновенным семенным фондом и принять меры к охране семенного фонда и к внутригубернскому распределению семян»⁶⁷. Закон намечал целый ряд мер по сохранению семян, как то: сдача в общественные амбары в мешках владельцев и с их пометкой, объявление семян, находящихся у частных владельцев, неприкосновенными, при условии их личной ответственности за сохранение семенного фонда. Интересно отметить, что целый ряд предусмотренных законом мер по охране семян являлся обобщением уже имевшегося на местах опыта. Так, один из делегатов съезда, курский крестьянин, рассказывал в кулуарах съезда: «У нас по-хорошему устроилось, умудрил господь, выделили амбар, и давай в него семена возить... потом амбар на два замочка с печатью, один ключ у нас, другой у исполкома, они туда без нас не могут попасть, и мы не сумеем»⁶⁸.

Характеризуя связь закона с установившейся практикой, Ленин говорил о том, что закон исходит из местного опыта,

---

⁶⁶ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 42. С. 179.

⁶⁷ Восьмой Всероссийский Съезд Советов... С. 269.

⁶⁸ Восьмой Всероссийский Съезд Советов... С. 269.

и на местах это уже почувствовали. Разрабатывая и утверждая проект закона, съезд не ограничился установлением государственного руководства засевам полей и сохранением семян. Он вынес решение о необходимости государственного регулирования технологии сельскохозяйственного производства, поручив посевам под руководством и контролем Наркомзема разрабатывать обязательные правила основных приемов обработки полей и улучшения лугов, а также приемов посева и методов сохранения плодородия почвы.

Таким образом, советское государство вплотную подошло к вопросу улучшения методов обработки земли, к вопросу о перенесении лучших методов на все многомиллионное крестьянское хозяйство. При этом советское государство не только ставило перед собой задачу восстановления довоенного уровня сельского хозяйства, но и делало первые шаги в области перевода его на новые, передовые методы агротехники. И только. Ясно, что в период существования мелко-единоличного крестьянского хозяйства социалистическая реконструкция сельского хозяйства не могла быть проведена в полной мере.

Великая октябрьская социалистическая революция – революционный процесс перехода в новую общественно- экономическую формацию

Синчук Ю.В.

Аннотация. В статье анализируется историческое значение важнейшего события XX в., предопределившего мировую историю. Великая Октябрьская социалистическая революция – революционный процесс, положивший начало перехода России в новую общественно-экономическую формацию.

Ключевые слова: Великая Октябрьская социалистическая революция, Россия, революционный процесс, СССР, общественно-экономическая формация.

THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION – IS A REVOLUTIONARY TRANSITION PROCESS IN A NEW SOCIO-ECONOMIC FORMATION

Sinchuk Y. V.

Abstract. The article analyzes the historical significance of the most important event of the 20th century, which predetermined world history. The Great October Socialist Revolution is a revolutionary process that initiated the transition of Russia into a new socioeconomic formation.

Keywords: Great October Socialist Revolution, Russia, revolutionary process, USSR, socio-economic formation.

Великая Октябрьская социалистическая революция – неотменяемая часть истории Российской Федерации. Сто лет назад в истории нашей страны произошло событие, которое изменило жизнь государства в целом и каждого человека в отдельности – коренной перелом в отечественной истории, затронувший все сферы общественной жизни. На современном этапе, спустя век от тех октябрьских дней 1917 г., нельзя забывать, умалчивать, фальсифицировать историю. Нельзя вычеркнуть из истории России Октябрь, а, следовательно, вместе с ним и 70 лет Союза Советских Социалистических Республик.

России тысячи лет, и пока мы не будем воспринимать историю страны в ее неразрывности и единстве, не зачеркивая никакие периоды, у нас не будет преемственного будущего⁶⁹.

В историческом сознании современной России, переживающей период социальной, культурной и политической трансформации, Великая Октябрьская социалистическая революция до сих пор не получила однозначной оценки. Многие аспекты данного периода российской истории остаются нераскрытыми или раскрытыми необъективно и политически ангажировано.

История Великой Октябрьской социалистической революции представляется с различных позиций с дней ее свершения и до настоящего времени. Ее иные названия: «Октябрьское восстание», «Октябрьская революция», «большевистский переворот», «Октябрьский переворот». Западная историография, идеология буржуазного общества представляют Великую Октябрьскую социалистическую революцию как «историческую ошибку» «экстремистов-большевиков», совершивших «насилие над народом и историей» или как «большевистский переворот» экстремистов, рвущихся к власти.

Высказывания о «незакономерности», «преждевременности» социалистической революции в России исходят из отклонений от принципов исторического анализа: отрицание

---

⁶⁹ Нарочницкая Н. Революция: до основания, а зачем? // Российская газета «Неделя». 2007. 1 ноября.

объективного характера развития революционного процесса как движения широких народных масс и отрицания цивилизационного своеобразия в закономерности смены общественно-экономических формаций⁷⁰.

Игнорируя в названии «Великая Октябрьская социалистическая революция» в России слово «Великая», буржуазная историография⁷¹ нарушает принципы историзма. Так, Французская революция XVIII в., вошедшая в мировую историю как Великая французская революция, и в настоящее время остается таковой и является национальной гордостью французского народа. Великая французская революция обусловила переход европейских стран в капиталистическую формацию, дала человечеству «Декларацию прав человека и гражданина».

О Великой Октябрьской социалистической революции современные историки России оставили упоминание как о «Великой русской революции», «Великой российской революции», прошедшей в своем развитии несколько этапов: события февраля 1917 г. (Февральская буржуазно-демократическая революция – свержение самодержавия), события в

---

⁷⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция, ее особенности и историческое значение. [Электронный ресурс]. URL: http://hister1.ru/otechestvennaia_istoria/noveishee_vremia/velikaia_oktiabariskaia_socialisticheskaja_revolycia.htm (дата обращения: 06.10.2017).

⁷¹ *Пайнс Р.* Русская революция. В 3 кн. М.: Захаров, 2005. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917.

октябре (раньше называлась Великая Октябрьская социалистическая революция) и гражданская война как продолжение революции, тем самым отказавшись признать революцию «социалистической». Великий Октябрь из российской истории исчез. В результате когда-то главный праздник Союза Советских Социалистических республик (СССР) был вычеркнут не только из календаря, но и по возможности из памяти будущих поколений⁷².

В современном мире и в последующие годы вопрос о месте революции 1917 г. и советского наследия в понимании исторического пути государства российского и мирового сообщества по-прежнему остается открытым⁷³. Задача философов, политологов, историков и др. – освещать историю Великого Октября как объективного и закономерного явления мировой истории. Значимые страницы истории, даты, события, а Великая Октябрьская социалистическая революция, безусловно, таковой является, не исчезают в небытие, о них невозможно умолчать, ибо они являются ключевыми, веховыми и требуют осмысления, переосмыс-

---

⁷² Навстречу 100-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции. Есть у революции начало // Информационно-аналитический и деловой портал «Времени нет». 2017. 21 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <http://vremennet.ru/> (дата обращения: 02.10.2017).

⁷³ Синчук Ю.В., Мезинцев К.В., Синчук Ю.Ю. Духовные ценности человека: разные эпохи и поколения России / Концептуал. Сборник научных трудов каф. Философии и истории. Московский финансово-промышл. университет «Синергия». М., 2016. С. 60–78.

ления, беспристрастного рассмотрения всей полноты вопроса, руководствуясь ценностями научности, верифицируемости, гражданской солидарности, выраженной в деликатном и объективном подходе к историческим событиям. Это задача исследователей современности и последующих поколений. Иначе как объяснить, как и почему на карте мира появилась такая могущественная сверхдержава – Союз Советских Социалистических Республик, который победил во Второй мировой войне, разгромил гитлеровскую Германию, освободил свою страну и спас народы Европы от фашистской коричневой чумы, что обусловило полную и безоговорочную капитуляцию Германии и Японии; который достиг невероятных высот в науке, технике, строительстве, в космосе. Так, Юрий Гагарин – гражданин СССР – стал первым человеком в мировой истории, совершившим полет в космическое пространство (12 апреля 1961 г.)⁷⁴.

Именно Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало созданию самого сильного, могучего государства, великой державы мира – СССР и оказала революционизирующее влияние на весь мир.

Несмотря на развернувшуюся ожесточенную идеологическую борьбу зарубежных антисоветчиков против Советской России, а потом против СССР, Великий Октябрь вызвал

---

⁷⁴ Синчук Ю.В. Крепость морального духа в годы великой отечественной войны / Концептуал. Сборник научных трудов каф. Философии и истории. С. 319–331.

огромное сочувствие и поддержку трудящихся во всем мире. Октябрьскую революцию считали главным событием XX в., оказавшим огромное позитивное влияние на Россию и весь мир в целом, отмечая огромные позитивные результаты революции, изменившие жизнь трудящихся в советском государстве к лучшему.

XX в. – век России. Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение на мировой арене СССР породили на Западе социальное государство и в целом усилили роль государств в экономиках, а на Востоке влияние было еще более масштабным: социалистические революции победили в ряде стран, появились просоветские режимы.

В процессе подготовки к столетию Великой Октябрьской социалистической революции председатель Российского исторического общества С. Нарышкин выразил позицию оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, связанных со 100-летием революции. Он отметил, что необходимо очень деликатно и взвешенно относиться к анализу причин и итогов революции 1917 г., а также уважительно относиться к исторической памяти.

Столетний рубеж – знаковый для исторической памяти. Именно сейчас необходимо поддержать тенденцию примирения общества с событиями 1917 г. и способствовать популяризации качественного исторического знания для извлечения из них уроков. Ромен Роллан сказал: «Революция –

как любовь, горе тому, кто об этом забудет»⁷⁵.

Великая Октябрьская социалистическая революция – крупнейшее политическое событие XX в., произошедшее в России в октябре (25) (по новому стилю – в ноябре (7)) 1917 г. и повлиявшее на дальнейший ход всемирной истории. В Петрограде (Санкт-Петербурге) произошло вооруженное восстание, закончившееся взятием Зимнего дворца, низвержением Временного правительства и провозглашением власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, которая просуществовала в нашей стране семьдесят с лишним лет.

Новый тип демократии – Советская власть – власть рабочих и крестьян, Союз Советских Социалистических республик просуществовал более 70 лет. Демократия – впервые в истории человечества самые широкие народные массы стали хозяевами своей судьбы. «Само возникновение СССР и даже первые трудные годы его существования, – отмечает американский писатель Теодор Драйзер, – положили начало весьма убедительному и не вызывающему возражений доводу, ныне ставшему несокрушимым. На мировой арене появилась нация, обоснованно утверждающая: наша система дает не собственнику капитала, а его производителю справедливо и удобно построенную жизнь и все блага, которые способны изобрести гении, искусство, наука и силы человеческого

---

⁷⁵ Громова А. Между струй: Великий Октябрь 1917-го без причин, следствий, героев. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2327570.html> (дата обращения: 06.10.2017).

разума. Этот светоч неизбежно стал не только маяком для России, но и могучим прожектором, безжалостно вскрывающим и разоблачающим махинации, лживость, конфликты, порожденные жадностью, темные предрассудки и мусор капиталистической системы»⁷⁶.

Очевидец событий октября 1917 г., американский писатель Джон Рид, понимавший смысл событий, смысл великой борьбы, в своей замечательной книге «Десять дней, которые потрясли мир», необычайно ярко и сильно описывает первые дни Великого Октября. Великой Октябрьской социалистической революции, которая «потрясла весь мир»⁷⁷.

История Великого Октября – объективное и закономерное явление мировой истории, положившее начало перехода человечества от капитализма к социализму. Великая Октябрьская социалистическая революция – революционный процесс перехода в новую общественно-экономическую формацию. Была открыта новая эра в истории человечества – эра перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

Революционный процесс – развитие общества от предыдущей общественно-экономической формации к последующей, в которой степень обобществления хотя бы одного элемента общественного производства – трудящихся и их ра-

---

⁷⁶ Историческое значение Октябрьской революции // Всемирная История. В 10 т. / Под ред. В.В. Курасова, А.М. Некрича, Е.А. Болтина и др. М.: Мысль, 1965. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history-at-russia.ru> (дата обращения: 06.10.2017).

⁷⁷ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат, 1957.

бочей силы, средств производства и предметов потребления выше, чем в предыдущей (например, движение от капитализма к социализму или от социализма к коммунизму). Обратное движение – от последующей формации к предыдущей – есть контрреволюционный процесс⁷⁸.

Революция – относительно быстрый переход от предыдущей формации к последующей, а контрреволюция – относительно быстрый переход от последующей формации к предыдущей.

История выбрала Россию пионером в этом переходе как слабое звено в системе империализма, с одной стороны, и как страну с огромным человеческим и материальным потенциалом, способствовавшим победе революции и ее защите, с другой⁷⁹.

С Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый этап истории человечества, оказавший на мировой исторический процесс огромное влияние – Новейшее время. В этом сущность и значение этого исторического эпохального события.

В результате Октябрьской революции в России была

---

⁷⁸ Краткий политологический толковый словарь. Национальная политическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/termin/revolyucionnyi-process.html> (дата обращения: 06.10.2017).

⁷⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция: история и современность Сб. научно-популярных статей, посвященный 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.И. Егорова, А.В. Грехова, А.В. Медеведева и др. Нижний Новгород: Фортуна, 2017.

свергнута власть буржуазии и помещиков и установлена диктатура пролетариата, впервые в истории человечества победил пролетариат в союзе с крестьянами и создал Советское социалистическое государство – государство трудящихся. Революция ликвидировала сохранившиеся от феодализма сословную систему и помещичье землевладение, национализировала землю, банки, а потом и промышленность. Крестьяне получили в свое распоряжение всю землю. Рабочие начали участвовать в управлении предприятиями.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась торжеством марксизма-ленинизма.

Октябрьская революция 1917 г. совершила первый прорыв к социализму, дала человечеству «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и «Декларацию прав народов России».

Коренные перемены, которые произошли в России после революции в октябре 1917 г., изменили цивилизационные основы общества, сознание людей. В результате индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции в СССР было создано новое социалистическое общество и советское государство с мощной материальной базой, что обеспечило победу советского народа над фашистской Германией и превращение СССР в мировую супердержаву.

Значимость Великой Октябрьской социалистической революции неоспорима: по силе воздействия на мировые про-

цессы она признана важнейшим событием XX в. Она предопределила историю XX в., как в свое время Французская революция предопределила развитие западной цивилизации в XIX в.

События столетней давности в 2017 г. приобретают актуальный политический окрас. Всему российскому обществу требуется гораздо более глубокое осмысление Великого Октября. Как отметил директор Института российской истории РАН Ю. Петров: «Теперь же российское общество требует после длительного периода политического, идеологического и историографического мифотворчества перейти к объективному осмыслению революции как исторически закономерного звена непрерывного развития России»⁸⁰.

При всем расхождении взглядов на события столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на земле нового справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на развитие народов всей планеты. Революционная трансформация России положила начало новому глобальному проекту цивилизационного масштаба.

---

⁸⁰ Громова А. Указ. соч.

1917 год: события, факты, процессы

Рабочий класс и революция 1917 г. в России: современная русская, английская и американская историография

Куреньшева Е.П.

Аннотация. Статья посвящена анализу русской, английской и американской историографии облика и роли пролетариата в революции 1917 г. в России. Выявляются основные темы современной постсоветской историографии: социокультурный облик русского пролетариата; роль рабочих организаций в революционных событиях; этническая и профессиональная принадлежность рабочих. В статье особое внимание уделяется работам английских и американских историков 80-х гг. XX в. – 2000-х гг., посвященным различным аспектам рабочего движения в России 1917 г. Темы, исследуемые в работах английских и американских историков, такие

как факторы радикализации российского рабочего движения в 1917 г., особенности раннеиндустриального протестного движения рабочих России; социальная дифференциация рабочих; единство и различия целей рабочих организаций и политических партий, в первую очередь РСДРП(б); пролетарские символы революции и другие позволяют увидеть новые аспекты истории рабочих в революции 1917 г., открывают поле для новых исследований по проблеме, которая далеко еще не понята и не объяснена в современной науке.

Ключевые слова: историография, российский пролетариат, социокультурный облик, радикализация, рабочие кадры, новые рабочие, понятие «классового врага», «разрыхленная партия», большевики.

THE WORKING CLASS AND THE REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA: MODERN RUSSIAN, BRITISH AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY

Kuryonisheva E.P.

Abstract. The article is devoted to analysis of Russian, British and American historiography of the appearance and role of the proletariat in the 1917 revolution in Russia. Identifies the main theme of modern post-Soviet historiography: socio-cultural image of the Russian

proletariat; the role of workers' organizations in the revolutionary events; ethnic and religious affiliation of workers. In the article special attention is paid to the works of English and American historians of the 80-ies of XX century – the 2000s on various aspects of the labor movement in Russia in 1917. Themes explored in the works of English and American historians, such as the factors leading to the radicalization of Russian workers in 1917, features of early industrial protest in Russia and social differentiation among Russian workers; unity and differences between the objectives of workers' organizations and political parties, primarily of the RSDLP(b); symbols of proletarian revolution and others allow you to see new aspects of the history of workers in the 1917 revolution, open field for new researches on the problem which is far from understood and is not explained in modern science.

Keywords: historiography, the Russian proletariat, socio-cultural image, radicalization, workers, new workers, the concept of "class enemy", "the loosening of party", the Bolsheviks.

Внимание исследователей к изучению истории российского рабочего класса в современной российской исторической науке снизилось. Исследователям требуется время для того, чтобы переосмыслить концепцию, господствовавшую в советской историографии. Необходимо освободиться от некоего идеологизированного портрета российских пролетариев как гегемонов революции.

В этих условиях развитие данной темы в отечественной

историографии пошло по пути исследования тех тем, изучение которых по идеологическим соображениям было ограничено в советское время. Возобновилось исследование социально-культурного облика российских пролетариев в до-революционный период российской истории. Изучение данной темы было прервано в начале 70-х гг. после выхода в свет книги «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония»⁸¹. Критиков книги не устраивали выводы ее авторов об уровне сознательности и организованности российских пролетариев, их неготовности к революции⁸². Данные выводы не вписывались в концепцию гегемонии российского рабочего класса, в господствовавшую ленинскую концепцию революции.

В постсоветский период изучение данной темы стало центральной в работах С.П. Постникова и М.А. Фельдмана⁸³.

---

⁸¹ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония: Материалы Всесоюз. науч. сессии по истории пролетариата России / Отв. ред. Л.М. Иванов. М.: Наука, 1970.

⁸² Голуб П.А., Лаверьчев В.Я., Соболев П.Н. О книге «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» // Вопросы истории КПСС. 1972. № 9, С. 120–131; Милиц И.И., Нечкина М.В., Черепнин Л.В. Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития // История СССР. 1973. № 5. С. 3–16; Об итогах обсуждения книг «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия» // История СССР. 1973. № 1. С. 211–218.

⁸³ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009; Постников С.П., Фельдман М.А. Власть и рабочие Урала в 1917 г. Очерки истории и историографии. Екатеринбург: УрО РАН, 2011; Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные

С.П. Постников и М.А. Фельдман отмечают, что «длительная война [Первая мировая война. – Е.К.] вела к сокращению удельного веса кадровых индустриальных рабочих, способных сдерживать радикализм маргинальных слоев пролетариата»⁸⁴. Октябрьская революция стала возможной как следствие «опоры большевиков на леворадикальные слои пролетариата с мощными антибуржуазными эгалитаристскими настроениями...; новая власть легитимизировала политические настроения отсталых, малограмотных пролетарских слоев в рабочем классе России»⁸⁵. Выясняется, что рабочие России были далеки от образа гегемона общества. Историки С.П. Постников и М.А. Фельдман дают отрицательный ответ на вопрос «о способности промышленных рабочих возглавить культурные преобразования в стране». Причина – преобладание «обширного массива малоквалифицированных, неграмотных, малограмотных пролетариев»⁸⁶. Если в 1897 г. неграмотных среди промышленных рабочих насчитывалось 52%, т.е. более половины, то в 1920-е – начале 1940-х гг., несмотря на определенный подъем уровня грамотности, который ограничивался элементарным умением читать и писать, устойчивой ценностью в рабочей сре-

---

науки и современность. 2012. № 5. С. 112-120. и др.

⁸⁴ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих... С. 304.

⁸⁵ Там же. С. 305.

⁸⁶ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч С. 357.

де стало и оставалось школьное обучение в пределах 3–3,5 классов. Семилетнее и выше образование даже в конце 30-х гг. имели всего 8,4% от всего числа рабочих, что на порядок ниже, чем, например, в тот же период в Германии⁸⁷.

Еще одно направление исследований, не приветствовавшееся в советские годы, – это тема протестного движения рабочих, противоречий во взаимоотношениях советской власти и рабочих, профсоюзных организаций. В работах Д.О. Чуракова на солидной источниковой базе воссоздается далеко неидеальная картина взаимоотношений рабочих организаций и партийных организаций РСДРП(б) – РКП(б)⁸⁸. Д.О. Чураков делает вывод о том, что между партийными организациями и фабзавкомом существовали определенные противоречия в 1917 г., что «фабзавкомовское движение было очень неоднородным», и что, хотя «фабрично-заводские комитеты сыграли свою важную роль в революции»⁸⁹, они не сыграли решающей роли в вооруженном захвате власти непосредственно. «Роль фабзавкомов при переходе власти к

---

⁸⁷ Там же. С. 363.

⁸⁸ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004; *Он же.* Организованный рабочий протест и становление Советского государства. М.: Прометей, 2003 и др.

⁸⁹ *Чураков Д.О.* Фабзавкомы в событиях Октябрьской революции 1917 года // Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания. Сб. статей по итогам Международной научной конференции (МПГУ, 24–25 апреля 2017 г.). М., 2017. С. 173.

большевикам сводилась в эти дни к обеспечению поддержки организационными и людскими ресурсами деятельности Советов и Красной гвардии»⁹⁰.

Тему социальных корней «сталинского большевизма» раскрывает в недавно изданной, но уже широко известной книге А.В. Пыжиков⁹¹. Во второй главе книги автор исследует национально-конфессиональное «лицо» дореволюционного пролетариата. На основе анализа разнообразных источников он приходит к выводу о том, что «на заводах и фабриках складывался довольно устойчивый костяк, состоявший в основном из русских рабочих»⁹². А.В. Пыжиков небезосновательно сомневается в преобладании атеизма в рабочей среде. Он отмечает, что «православная идентификация русского пролетария реализовывалась вне господствующей церковной традиции»⁹³. В то же время «фабрично-заводские рабочие были подвержены черносотенным настроениям»⁹⁴. «Внецерковная традиция держалась здесь на... старообрядческом беспоповстве»⁹⁵. В исследовании А.В. Пыжикова Октябрьская революция показана как верхушечное явление,

---

⁹⁰ Чураков Д.О. Указ. соч.

⁹¹ Пыжиков А.С. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2016.

⁹² Там же. С. 62.

⁹³ Там же. С. 81.

⁹⁴ Там же. С. 83.

⁹⁵ Там же. С. 85.

которое позволило выйти на историческую арену полуграмотным пролетариям, унаследовавшим от царского периода ненависть и к поповству, и к буржуазным ценностям. Заряженные идеей построения на Земле «царствия Божия» пролетарии с 1–3 классами образования стали опорой сталинского режима.

В связи с тем, что в современной историографии не подтвердилась прежняя идея о ведущей роли рабочих в революции, перед историками возник вопрос о том, какие же силы осуществили революцию и как взаимодействовали они друг с другом. С точки зрения Б.Н. Миронова, «Октябрьская революция – следствие борьбы за власть между разными группами элит»⁹⁶, «с точки зрения интересов рабочих революция не была логичным результатом их деятельности, т.к. их интересы были групповыми»⁹⁷. С.П. Постников и М.А. Фельдман более осторожны в оценках. Они придерживаются позиции временного совпадения интересов рабочих и социал-демократов в революции. Уральские историки, во-первых, считают, что «новая власть легитимизировала политические настроения отсталых, малограмотных пролетарских слоев в рабочем классе России»⁹⁸, а во-вторых, что совпадение инте-

---

⁹⁶ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М.: Весь Мир, 2012. С. 647.

⁹⁷ Там же. С. 648.

⁹⁸ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих... С. 305.

ресов рабочих и большевиков хронологически завершилось в середине 1930-х гг., когда произошло «масштабное исключение сотен тысяч рабочих из рядов ВКП(б)»⁹⁹.

Таким образом, в современной отечественной историографии российский пролетариат перестает в целом считаться гегемоном революции. Ему отводится теперь более скромная роль участника – поставщика кадров для Красной гвардии, Советов, фабзавкомов, для партий большевиков, меньшевиков, эсеров. Среди рабочих активистов преобладали те, кто не относился к потомственным пролетариям, не имел серьезной квалификации. Рабочая среда ориентировалась на разрыв с традиционными институтами общинности и религиозности, однако, в связи с недостаточной зрелостью рабочих кадров, этот разрыв зачастую оборачивался ростом криминогенности, а также антицерковных, антипоповских, антиинтеллигентских настроений.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отечественной, а также английской и американской историографии произошло сближений позиций исследователей истории российского пролетариата, его роли в революции 1917 г.

В 80-е – первой половине 90-х гг. XX в. абстрактная теория модернизации в работах американских и английских исследователей наполнилась применительно к истории российских революций и России конкретным содержанием. Как отмечает А.К. Соколов, «настоящий взрыв исследований, по-

---

⁹⁹ Там же. С. 361.

священных российской и советской рабочей истории», был вызван двумя моментами: влиянием теории модернизации и воздействием «таких крупных мировых авторитетов в рабочей истории, как Э. Томпсон, Э. Хобсбоум, Д. Монтгомери, Г. Гутман, Ч. Тилли...»¹⁰⁰. Сформировались основные проблемы, составлявшие предмет дискуссий исследователей: степень зрелости капиталистических отношений и внутренней конфликтности многоукладной социально-экономической структуры российского общества; роль государства в развитии («насаждении») капитализма; специфика облика рабочего класса и особенности российского рабочего движения; характер взаимодействия социальных движений и политических партий и его эволюция; своеобразие отношений центра и окраин и др.

В 1983 г. профессор Мичиганского университета Р. Суни выступил с «открытием» «новой социально-политической интерпретации большевистской победы, вырастающей из недавних и продолжающихся исследований [имеются ввиду работы английских и американских авторов – Е.К.]» на страницах центрального органа Американской Исторической Ассоциации – журнала «The American Historical Review»¹⁰¹.

---

¹⁰⁰ Соколов А.К. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 20.

¹⁰¹ Suny R.G. Toward a Social History of the October Revolution // The American Historical Review. Vol. 89. No. 1, Febr. 1983. P. 31–52.

Тема участия пролетариев в российской революции 1917 г. становится одной из основных в английских и американских исследованиях истории России в 80-е гг. XX в. – начале XXI в. В работах В. Боннель, Л. Энгельстайн, Д. Мандела, Д. Кенкер, Ст. Смита, Р. Суни, Р. Уэйда и др. была развернута концепция сознательного выбора рабочими и другими участниками революций советской альтернативы. По словам Д. Мандела «русская революция была слишком сложным явлением, чтобы его можно было свести к простой формуле. Она была, помимо прочего, солдатским мятежом, крестьянским восстанием, движением национальных меньшинств. Но она была также и особенно пролетарской революцией... Именно на долю рабочих выпало дать революции направление, организацию и большую часть действующих сил»¹⁰². В работах английских и американских историков российское рабочее движение было даже несколько идеализировано. Ст. Смит воспел российский рабочий класс как наиболее могущественную силу в обществе, способную противодействовать чрезмерным запросам¹⁰³.

Д. Мандель и Д. Кенкер объяснили революционный процесс как логический результат непреодолимого развертыва-

---

¹⁰² *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Soviet Seizure: From the July Days 1917 to July 1918. London: MACMILLAN, Macmillan Academic and Professional Ltd., in association with the Centre for Russian and East European Studies University of Birmingham, 1984. P. 418.

¹⁰³ *Smith S.A.* Red Petrograd. Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge: Cambridge University press, 1983. P. 259.

ния процесса радикализации рабочих. «Радикализация» – ключевое понятие в американской историографии российской революции 1917 г. Процесс радикализации, как показывает Д. Кенкер, набирал «силу в ответ на влияние специфических экономических и политических обстоятельств» и «отражал политическое созревание все большего числа рабочих»¹⁰⁴. А. Рабинович в рецензии на книгу Ст. Смита «Красный Октябрь. Революция на фабриках, 1917–1918 гг.» пишет: «Смит показывает, что движение за рабочий контроль росло среди петроградских рабочих весной 1917 г. стихийно, как практическая реакция на экономическую проблему»¹⁰⁵. В процессе радикализации рабочего движения Д. Кенкер придает поворотное значение корниловскому мятежу, как яркому олицетворению для рабочих «враждебности классового врага делу революции»¹⁰⁶.

Английские и американские историки провели параллели между радикализацией рабочего движения в 1905–1917 гг. в России и более ранним периодом индустриального развития в Европе. В. Боннель считает, что «радикальные идеи и социалистическая идеология находили внушительный отклик среди квалифицированных нефабричных групп и «за-

---

¹⁰⁴ *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton (N.Y.): Princeton Univ. Press, 1981. P. 361.

¹⁰⁵ *Rabinowitch A.* Review: Smith S.A. Red Petrograd. Revolution in the Factories, 1917–1918 // *The American Historical Review*. Oct. 1985. Vol. 90. N. 4. P. 983–984.

¹⁰⁶ *Koenker D.* Op. cit. P. 251.

водских мастеровых» – рабочих с относительно развитой социальной самооценкой, чувством гордости и независимости и верой в их право на лучшую жизнь»¹⁰⁷.

Революционный исход событий определялся тем, что, как пишет Р. Суни, «все больше и больше групп рабочих наряду с солдатами, матросами и другими («низшие классы») испытывали чувство замкнутости и отчужденности как в социальном, так и в политическом плане от цензового общества («имущие классы»)»¹⁰⁸. Уже к 1905 г., году начала революции в России, как показали американские историки, неприменимо понятие «народа» как единого целого¹⁰⁹. Выделившийся рабочий класс, осознавший в ходе революции 1905–1907 гг. свою отчужденность от цензового общества, в дальнейшем все более спланивался и укреплялся.

Западные историки обращают внимание на то, что среди рабочих выделялись молодые малоквалифицированные рабочие, заряженные идеями политического переустройства России¹¹⁰. Характер событий 1917 г. в Петрограде опреде-

---

¹⁰⁷ *Bonnell V.* Roots of Rebellion: Worker's Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914. Los Angeles, 1983. P. 454.

¹⁰⁸ *Suny R.G.* Professor Suny Replies // *The American Historical Review*. Oct. 1983. Vol. 88. No. 4. P. 1140.

¹⁰⁹ *Розенберг У.* История России конца XIX – начала XX вв. в зеркале американской историографии // *Россия XIX–XX веков. Взгляд зарубежных историков*. М.: Наука, 1996. С. 8–28.

¹¹⁰ *Rosenberg W.G.* Russian Labour and Bolshevik Power After October // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. No. 2. P. 213–238.

лялся преобладанием в структуре пролетариата так называемых крестьянских рабочих, рабочих-женщин и рабочих молодых или «новых рабочих», составлявших около 60% рабочей силы¹¹¹.

Английские и американские историки, исследовавшие взаимосвязи пролетариев и большевистской партии, пришли к выводам о том, что на протяжении 1917 г. контакты нарастали вследствие «растущего соответствия между желаниями последних [рабочих – Е.К.] и партийной программой и стратегией»¹¹². Причем особо отмечалось, что этот процесс был вызван «не преданностью к большевикам как к партии»¹¹³ и «не результатом удачного использования партией инстинктивных порывов рабочих»¹¹⁴, но тем, что программа и стратегия РСДРП(б) в наибольшей степени соответствовала интересам и чаяниям рабочих.

Преобладание революционного, но не реформистского настроения среди рабочих В. Боннель объясняет тем, что социал-демократическое движение было разобщено: «меньшевиков поддерживали профсоюзы рабочих-металлистов», «большевики же имели наиболее энергичных и воинствен-

---

¹¹¹ *Smith S.A.* Red Petrograd... P. 35–40.

¹¹² *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime: From the February Revolution to the July Days, 1917. London; Basingstoke, in association with the Centre for Russian and East European Studies: University of Birmingham, 1983. P. 3.

¹¹³ *Koenker D.* Op. cit. P. 187.

¹¹⁴ *Mandel D.* The Petrograd Worker and the Fall of the Old Regime... P. 3.

но настроенных последователей среди пекарей, портных и других ремесленников, а также среди некоторых групп индустриального населения»¹¹⁵.

В объяснении событий 1917 г. многие английские и американские историки опираются на концепцию «разрыхленной партии», предложенную А. Рабиновичем в книге «Большевики приходят к власти»¹¹⁶.

Западные историки обращают особое внимание на противоречия в отношениях рабочих организаций и партийных комитетов. Д. Мандель отмечает, что в дни июльского кризиса 1917 г. петроградские пролетарии оказались в изоляции. Произошло кровопролитие, вину за которое Д. Мандель возлагает непосредственно на большевиков¹¹⁷. Д. Кенкер также порицает ЦК РСДРП(б), члены которого оказались неготовы к восприятию ситуации «созревшей для насильственного захвата власти»¹¹⁸.

Д. Кенкер, У. Розенберг отмечают расхождения между рабочими организациями и партийными комитетами по вопросу проведения стачек. Так, политическую линию большевиков во время стачки московских кожевников в сентябре-октябре 1917 г. Д. Кенкер характеризует как незрелую,

---

¹¹⁵ *Bonnell V.* Op. cit. P. 454.

¹¹⁶ *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989.

¹¹⁷ *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime... P. 172.

¹¹⁸ *Koenker D.* Op. cit. P. 121.

определяемую страхом перед преждевременной всеобщей забастовкой, угрозой выхода рабочего движения из-под контроля и срыва планов организации вооруженного восстания. Д. Кенкер усматривает трагическую дилемму октября 1917 г. в Москве в коллективном осознании рабочими необходимости решающих политических мер, с одной стороны, и незрелости руководства, способного направить их к достижению цели, с другой стороны¹¹⁹.

Октябрьское восстание в описании Д. Кенкер, А. Рабиновича и др. выглядит как следствие провокации «Керенского, направленной против Военно-Революционного Комитета, большевиков и Совета»¹²⁰. По мнению Р. Уэйда, автора книги о Красной гвардии и рабочей милиции в русской революции, партийные лидеры большевиков недопонимали той роли, «какую Красная Гвардия могла бы сыграть и в действительности сыграла»¹²¹. Рецензент книги Ст. Смит отметил, что «Красная гвардия была независима от партийного контроля и располагала всего лишь пассивной поддержкой со стороны большевиков»¹²².

Таким образом, в английской и американской историографии 80-х – 90-х гг. XX в. Октябрьская революция стала рас-

---

¹¹⁹ Ibid. P. 326–328.

¹²⁰ Ibid. P. 330.

¹²¹ *Wade R. Red Guard's and Worker's Militias in the Russian Revolution. Stanford (Calif.): Stanford University press, 1984. P. 194.*

¹²² *Smith S.A. Review: Wade R. Red Guard's and Worker's Militias in the Russian Revolution. P. 186.*

смаатриваться не как переворот, а как революция социальная. «Власть, которую рабочие захватили в октябре 1917 г. ушла из их рук в ходе гражданской войны»¹²³.

Английские и американские историки отказались от одиозных схем предшествующей историографии и внесли свой существенный вклад в исследование истории русской революции 1917 г.: «Мы [американские историки рабочего класса – Е.К.] были очарованы и потрясены тем, что было сделано во имя построения социализма»¹²⁴, – признался Л. Сигельбаум. Несмотря на то, что в последние годы интерес к рабочей тематике в западной историографии снизился, работы, созданные в 80-е гг. XX в. – начале 2000-х гг. продолжают оставаться актуальными и востребованными. Тема «Рабочий класс и революция 1917 года в России» в современной историографии требует своего дальнейшего изучения.

---

¹²³ *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Soviet Seizure... P. 418.

¹²⁴ *Сигельбаум Л.* Поздний роман с советским рабочим в западной историографии // Социальная история. Ежегодник. 2004. М.: 2005. С. 61.

Меры, направленные на придание братанию организованного характера на Юго-Западном и Румынском фронтах (ноябрь – декабрь 1917 г.)

Курицын С.В.

Аннотация. В данной статье рассмотрены меры, принимаемые солдатскими комитетами и ВРК в различных воинских соединениях Юго-Западного и Румынского фронтов, направленные на придание братанию организованного характера.

Ключевые слова: братание, Русская армия, Юго-Западный фронт, Румынский фронт, Военно-революционные комитеты, перемирие, меновая торговля.

MEASURES AIMED AT GIVING FRATERNIZATION ORGANIZED ON THE SOUTHWEST AND ROMANIAN FRONTS (NOVEMBER – DECEMBER 1917)

Kuritsyn S. V.

Abstract. This article describes measures of soldier's committees and the MRC in different military formations of the Southwestern and Rumanian fronts, aimed at giving fraternization organized.

Keywords: Fraternization Russian army, Southwest front, Romanian front, the Military revolutionary committee, a truce, barter.

После того, как 2 декабря 1917 г. между Советской Россией и Четверным союзом было заключено перемирие, советский Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко в своем «Обращении к войскам» вновь санкционировал братание, ранее им приостанавливаемое, и, более того, призывал к активному участию в нем, но строго на условиях, зафиксированных в Брест-Литовском договоре¹²⁵. Таким образом,

---

¹²⁵ Обращение Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко № 194 от 4 декабря [1917 г.] // Военная литература. [Электронный ресурс]. URL: <http://>

большевики продолжили, но уже в качественно иных условиях, превращать братание в спецоперацию по экспорту революции. И для этого ревкомы и большевизированные солдатские комитеты проводили работу по приданию братанию организованного характера. Однако эта деятельность планировалась и осуществлялась не в полном соответствии с предложенным в работах В.И. Ленина сценарием. Лидер большевиков в своей работе «Проект резолюции о войне» пояснял: «Под братаньем мы разумеем, во-1-х, издание воззваний на русском языке с переводом на немецкий для распространения их на фронте; во-2-х, устройство митингов русских и немецких солдат, через переводчиков, на фронте, с тем, чтобы капиталисты и принадлежащие большей частью к классу капиталистов генералы и офицеры обеих стран ... не смели даже присутствовать на них»¹²⁶. Если вбросы листовок в австро-германские окопы с революционными призывами стали массовыми после прихода большевиков к власти в России¹²⁷, то сами формы контактов солдат, в связи с условиями перемирия, не соответствовали ленинскому плану.

---

militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/20.html (Дата обращения: 12.04.2017).

¹²⁶ Ленин В.И. Проект резолюции о войне, внесенный на Петроградскую конференцию РСДРП(б) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Политиздат, 1967–1975. Т. 31. С. 265.

¹²⁷ См. напр.: Протокол заседание дивизионного комитета 3-й гренадерской дивизии 11-й армии Юго-Западного фронта от 19 ноября // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 53–54; *Фельштинский Ю.[Г.]* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Терра, 1992. С. 62.

На Юго-Западном и Румынском фронтах придание братанию организованного характера военно-революционные комитеты развивали по двум направлениям: ограничение стихийного братания и выбор специально уполномоченных лиц для братания. Что касается ограничения стихийного братания на фронте, то для этого, к примеру, в 207-м пехотном Новобаязетском полку (52-я пехотная дивизия, 3-й Кавказский армейский корпус, 7-я армия, Юго-Западный фронт) при батальонах были организованы комиссии из 5 человек для противодействия братанию¹²⁸. 29 ноября ВРК полка выработал специальную инструкцию для этих комиссий, в которой, в частности, предписывалось: «3) Во время стоянки на позициях члены комиссии должны находиться при ротах. 4) Один член этой комиссии находится на артиллерийском наблюдательном пункте. 5) Члены комиссии не должны допускать сближения солдат противных сторон с целью братания ... 9) Строго соблюдать постановление о нейтральной зоне, чтобы люди не переходили линии проволочных заграждений»¹²⁹. Следует отметить, что полномочия членов рассматриваемых комиссий ограничивались только противодействием стихийному братанию и не распространялись на установление контакта с солдатами и офицерами про-

---

¹²⁸ Протокол № 48 экстренного заседания Военно-революционного комитета 207-го пехотного Новобаязетского полка 7-й армии Юго-Западного фронта от 29 ноября [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 55.

¹²⁹ Там же.

тивостоящих воинских соединений: «10) В случае появления со стороны противника людей с белыми флагами, выяснить причину появления могут только члены комиссии, причем последние не уполномочены вести переговоры, а должны сообщить членам Военно-революционного комитета»¹³⁰. Имелись в 7-й армии и уполномоченные лица для братания, что указано в Постановлении № 6 Военно-революционного комитета 3-го Кавказского армейского корпуса: «По вызову с австрийской стороны или германской стороны выступают только официально выбранные полками парламентареры от каждой бригады по одному солдату и по одному представителю от командного состава»¹³¹. В связи с данным положением цитируемого постановления необходимо отметить, что привлечение офицеров к участию в контактах с австро-германскими представителями также шло вразрез с установками В.И. Ленина, призывавшего «удалять ... офицеров и генералов» от участия в братаниях¹³². По нашему мнению, это стало возможным и вследствие меньшей большевизации армий Юго-Западного и Румынского фронтов, где сильное влияние сохраняли партии эсеров и меньшевиков. Кроме то-

---

¹³⁰ Протокол № 48 экстренного заседания Военно-революционного комитета 207-го пехотного Новобаязетского полка 7-й армии Юго-Западного фронта от 29 ноября [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 55.

¹³¹ Постановление № 6 Военно-революционного комитета 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта от 2 декабря [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 56.

¹³² Ленин В.И. Значение братанья // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 31. С. 460.

го, обязательное участие представителей командного состава в группах уполномоченных для вступления в контакт с представителями противника, на наш взгляд, было обусловлено в немалой степени тем, что ревкомы не могли обойтись в этом вопросе без опыта и профессиональных знаний офицеров. Сходные подходы к организации братания имели место и в 11-й армии (Юго-Западный фронт). Так, в приказе Военно-революционного комитета 25-го армейского корпуса от 1 декабря предписывалось для передачи литературы и т.п. в немецкие окопы и для выяснения других вопросов в каждом полку организовать команду братальщиков, которым при братании следовало держаться осторожно и на заданные вопросы отвечать обдуманнее. Только через посредство таких команд в 25-ом армейском корпусе допускалось братание. Остальные способы братания приказывалось прекратить.

Похожие меры принимались и на Румынском фронте. Здесь еще до официального вступления в силу заключенного генералом от инфантерии Д.Г. Щербачевым договора о перемирии на данном фронте (26 ноября) Военно-революционным комитетом 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (8-я армия) 25 ноября были выработаны инструкции по организации братания. Согласно этому документу, надлежало принять в этом направлении следующие меры: «1) На участке каждого полка иметь в окопах одного дежурного члена полкового Революционного комитета полков, зани-

мающих окопы. 2) В каждой роте и команде должны быть выбраны 2–3 уполномоченных для братания и необходимых переговоров с противником. 3) Братание и переговоры с противником могут вести только эти выборные лица, которые должны предварительно об этом ставить в известность дежурного члена Революционного комитета»¹³³. Перечисленные меры близки к действиям ревкомов 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что придание братанию организованного характера развивалось на Юго-Западном и Румынском фронтах не столько по ленинским установкам, сколько путем перенимания австро-германского опыта в этом вопросе. Такое заимствование было обусловлено сходством целей, которые ставили перед собой большевики и Центральные державы – ведь в обоих случаях одной из главных целей была пропаганда, только большевики стремились к распространению революционных идей в Европе, а Германия и ее союзники – к усилению антивоенных настроений в рядах Русской армии. Отсюда и определенная близость методов в достижении цели, которые можно свести к трем основным пунктам: 1. Распространение литературы соответствующего содержания; 2. Противодействие стихийному (неорганизованному) братанию; 3. Отправка на братание

---

¹³³ Протокол заседания Военно-революционного комитета 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 8-й армии Румынского фронта от 25 ноября [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 54.

специально подготовленных лиц. Все названные мероприятия в ноябре – декабре 1917 г. осуществлялись как той, так и другой стороной. Однако со стороны Русской армии эти меры были гораздо менее эффективны в силу меньшей подготовленности русских братальщиков к такой работе и все более расшатывающейся дисциплины.

Здесь необходимо отметить, какие черты имело реальное фронтовое братание в рассматриваемый период. А оно подчас не носило организованных форм, о чем, в частности, говорится в Сводке сведений о настроении в частях 8-й армии Румынского фронта: «Братание имеет стихийный характер, в некоторых частях есть стремление к организованному братанию, т.е. через войсковые комитеты»¹³⁴. Также, несмотря на приказ Главковерха Н.В. Крыленко (14 ноября) и ВРК 11-й армии (21 ноября), в приказе Военно-революционного комитета 25-го армейского корпуса от 1 декабря указано: несмотря на то, что Верховным главнокомандующим тов. Крыленко отдан приказ о недопустимости братания, последнее все-таки происходит, и, нужно отметить, довольно неорганизованно и неосмотрительно. А в 3-ем Кавказском армейском корпусе 7-й армии (Юго-Западный фронт) на 2 декабря «... в некоторых частях корпуса началось братание артиллеристов, пулеметчиков и даже обозных»¹³⁵, то есть, тех во-

---

¹³⁴ Сводка сведений о настроении в частях 8-й армии Румынского фронта № 1608 от 18 ноября [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 52–53.

¹³⁵ Постановление № 6 Военно-революционного комитета 3-го Кавказского ар-

еннослужащих, которые отстают от передовой на определенном, порой весьма немалом, расстоянии. Эти сведения позволяют нам сделать следующие выводы: в указанном корпусе к концу 1917 г. прогрессировало разложение даже таких наиболее устойчивых родов войск, как артиллерия, а также данная информация позволяет предположить значительные масштабы братания в пехотных частях, находящихся непосредственно в окопах. Но если приказ Н.В. Крыленко от 14 ноября и последовавшие за ним приказы военно-революционных комитетов войсковых соединений на какое-то время и в определенной мере и могли сдерживать братание, то подписание перемирия и обращение Крыленко к войскам от 4 декабря вновь стимулировали развитие этого вида антивоенных выступлений. Еще одним показателем того, что братание продолжало сохранять неорганизованный характер является и приход солдат для братания в соседние роты. В этой связи в Постановлении Военно-революционного комитета 3-го Кавказского армейского корпуса (7-я армия, Юго-Западный фронт) № 6 предписывалось: «1) ... солдат, не принадлежащих к данной роте и пришедших в роту с целью братания с противником, арестовывать и передавать Военно-революционному комитету для отправления в часть или роту, которой он принадлежит. 2) В случае попытки к братанию одного и того же лица: [в] первый раз – прекращать мораль-

ным воздействием ротных комитетов и батальонных комиссий, во второй раз – передавать ротному товарищескому суду и в третий раз – передавать упорствующего братальщика на усмотрение полкового Военно-революционного комитета»¹³⁶.

Однако главным стимулом к братанию в октябре 1917 – январе 1918 гг. был отнюдь не порыв к распространению идей революции, а торговля с противником, желание получить от него те вещи, которых не было в России или они были дефицитными. Данная мотивация проявилась еще до событий 25 октября 1917 г.¹³⁷, но после прихода к власти большевиков и санкционирования братания торговля в различных видах на фронте усилилась. О подобных фактах, имевших место в 7-й армии, сообщалось, в частности, в Донесении начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова в Ставку от 18 ноября¹³⁸. Также в Приказе Военно-революционно-

---

¹³⁶ Постановление № 6 Военно-революционного комитета 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта от 2 декабря [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 56.

¹³⁷ См. напр.: Сводка сведений о настроениях частей войск армий Западного фронта с 1 по 5 октября // 1917. Разложение армии / Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. С. 308; Телеграмма Ставки Верховного главнокомандующего в Военное министерство // Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) / Авт.-сост. С.Н. Базанов. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2010. С. 262.

¹³⁸ Донесение начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова в Ставку Верховного главнокоман-

го комитета 25-го армейского корпуса (11-я армия, Юго-Западный фронт) от 1 декабря указывалось на недопустимость обмена с нашей стороны хлеба и мыла на предлагаемые противником вещи, что говорит о распространенности этого явления в корпусе.

Следует обратить внимание, что особенно часто предметом, на который русские солдаты обменивали, в частности, хлеб, становился алкоголь. Это было обусловлено тем, что в России с 1914 г. действовал сухой закон, и спиртные напитки были труднодоступны, особенно для военнослужащих. Так, в Журнале № 48 экстренного заседания Военно-революционного комитета 207-го пехотного Новобаязетского полка (3-й Кавказский армейский корпус, 7-я армия, Юго-Западный фронт) также отмечено: «Не допускать обмен подарками, как-то хлеб на коньяк и т.п.»¹³⁹. А Военно-революционный комитет 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (8-я армия, Румынский фронт) 25 ноября постановил: «Просить Военно-революционные комитеты и полковые комитеты разъяснять товарищам солдатам и офицерам о совершенной недопустимости злоупотребления спиртными напитками, полученными от противника»¹⁴⁰. Таким об-

---

дующего от 18 ноября [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 53.

¹³⁹ Протокол № 48 экстренного заседания Военно-революционного комитета 207-го пехотного Новобаязетского полка 7-й армии Юго-Западного фронта от 29 ноября [1917 г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 55.

¹⁴⁰ Протокол заседания Военно-революционного комитета 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 8-й армии Румынского фронта от 25 ноября [1917

разом, следует согласиться с выводом А.Б. Асташова, что алкогольная основа братаний в 1917 г. вышла фактически на первый план¹⁴¹.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на меры, принимаемые на Юго-Западном и Румынском фронтах для придания братанию организованного характера, прекратить стихийное братание не удалось. В значительной мере это было связано с тем, что в условиях перемирия братание все больше приобретало черты меновой торговли, которая и становилась главным побудительным мотивом к нему у солдат.

г.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 55.

¹⁴¹ См.: Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 79.

Влияние Февраля и Октября на офицеров и солдат русских войск во Франции и на Балканах

Чиняков М.К.

Аннотация. В работе впервые исследуются вопросы отношения русских офицеров и солдат, воевавших во Франции и на Балканах в Первую мировую войну, к Февральской и Октябрьской революциям. Большое внимание отведено особенностям изучения проблематики в отечественной литературе и характеристики источников. На основе неопубликованных и опубликованных источников автор подробно разбирает взгляды офицеров и солдат к вышеуказанные событиям и приходит к выводу об их неоднозначном и противоречивом отношении к Февралю и Октябрю.

Ключевые слова: Первая Мировая война, Октябрьская революция, Февральская революция, русские войска во Франции, русские войска на Балканах, отречение императора Николая II, большевики.

EFFECT OF FEBRUARY AND OCTOBER ON THE OFFICERS AND SOLDIERS OF RUSSIAN TROOPS IN FRANCE AND ON BALKANS

Chinyakov M.K.

Abstract. In this work, for the first time, questions of the attitude of russian officers and soldiers who fought in France and the Balkans during the first world war, to the February and October revolutions are being studied. Great attention is given to the peculiarities of studying problems in the domestic literature and the characteristics of the sources. On the basis of unpublished and published sources, the author thoroughly examines the views of officers and soldiers towards the above events and comes to the conclusion that they are ambiguous and contradictory towards February and October.

Keywords: The First world war, the October revolution, the February revolution, the russian troops in France, the russian troops in the Balkans, the abdication of emperor Nicholas II, the Bolsheviks.

В год 100-летнего юбилея знаковых политических событий, определивших дальнейшее существование не только истории России, но и всего мира, присталь-

ное внимание привлекают события Февральской и Великой Октябрьской социалистической (Октябрьской) революциям разных слоев населения России, и особенно армии как главной политической силы во время Первой мировой войны (Великой войны). Однако, как правило, мнение военнослужащих о коренных политических изломах 1917 г. изучается только применительно к Восточно-Европейскому театру военных действий. Отношение к обеим революциям со стороны солдат и офицеров частей Российской армии, оказавшихся за пределами России (например, во Франции и на Балканах), не стало до сих пор темой для отдельного и детального освещения. Специальных работ по данной тематике не существует, за исключением редких и незначительных упоминаний в работах, посвященных истории пребывания русских войск за границей.

В связи с тяжелым положением на Западно-Европейском театре военных действий, в конце 1915 г. Франция обратилась с просьбой к Российской империи выделить войска для оказания помощи в борьбе против общего врага – держав Центрального союза. В силу специальных соглашений и договоренностей, заключенных между французским и императорским правительствами, в феврале 1916 г. – октябре 1917 г. Россия направила во Францию (и на Балканы) четыре Особые пехотные и одну Особую артиллерийскую бригады и один Особый инженерный батальон (после Первой мировой войны они стали известными под названием «Русский экспе-

диционный корпус»), всего – 50–60 тыс. солдат и офицеров. Во Францию были отправлены 1-я и 3-я Особые пехотные бригады, сведенные в июне 1917 г. в 1-ю Особую пехотную дивизию (под командованием генерал-майора Н.А. Лохвицкого), и на Балканы – 2-я и 4-я Особые пехотные и 2-я Особая артиллерийская бригады и 2-й Особый инженерный батальон, сведенные в том же месяце во 2-ю Особую пехотную дивизию (под командованием генерал-майора В.П. Тарановского).

Исходя из анализа рассмотренных источников, можно выделить среди них несколько групп.

Первая группа включает делопроизводственные материалы¹⁴²:

- доклад Временному правительству о положении русских войск на Балканах от редакционной комиссии и президиума 1-го съезда представителей 2-й Особой дивизии (28 июня 1917 г.) (далее – Доклад Временному правительству);
- «Отчет о работе Управления Русской базы Македонского фронта в период времени с 1-го апреля 1918 г. по 10-е апреля 1919 г.», подготовленный начальником Русской базы в

---

¹⁴² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–26. Российский государственный военно-исторический архив (РГ-ВИА). Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 97–99; К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г. // Красный архив. 1940. № 4 (101). С. 228–235; ГА РФ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 46. Л. 8–11.

Салониках подполковником В.К. Эвертсом (далее – Отчет Эвертса);

- Отчет Отрядного комитета Русских войск во Франции (от 15 октября 1917 г.) (далее – Отчет Отрядного комитета).

Вторая группа источников – источники личного происхождения, систематизированные по принадлежности их авторов (которые должны были рассказать об отношении к обеим революциям) к воинским частям, сражавшимся во Франции и на Балканах.

I. Во Франции:

1. Не установленные¹⁴³:

- Солдаты: И. Алешин, Д.У. Лисовенко; Н. Степной (Н.А. Афиногенов); офицеры: О.А. Перников.

2. Чины 1-й Особой пехотной бригады¹⁴⁴:

---

¹⁴³ Алешин И. «Варварский» большевизм русских солдат во Франции и французская демократическая «гуманность» // Октябрь за рубежом: Сб. воспоминаний. М.: ГИЗ, 1924. С. 24–30. (далее – Октябрь за рубежом); Лисовенко Д.У. Их хотели лишить Родины. М.: Воениздат, 1960; Степной Н. (Афиногенов Н.А.). Белье рабы. Воспоминания о французском фронте. М.-Л.: ГИЗ, 1925; Pernikoff O.A. Ma vie et ma chance. Paris, 1953.

¹⁴⁴ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. №. 4473. Л. 1–8 (И.А. Астров); Ардашев М.А. Фронт без окопов. Б/м. 1966; Вавилов А. Записки солдата Вавилова. М.-Л.: Госиздат, 1927; Власов А.П. Незабываемые переживания (Воспоминания рядового солдата). Владимир: Гос. Владимиро-Сузд. музей-заповедник, 2014; Егоров М. Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–97; Карев П.Ф. Нас не укротили. Иваново: ГИЗ Ивановской обл., 1937; Карев П.Ф. Экспедиционный корпус. Куйбышев: ОБЛГИЗ, 1941; Ка-

- 1-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: Г. Замотин, П. Кидяев, Д.А. Попов (в пересказе М. Ардашева), А.П. Власов (5-я рота), М. Егерев (12-я рота).

- 2-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: П.Ф. Карев (1-я рота), И.А. Астров (3-я рота), С.Ф. Яковлев (7-я рота, пересказ его внука В.И. Яковлева.); А. Вавилов (8-я рота), А.Д. Носов (9-я рота), С.И. Гавриленко (10-я рота), А. Козлов (4-я пулеметная команда), Р.Я. Малиновский (4-я пулеметная команда).

- Маршевый батальон:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: отсутствуют.

3. Чины 3-й Особой пехотной бригады¹⁴⁵:

рев П.Ф. Экспедиционный корпус. Куйбышев: ОБЛГИЗ, 1957; *Кидяев П.* В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом. С. 31–47; *Козлов А.* Проданные за снаряды. Л.: Ленгиз, 1931; *Малиновский Р.Я.* Солдаты России. М.: Воениздат, 1988; *Носов А.Д.* Записи песен, трансформированных солдатами лагеря Ля Куртин под свое настроение, записанные рядовым 3 батальона 2 особого пехотного полка 1 бригады Афанасием Демьяновичем Носовым // Архив Н.Р. Малиновской; *Яковлев В.И.* Виват, Франция! Прощай, Париж! Рязань: Русское слово, 2006; *Temoignage de Georges Zamotine. Annexes. № 9 / Adam R.* 1917, la révolte des soldats russes en France. Paris, 2007. P. 249–257; *Gavrilenko S.I.* Le journal de Stephane Ivanovitch Gavrilenko. Un soldat russe en France. Paris, 2014.

¹⁴⁵ *Cahen G.* Le temps retrouvé du soldat russe Anissim I. Otmakhov. France (1916–1920). Paris, 2013.

- 5-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: отсутствуют.
- 6-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: А.И. Отмахов (2-й батальон, пересказ записей его потомка Ж. Каана).
- Маршевый батальон:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: отсутствуют.

II. На Балканах:

1. Не установленные¹⁴⁶:

- Солдаты: И. Алмазов, В.И. Иванов, П.С. Скворцов, А.В. Суворов.

2. Чины 2-й Особой пехотной бригады¹⁴⁷:

- 3-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: отсутствуют.

---

¹⁴⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 44. Д. 2. Л. 1–136 [В.И. Иванов (?)]; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1916. Инв. №. 7771. Л. 3об.–21об. (П.С. Скворцов); НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1720. Инв. №. 7012. Л. 37–49 (А.В. Суворов); *Алмазов И.* Французская благодарность / Октябрь за рубежом. М., 1924. С. 11–23; *Иванов В.И.* В песках Алжира // Смена. 1958. № 13 (747). С. 18–21.

¹⁴⁷ *Наседкин Д.Г.* Октябрь за рубежом // Архив Н.Р. Малиновской; *Смирнов В.А.* Русские особые полки на македонском фронте (1916–1918) // Возрождение. Тетр. 88 (апрель 1959). С. 5–20; *Возрождение.* 1930. 7 ноября (№ 1984). С. 3, 5 (В.Б. Фохт).

- 4-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: В.Б. Фохт; В.А. Смирнов;
  - нижние чины: Д.Г. Наседкин.
- Маршевый батальон:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: отсутствуют.

3. Чины 4-й Особой пехотной бригады¹⁴⁸:

- 7-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: отсутствуют.
- 8-й Особый пехотный полк:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: И. Рыжов, Д.А. Шаевский.
- Маршевый батальон:
  - офицеры: отсутствуют;
  - нижние чины: М. Погорелов.

4. Чины 2-й Особой артиллерийской бригады:

- офицеры: отсутствуют;
- нижние чины: отсутствуют.

5. Чины 2-го Особого инженерного батальона¹⁴⁹:

---

¹⁴⁸ *Рыжов И.* В Македонии // Октябрь за рубежом. С. 54–63; *Погорелов М.* Третья категория. Російський Експедиційний корпус у Франції. Харьков, 1934; *Шаевский Д.А.* Выписки из дневника рядового 8-го Особого пехотного полка Русского экспедиционного корпуса во Франции Дмитрия Андреевича Шаевского // Архив Н.Р. Малиновской; *Шаевский Д.А.* Русские солдаты на Балканах // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 44. Д. 6. Л. 1–61 (Г.Д. Обичкин); *Новиков В.Н.* Мытарства русских солдат: воспоминания русского солдата о пребывании во француз-

- офицеры: отсутствуют;
- нижние чины: В.Н. Новиков, Г.Д. Обичкин.

III. Воспоминания других чинов:

Представителя его императорского величества Верховного Главнокомандующего при французской Главной квартире Генерального штаба генерала от инфантерии Ф.Ф. Палицына, военного агента во Франции полковника графа А.А. Игнатьева, военно-судного ведомства полковника Ю. Лисовского¹⁵⁰.

Особый интерес представляют, во-первых, неопубликованные воспоминания солдат русских войск во Франции (Астров, Носов) и на Балканах (Наседкин, Обичкин, Скворцов, Суворов), во-вторых, оригиналы опубликованных, т.е. не подвергавшихся правке, воспоминаний (Шаевский и мемуары неизвестного лица, хранящиеся в Российском государственном социально-политическом архиве, принадлежащие, более чем вероятно, рядовому либо 2-й, либо 4-й Особой бригады Иванову).

Главными особенностями мемуарной литературы можно назвать, во-первых, неравномерное освещение событий в мемуарах (например, Гавриленко и Степной довели повест-

---

ских лагерях. М.-Л.: ГИЗ, 1929.

¹⁵⁰ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986; *Лисовский Ю.* Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции) // Архив русской революции. В 22 т. М.: ТЕРРА: Политиздат, 1993. Т. 17. С. 256–279; *Палицын Ф.Ф.* Записки. В 2 т. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. Т. 2.

зование до весны 1917 г.; Новиков и Обичкин прибыли на Балканы осенью 1917 г. и никак не могли рассказать о своих впечатлениях о Февральской революции в составе частей, воевавших во Франции или на Балканах); во-вторых, работу политредакторов изданных в СССР воспоминаний, которые должны были исказить действительность для формирования «правильного» взгляда на прошедшие события. В-третьих, практически полное отсутствие воспоминаний штаб- и обер-офицерского состава. В-четвертых, сведения проживавшего во Франции 1-го полка подпрапорщика Замотина, продиктовавшего свои воспоминания дочери в 91-летнем возрасте, не вызывают доверия в силу возраста мемуариста.

Мнения авторов воспоминаний и служебных документов учитывается только один раз. Мнения авторов о позиции другого лица или других лиц в расчет не принимаются.

Февраль 1917 г. среди русских войск во Франции

К февралю 1917 г. русские войска частично занимали боевые позиции, частично находились в тылу. Общая морально-психологическая обстановка среди русских войск была сложной, но не катастрофичной.

Об отречении императора русское командование в Париже узнало на следующий день (16 марта) из радиограммы, полученной военно-морским агентом. Масса офицеров

и солдат ничего не знала или получала сведения в виде слухов: «Что происходило в России, мы только узнали из французских газет, но сведения были скудные»¹⁵¹.

О факте отречения войскам было объявлено, в отличие от мнения советских историков и мемуаристов, достаточно оперативно. Телефонogramму от Палицына № 13961 от 17 марта с известием о событии воспроизвели приказы 1-й и 3-й бригады: например, в приказе № 41 по 1-й бригаде от того же числа (17 марта); в полках – днем позже. В тот же день (17 марта) Ставка выслала текст новой присяги, который был отпечатан и отправлен в войска. Непосредственно текст отречения Николая II от престола и обращение великого князя Михаила Александровича были опубликованы спустя неделю, 23 марта (приказ по № 70 по 3-й Особой бригаде, который приводился в переводе с французских газет) и от 24 марта (в приказе № 47 по 1-й бригаде)¹⁵². Причина задержки крылась в трудности передачи информации и понятных дополнительных мерах по ее уточнению и перепроверке, а не в силу злого умысла кого-либо из командования.

Для характеристики отношений солдат и офицеров к обеим революциям, следует выработать несколько критериев в качестве условных смысловых единиц:

- первая: восторженное отношение;

---

¹⁵¹ Палицын Ф.Ф. Указ. соч. С. 36; РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 93–94.

¹⁵² РГВИА. Ф. 15222. Оп. 1. Д. 4. Л. 56–56об.; РГВИА. Ф. 15221. Оп. 1. Д. 5. Л. 47, 57–58; ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 11. Д. 19. Л. 800.

- вторая: положительное;
- третья: ярко выраженное отрицательно отношение;
- четвертое: отрицательное;
- пятое: констатация факта о революции;
- шестое: революция как неожиданное и непонятное событие;
- седьмое: отсутствие упоминания о революции;
- восьмое: иное.

Для исследования точек зрения солдат и офицеров о Феврале следует использовать 22 единицы источников: воспоминания 17 солдат (Алешин, Астров, Вавилов, Власов, Гавриленко, Егерев, Замотин, Карев, Кидяев, Козлов, Лисовенко, Малиновский, Носов, Отмахов, Попов, Степной, Яковлев), 1 генерала (*Палицын*)¹⁵³, 3 офицеров (*Игнатъев, Лисовский, Перников*) и Отчет Отрядного комитета¹⁵⁴.

Первое (восторженное отношение): Гавриленко, Лисовенко, Малиновский, Носов, Попов. Из воспоминаний Малиновского: «Радостные мысли роились в головах солдат, на-

---

¹⁵³ Фамилии генералов и офицеров здесь и далее выделены курсивом.

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 97; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. Хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 2; *Власов А.П.* Указ. соч. С. 45–47; *Карев П.Ф.* Нас не укротили... С. 58–59; *Ардашев М.А.* Указ. соч. С. 64–65; *Алешин И.* Указ. соч. С. 25; *Егерев М.* Указ. соч. С. 89; *Вавилов А.* Указ. соч. С. 29; *Лисовенко Д.У.* Указ. соч. С. 65–68; *Степной Н. (Афиногенов Н.А.).* Указ. соч. С. 47; *Sahen G.* Op. cit. P. 46–49; *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 18; *Яковлев В.И.* Указ. соч. С. 69–71; *Палицын Ф.Ф.* Указ. соч. С. 32; *Лисовский Ю.* Указ. соч. С. 265–266; *Козлов А.* Указ. соч. С. 14; *Temoignage de Georges Zamotine...* P. 253–254; *Игнатъев А.А.* Указ. соч. С. 626–627; *Pernikoff O.A.* Op. cit. P. 98–99.

дежды – одна светлее другой – распирали сердца»¹⁵⁵. Конечно, нельзя забывать о работе политредакторов, но и дневник Гавриленко не нес в себе сожалений об отречении императора: «Это событие наполнило наши сердца радостью. Напротив, наши офицеры проявили непередаваемое и искреннее недовольство. Однако они не могли не подчиниться сложившемуся порядку вещей точно также, как и мы не могли сопротивляться существовавшей дисциплине»¹⁵⁶.

Второе (положительное): не выявлено.

Третье (ярко выраженное отрицательно отношение): *Палицын*, с грустью упоминавший о Февральских событиях («когда в России совершился переворот... стали уже распространять те мероприятия... которые, систематически разрушая армию, загубили и опозорили Россию»), называя их то революцией, то переворотом.

Четвертое (отрицательное): не выявлено.

Пятое (констатация факта о революции): Алешин, Вавилов, Власов, Егерев, *Лисовский*, *Перников*, Степной, Яковлев. Так, Власов свидетельствовал: «Но вот совершилась Февральская революция, о которой мы, солдаты, находившиеся во Франции, узнали с большим опозданием».

Шестое (революция как неожиданное и непонятное событие): Астров, *Игнатьев*, Козлов, Карев, Отмахов, Отчет Отрядного комитета. Так, Астров недвусмысленно вспоминал:

---

¹⁵⁵ *Малиновский П.Я.* Указ. соч. С. 230.

¹⁵⁶ *Gavrilenko S.I.* Op. cit. P. 136.

«О революции в России и свержении самодержавия нам было объявлено... , когда рота занимала передовую линию, левее Реймса. Для нас это сообщение явилось полной неожиданностью».

Седьмое (отсутствие упоминания о революции): Замотин и Кидяев.

Восьмое (иное): не выявлено.

Таким образом, общее количество источников по изучению настроений среди русских войск во Франции составляет 22 единицы (100%), из которых 17 солдатских (80%), 1 генеральское (5%) и 2 офицерских (10%) воспоминаний и Отчет Отрядного комитета (5%).

Следовательно, отталкиваясь от условных смысловых единиц, можно перевести отношение русских войск во Франции к Февралю в условные процентные характеристики:

- восторженно и положительно к Февралю отнеслись 5 раз (солдаты) или 23 %;
- ярко выраженное отрицательное отношение продемонстрировали 1 раз (офицеры) или 5%;
- отрицательное отношение – не выявлено;
- констатацию факта Февральской революции отметили 8 раз (из них 2 офицера) или 36%;
- Февраль как неожиданное и непонятное событие представили 6 раз (из них 2 офицера и Отчет Отрядного комитета) или 27%;
- отсутствие упоминания о Феврале

продемонстрировали 2 раза (все солдаты) или 9%.

В целом солдаты (и большинство офицеров) не испытывали чувства сожаления по императору, хотя их реакция в мемуарах о Феврале (даже опубликованных в СССР) отличалась в основном умеренным отношением к отречению.

Октябрь среди русских войск во Франции

Условия, в которых оказались офицеры и солдаты во время Октября во Франции, были нелегкими в силу объективных (Февральская революция; изменение сознания; глубокие противоречия внутри как офицерского корпуса, так и рядового состава; противоречия между офицерским корпусом и рядовым составом; негативные отношения между офицерами и солдатами) и субъективных причин (ностальгия по России; последствия участия в «бойне Нивеля»; последствия подавления мятежа в Куртинском лагере; сложный и противоречивый комплекс русско-французских отношений; деятельность политэмигрантов и агитаторов; злоупотребление алкогольными напитками).

Для исследования точек зрения солдат и офицеров следует использовать 19 единиц источников: воспоминания 15 солдат (Алешин, Астров, Вавилов, Власов, Егерев, Замотин, Карев, Кидяев, Козлов, Лисовенко, Малиновский, Носов, Отмахов, Попов, Яковлев), 1 генерала (*Палицын*), 2 офице-

ров (*Игнатьев, Перников*) и Отчет Отрядного комитета¹⁵⁷.

Первое (восторженное отношение): Алешин, Попов, Лисовенко, Малиновский. Например, Алешин сказал: «...действительно, русский народ свергнул насильников».

Второе (положительное): Власов. Он вспоминал: после известия о революции «...на многих казармах... появились красные флаги, плакаты с лозунгами, приветствиями партии большевиков во главе с В.И. Лениным».

Третье (ярко выраженное отрицательно отношение): Палицын. Разумеется, официальное отношение русского командования к Октябрьской революции легко предугадывалось: оно было резко отрицательным.

Четвертое (отрицательное): не выявлено.

Пятое (констатация факта о революции): Егерев, Вавилов, *Игнатьев*, хотя и с положительным оттенком. Егерев: «В дни Великой Октябрьской социалистической революции мы еще находились в лагере Ля-Куртин. От нас скрыли, что в России произошла социалистическая революция. О ней мы узнали из французской демократической печати, иногда нелегально попадавшей в лагерь».

Шестое (революция как неожиданное и непонятное событие): если верить биографу Отмахова, то он вместе с товарищами отнесся неоднозначно (как и к Февралю), поскольку

---

¹⁵⁷ *Малиновский Р.Я.* Указ. соч. С. 328–331; *Ардашев М.А.* Указ. соч. С. 64–65; *Алешин И.* Указ. соч. С. 26; *Егерев М.* Указ. соч. С. 92; *Вавилов А.* Указ. соч. С. 53; *Sahen G.* Op. cit. P. 143; *Власов А.П.* Указ. соч. С. 103; *Лисовенко Д.У.* Указ. соч. С. 244; *Палицын Ф.Ф.* Указ. соч. С. 77; *Игнатьев А.А.* Указ. соч. С. 664–667.

не понимал сути произошедшего.

Седьмое (отсутствие упоминания о революции): Астров, Замотин, Карев, Кидяев, Козлов, Носов, Отчет Отрядного комитета, *Перников*, Яковлев, хотя в целом к большевикам мемуаристы-солдаты относились с симпатией.

Восьмое (иное): не выявлено.

Таким образом, общее количество источников по изучению настроений среди русских войск во Франции – 19 единиц источников (100%), из которых 15 солдатских (80%), 1 генеральское (5%) и 2 офицерских (10%) воспоминаний и Отчет Отрядного комитета (5%).

Следовательно, отталкиваясь от условных смысловых единиц, можно перевести отношение русских войск во Франции к Октябрю в условные процентные характеристики:

- восторженно и положительно к Октябрю отнеслись 5 раз (солдаты) или 26%;
- ярко выраженное отрицательное отношение продемонстрировали 1 раз (офицер) или 5%;
- отрицательное отношение – не выявлено;
- констатацию факта Октября отметили 3 раза (из них 1 офицер) или 17%;
- как неожиданное и непонятное событие Октябрь представили 1 раз (солдат) или 5%;
- отсутствие упоминания об Октябре – 9 раз (из них 7 солдат) или 47%.

Главная характерная черта отношения источников к Ок-

тября заключается, как ни парадоксально, в их индифферентности – из 19 единиц источников 9 источников (каждый второй!) даже никак не отметили факт революции, хотя к большевикам в подавляющем большинстве относились положительно.

Февраль 1917 г. среди русских войск на Балканах

Общее состояние русских войск на Балканах к весне 1917 г. было намного тяжелее, чем у их товарищей во Франции. Солдатам «балканских» бригад приходилось сражаться в невыносимо тяжелых условиях, подолгу оставаясь без горячей пищи, обмундирования, не говоря уже о трудностях боевой деятельности, связанных с отсутствием артиллерийских и инженерных частей, а обыкновенная доставка раненых и больных в госпитали по узким горным тропам превращалась в настоящий подвиг.

Как и во Франции, шквал новостей обрушился на русских чинов: отречение Николая II и великого князя Михаила Александровича от престола, образование Временного правительства, появление на посту военного министра штатского человека. Никто ничего не знал. Офицеры Особых бригад на Балканах растерялись точно так же, как и во Франции. Так, 8-го Особого пехотного полка полковник И.И. Шекеров писал жене: «Когда же все это закончится?! Дело дошло до

того, что наши верные союзники косятся на нас, особенно сербы, опасаящиеся подписания Россией сепаратного мира с германцами»¹⁵⁸.

Об отречении (15 марта) солдаты узнали позднее, чем их товарищи во Франции, – официально войскам объявили эту новость 25 марта. Текст отречения был опубликован в приказе по 4-й бригаде № 59 от 27 марта. Об образовании Временного правительства войска были проинформированы еще позднее – 29 марта, причем с долей неуверенности («по имеющимся сведениям»)¹⁵⁹. Данная задержка была не удивительна: так, приказ № 454 по Военному ведомству от 25 августа 1916 г. был опубликован в приказе по 1-й бригаде («французской») спустя полтора месяца – 11 октября, в приказе по 4-й бригаде («балканской») спустя два с половиной месяца – 10 ноября.

30 марта Представитель Ставки при Главнокомандующем Союзной Восточной армии генерал-майор В.А. Артамонов телеграфировал из Салоник: «...генерал Леонтьев проникнут горячим желанием сделать все возможное, чтобы русские войска на отдаленном фронте поддержали до конца честь русского оружия. Такими же чувствами исполнен и генерал Дитерихс, в бригаде коего тоже полный порядок»¹⁶⁰.

---

¹⁵⁸ Цит. по: *Lecoинте F. Les brigades Russes en Macédoine et la Lygion Russe. 1915–1920. Universitй Paul Valery. Montpellier III. 1997. P. 174.*

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 11. Д. 15. Л. 127.

¹⁶⁰ Цит. по: *Валентинов Н. Русские войска во Франции и Македонии / Во-*

Принятие присяги Временному правительству в «балканских» бригадах, как и во «французских», прошло достаточно спокойно.

Для исследования точек зрения солдат и офицеров следует использовать 11 единиц источников: воспоминания 7 солдат (рукопись Иванова, Наседкин, Погорелов, Рыжов, Скворцов, Суворов, рукопись Шаевского), 2 офицеров (*Смирнов*, *Фохт*), Отчет Эвертса и Доклад Временному правительству¹⁶¹.

Первое (восторженное отношение): Рыжов.

Второе (положительное): Наседкин и Доклад Временному правительству.

Третье (ярко выраженное отрицательно отношение): *Фохт*, описавший свои чувства по прочтении французских газет с новостями об отречении императора: «Мы остолбенели, и, вероятно, у обоих дыхание сперло. (...) Говорить было нечего и незачем..., и в душе все крепло предчувствие глубочайшей непоправимости происшедшего».

енно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. М., 1920. Вып. IV. С. 18.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 44. Д. 2. Л. 11; РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 2. Л. 112; ГА РФ. Ф. Р-6194. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1720. Инв. № 7012. Л. 39; там же. Ед. хр. 1916. Инв. № 7771. Л. 12об.; *Иванов В.И.* Указ. соч. С. 18–19; *Шаевский Д.А.* Русские солдаты на Балканах... С. 68; *Шаевский Д.А.* Выписки из дневника... С. 11; *Наседкин Д.Г.* Указ. соч. С. 12–13; *Смирнов В.А.* Указ. соч. С. 13; Возрождение, № 1978. С. 3; *Погорелов М.* Указ. соч. С. 56–61; *Рыжов И.* Указ. соч. С. 54; К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г. // Красный архив. 1940. № 4 (101), С. 234.

Четвертое (отрицательное): обер-офицер *Смирнов*.

Пятое (констатация факта о революции): Иванов (рукопись), Скворцов, Суворов, Шаевский (в опубликованном и неопубликованном вариантах). Так, Шаевский в статье упомянул о революции весьма кратко, словно не определился с трактовкой события, сделав упор на появлении многочисленных митингов, «на которых высказывалось все наболевшее». Его впечатления, воспроизведенные в оригинале воспоминаний, соответствовали опубликованному: «В тылу уже ходили слухи, что в России свергнут с престола царь Николай и образовано новое правительство».

Шестое (революция как неожиданное и непонятное событие): подполковник Эвертс, четко сказавший: «Ни офицеры, ни солдаты не знали, как определенно отнестись к совершившемуся факту, и это послужило причиной начавшегося упадка дисциплины».

Седьмое (отсутствие упоминания о революции): не выявлено.

Восьмое (иное): Погорелов, описавший Февраль как констатацию, но затем перешедший к восторженному стилю.

Общее количество источников по изучению настроений среди русских войск на Балканах – 11 единиц (100%), из которых 7 солдатских (64%), 2 офицерских (18%) воспоминаний, Отчет Эвертса (9%) и Доклад Временному правительству (9%).

Следовательно, отталкиваясь от условных смысловых

единиц, можно перевести отношение русских войск на Балканах к Февралю в условные процентные характеристики:

- восторженно и положительно к Февралю отнеслись 3 раза (все – солдаты) или 27%;
- ярко выраженное отрицательное отношение – 1 раз или 9%;
- отрицательное отношение к Февралю – 1 раз (офицер) или 9%;
- констатацию факта Февраля отметили 4 раза (из них 1 офицер) или 37%;
- революцию как неожиданное и непонятное событие представили 1 раз (Отчет Эвертса) или 9%;
- отсутствие упоминания о революции не продемонстрировал никто;
- иное продемонстрировали только 1 раз (солдат) или 9%.

В целом реакция у солдат «балканских» бригад к Февралю соответствовала реакции солдат «французских» бригад, но с одним отличием: процент недовольных Февралем был выше.

Октябрь среди русских войск на Балканах

Несмотря на тяжелое военно-политическое положение России (и Франции) к октябрю 1917 г. на Балканах, ситуация для 2-й и 4-й Особых бригад продолжала оставаться тяжелой, но управляемой, в то время как во Франции 1-я

и 3-я бригады уже перестали являться боевыми единицами. Французский военный историк Ф.-Ж. Дейга даже удивлялся, как могли русские войска на Балканах выполнять воинский долг, когда они могли запросто перейти на сторону болгарских войск. Если подобное произошло бы, заключил Дейга, случилось бы непоправимое – открылась бы огромная брешь на фронте, заполнить которую французскому командованию абсолютно не представлялось возможным¹⁶².

Для исследования точек зрения солдат и офицеров следует использовать 13 единиц источников воспоминания: 10 солдат (Алмазов, рукопись Иванова, Наседкина, Новиков, Обичкин, Погорелов, Рыжов, Скворцов, Суворов, Шаевский), 2 офицеров (*Смирнов*, *Фохт*) и Отчет Эвертса¹⁶³.

Первое (восторженное отношение): Иванов, Рыжов.

Второе (положительное): Обичкин.

Третье (ярко выраженное отрицательно отношение): не выявлено.

Четвертое (отрицательное): не выявлено.

Пятое (констатация факта о революции): Суворов, Наседкин, Новиков, Погорелов, Шаевский, но представлявшие со-

---

¹⁶² *Deygas F.J. L'Armée d'Orient dans la guerre mondiale (1915–1919). Paris, 1932. P. 201–202.*

¹⁶³ *Алмазов И.* Указ. соч. С. 11; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 44. Д. 2. Л. 47–49; там же. Д. 6. Л. 43; *Иванов В.И.* Указ. соч. С. 19; *Погорелов М.* Указ. соч. С. 104–106; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1720. Инв. № 7012. Л. 41; *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 10; *Рыжов И.* Указ. соч. С. 56; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 44. Д. 2. Л. 44–45; *Наседкин Д.Г.* Указ. соч. С. 13; *Шаевский Д.А.* Выписки из дневника... С. 13.

бытие скорее как возможность возвращения на родину. В оригинальном варианте Шаевский, например, практически промолчал: «Слух о перемирии в России и революции подтвердился».

Шестое (революция как неожиданное и непонятное событие): не выявлено.

Седьмое (отсутствие упоминания о революции): Скворцов, *Смирнов*, *Фохт*, Отчет Эвертса.

Восьмое (иное): Алмазов, вспоминая революцию и восторженно, и как неожиданное событие одновременно: «...весть об октябрьской победе рабочих и крестьян..., эта весть для нас в горах Балкан была вестью важной, вестью многоговорящей. Эта весть действительно на мгновение внесла некоторую растерянность не только в командный состав, но и в солдатскую массу нашей дивизии».

Общее количество источников по изучению настроений среди русских войск на Балканах – 13 единиц (100%), из которых 10 солдатских (77%), 2 офицерских (15%) воспоминаний и Отчет Эвертса (8%).

Следовательно, отталкиваясь от условных смысловых единиц, можно перевести отношение русских войск на Балканах к Октябрю в условные процентные характеристики:

- восторженно и положительно к Октябрю отнеслись 3 раза (солдаты) или 23%;
- ярко выраженное отрицательное и просто отрицательное отношение не продемонстрировал

никто;

- констатацию факта Октября отметили 5 раз (все – солдаты) или 39%;
- революцию как неожиданное и непонятное событие не представил никто;
- отсутствие упоминания о революции продемонстрировано 4 раза (солдаты и Отчет Эвертса) или 31%;
- иное продемонстрировано 1 раз или 7%.

Таким образом, Октябрь солдаты на Балканах встретили более чем спокойно. Вопреки логике советского взгляда на историю Октября, процент тех, кто констатировал факт революции и тех, кто вообще не упомянул о ней, вполне идентичен.

* * *

Вышеуказанные данные можно свести в условную сводную таблицу (табл. 1).

Структура источников показана в табл. 2.

Анализ отношения солдат и офицеров русских войск во Франции и на Балканах к Февралю показывает следующее.

Во-первых, к Февралю во Франции и на Балканах источники отнеслись одинаково восторженно положительно (23 и 25%) и в равной мере совершенно спокойно (36 и 37%), но на Балканах процент недовольных обеими революциями был

несопоставимо выше (5 и 18%).

Во-вторых, Февраль явно стал во Франции более неоднозначным событием, чем на Балканах (27 и 9 %).

Таблица 1

	Во Франции		На Балканах	
	Февраль (22 единицы), %	Октябрь (19 единиц), %	Февраль (11 единиц), %	Октябрь (13 единиц), %
Восторженно и положительно	23	26	27	23
Ярко выраженное отрицательное или просто отрицатель- ное отношение	5	5	18	—
Констатация факта революции	36	17	37	39
Неожиданное и непо- нятное событие	27	5	9	—
Отсутствие упомина- ния о революции	9	47	—	31
Иное	—	—	9	7
Всего	100	100	100	100

Таблица 2

	Во Франции				На Балканах			
	Февраль (22 единицы)		Октябрь (19 единиц)		Февраль (11 единиц)		Октябрь (13 единиц)	
	опубликованные, шт./%	неопубликованные, шт./%	опубликованные, шт./%	неопубликованные, шт./%	опубликованные, шт./%	неопубликованные, шт./%	опубликованные, шт./%	неопубликованные, шт./%
Солдатские	15/68	2/9	13/68	2/41	2/18	5/45	6/46	4/31
Офицерские	4/18	0/0	3/16	0/0	2/18	0/0	2/15	0/0
Иные	0/0	1/5	0/0	1/5	1/9	1/9	0/0	1/8
Всего	100		100		100		100	

Анализ отношения солдат и офицеров русских войск во Франции и на Балканах к Октябрю показывает следующее:

Во-первых, к Октябрю во Франции и на Балканах источники отнеслись одинаково восторженно положительно (26 и 21%), но, как ни парадоксально, на Балканах к Октябрю оказалось больше равнодушных (17 и 39%), но никого, кто отнесся бы отрицательно (5 и 0%).

Во-вторых, во Франции и на Балканах источники во многом вообще даже и не обратили внимания на Октябрь (47 и 31%).

Таким образом, учитывая вышеупомянутые качественные различия источников (опубликованные и неопубликованные, ничтожный процент офицерских воспоминаний), отношение офицеров и солдат во Франции и на Балканах к обеим революциям было явно неоднозначным и противоре-

чивым и выбивается из сложившегося в советскую эпоху стереотипа. Причины указанного отношения, скорее всего, лежат в неравномерности исторических условий пребывания очевидцев (во Франции или на Балканах), от их мировоззрения и других субъективных факторов. Дальнейшее выявление источников, возможно, позволит скорректировать вышеозначенные оценки. Весьма показательно, что несмотря даже на опубликованные в СССР воспоминания, т.е. работу политредакторов, мнения солдат не всегда отвечали «правильным» взглядам эпохи.

А.М. Коллонтай – агитатор революции 1917 г

Головченко В.К.

Аннотация. В статье представлен обзор основных этапов в развитии агитационной деятельности Коллонтай с сопутствующим рассмотрением специфики целевой аудитории и роли революционерки в событиях 1917 г.

Ключевые слова: А.М. Коллонтай, революционная агитация, пропаганда, митинги, Революция 1917 г.

A.M. KOLLONTAI – AGITATOR REVOLUTION OF 1917

Golovchenko V.K.

Abstract. The article also provides an overview of the main stages in the development of Kollontai's campaign activities, with a concomitant consideration of the specifics of the target audience. In addition, the author's assessment of Kollontai's activity for the indicated period is presented.

Keywords: Kollontai, revolutionary agitation,

пропаганда, rallies, the Revolution of 1917.

Важной страницей в жизни Александры Михайловны Коллонтай является ее агитационная деятельность как в преддверии революции 1917 г., так и во время нее. Ни одно жизнеописание А.М. Коллонтай не обходится без упоминания о ее головокружительных успехах на пропагандистско-агитационном поприще. Подобная историографическая традиция в советский период сложилась в работах М.И. Олесина¹⁶⁴, Н.Д. Карпецкой¹⁶⁵, А.М. Иткиной¹⁶⁶.

К активной агитационно-пропагандистской карьере Александра Михайловна приходит в зрелом возрасте: к 1917 г. ей 45 лет. Для мотивирующих, ярких и заражающих выступлений необходимо обладать живостью ума, восприимчивостью, владеть ораторским искусством. О блистательной речи А.М. Коллонтай на конференции в Копенгагене еще в 1910 г. писала датская газета «Политикен»: «...И вот на трибуну поднялась г-жа Коллонтай из Санкт-Петербурга... Движение руки – и пламя революционного энтузиазма засверкало в словах, она зажгла всех своим волнующим пафосом, своей неумемной энергией, своей беспредельной страстностью... Когда она умолкла, раздались такие бурные аплодисменты,

---

¹⁶⁴ *Олесин М.И.* Первая в Мире: Биографический очерк об А.М. Коллонтай. М.: Политиздат, 1990.

¹⁶⁵ *Карпецкая Н.Д.* Работницы и Великий Октябрь. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.

¹⁶⁶ *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат. М.: Политиздат, 1964.

что казалось, будто сам царский трон разрушится от этого»¹⁶⁷. В письме к А.М. Коллонтай от 9 ноября 1915 г. В.И. Ленин настаивает на зарубежных выступлениях Коллонтай: «...нам архиважно выступить на разных языках (Вы в этом отношении могли бы многое сделать)»¹⁶⁸. В это время Александра Михайловна находится в Америке, куда прибыла по приглашению немецкой секции Американской социалистической партии с целью «агитировать против войны», переезжая от штата к штату (около 80 городов) с чтением лекций. 29 октября Коллонтай отчитывается сама перед собой в дневнике: «Я здесь, в Америке, 21 день, а провела уже 23 собрания!»¹⁶⁹. Итогом поездки становятся 123 лекции и несколько статей¹⁷⁰. 18 марта 1917 г. Коллонтай вернулась в революционную Россию. По возвращении она включается в агитационную работу, но вскоре ее арестовывают: помещают в Кресты, после – переводят в Выборгскую женскую тюрьму. Коллонтай и в заключении не оставляет партийных дел: 26 марта становится членом Исполкома Петроградского совета, ее избирают в члены ЦК РКП(б). После освобождения Александра Михайловна не перестает выступать.

В книге «Революционер, трибун, дипломат» А.М. Итки-

---

¹⁶⁷ Иткина А.М. Указ. соч. С. 63.

¹⁶⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 49. [Электронный ресурс]. URL: <http://uaio.ru/vil/49.htm> (дата обращения: 04.11.2017).

¹⁶⁹ Олесин М.И. Указ. соч. С. 51.

¹⁷⁰ Там же. С. 53.

ной есть описание митинга в цирке «Модерн»: «Коллонтай проникновенно говорила о страданиях и муках, которые война принесла народу. Ее слова убеждали и волновали. Солдаты, матросы, работницы слушали и верили ей, потому что она говорила о самом для них близком, сокровенном»¹⁷¹. Среди ее призывов звучат: «Лгут, кто говорит о защите отечества. Войну ведут капиталисты для дележа добычи», «Куда идут народные деньги? На школы, больницы, на жилища, на охрану материнства и детства? Ничуть не бывало. Деньги народные идут на кровавые схватки», «Становитесь под красное знамя большевистской партии! Пополняйте ряды большевиков – бесстрашных борцов за власть Советов, власть рабочих и крестьян, за мир, за свободу, за землю!»¹⁷². Толпа принимает ее одобрительно, перенимает позицию оратора: Коллонтай говорит простые, понятные каждому и не оставляющие равнодушным вещи. Среди воспоминаний, оставленных о выступлениях Коллонтай, есть заметка Валентины Максимилиановны Дюшен: «Когда раздался ее грудной, чарующий голос, весь зал смолк и не сводил с нее глаз. Нас всех покорила ее манера говорить, убежденность, темперамент, весь ее облик»¹⁷³.

Она заражалась экстагическим состоянием публики и комментировала свои выступления в дневнике следующим:

---

¹⁷¹ *Иткина А.М.* Указ. соч. С. 143.

¹⁷² *Иткина А.М.* Указ. соч. С. 143–144.

¹⁷³ Там же. С. 40.

«Я сама горела, и мое горение передавалось слушателям. Я не доказывала, я увлекала их. Я уходила после митинга под гром рукоплесканий, шатаюсь от усталости. Я дала аудитории частицу себя и была счастлива»¹⁷⁴.

Коллонтай продолжает агитировать, по поручению совета она отправляется на агитацию среди матросов Балтийского флота. Работа в этой области была необходима: Центробалт, которым руководил в тот момент Павел Ефимович Дыбенко, был в конфронтации с правительством Керенского. Почему именно она? К матросам-балтийцам агитаторы различных политических сил приезжали регулярно, их речи не находили ожидаемый отклик. ЦК решает шокировать «непробиваемую» публику визитом умной и харизматичной женщины. Прибыв на место, Александра Михайловна не растерялась перед удивленными взглядами: «ловко вскочила на ящик, ставший импровизированной трибуной»¹⁷⁵. Коллонтай выбрала для речи доверительную манеру, начав со слов: «Скажи, товарищ, что пишут тебе из дома?»¹⁷⁶. Речь женщины-трибуна была выслушана матросами со вниманием.

Кроме солдат, Коллонтай выбирает своей целевой аудиторией женщин, считая, что необходимо «сплачивать силы

---

¹⁷⁴ Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. С. 3–4.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/102010/29102010-04b.html> (дата обращения: 04.11.2017).

работниц и рабочих вокруг той партии, которая ... защищает интересы пролетариата России»¹⁷⁷. Так, в апреле – мае 1917 г. она разворачивает агитационную деятельность среди работниц прачечных, которые организовали стачку за повышение заработной платы. По мнению одного из ведущих зарубежных специалистов по русской истории XIX–XX вв. Ричарда Стайтса, успех выступлений А.М. Коллонтай заключается в том, что она «сводила сложные революционные теории к повседневным понятиям, которые были ясны каждой пролетарской домохозяйке: голодные дети, муж на фронте и политический разрыв между миротворцами-большевиками и спекулировавшими на войне капиталистами»¹⁷⁸. В итоге, вопрос о положении прачек довели до исполкома, где удалось добиться повышения тарифа на услуги.

Безусловно, Александра Михайловна Коллонтай – неоднозначная фигура периода революции 1917 г. Но нельзя недооценивать ее успехи на внешне- и внутривнутриполитических выступлениях. Коллонтай знала, как добиваться своего от аудитории, как подчинять себе слушателя. Агитационно-пропагандистская деятельность Александры Михайловны внутри страны в период 1917 г. – это, прежде всего, ее собственная вера в идеалы революции и симплифицирован-

---

¹⁷⁷ Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/102010/29102010-04b.html> (дата обращения: 04.11.2017).

¹⁷⁸ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 204–205.

ная адаптация идей большевизма для рабочих.

Последствия революции 1917 г. в России для судеб государств и народов в XX столетии

Между догмой марксизма и стихией национализации: о некоторых итогах и уроках советской системы управления экономикой в эпоху революции и гражданской войны в Казахстане (1917–1921 гг.)

Медеубаев Е.И.

Аннотация. В статье освещаются вопросы истории национализации промышленности в Казахстане в первые годы после установления Советской власти. Понимание своеобразия сущности экономической политики большевиков в Казахстане, особенностей его развертывания и долговременных последствий для общества упирается в переосмысление феномена Октябрьской революции 1917 г. и ее значения

для исторических судеб народов бывшего СССР. Национализация предприятий со стороны государства во многом носила карательный характер, решения принимались в пылу революционной борьбы. Решающую роль в процессе национализации промышленности сыграла марксистская идеология.

Ключевые слова: революция, большевики, советская власть, Степной край и Туркестан, национализация, частная собственность.

BETWEEN THE DOGMA OF MARXISM AND THE ELEMENTS OF NATIONALIZATION: ABOUT SOME OF THE RESULTS AND LESSONS OF THE SOVIET SYSTEM ECONOMY MANAGING IN THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR ERA IN KAZAKHSTAN (1917–1921)

Medeubayev Y.

Abstract. The article covers the history of the industry nationalization in Kazakhstan in the first years of Soviet power establishment. Understanding the nature of the Bolsheviks economic policy in Kazakhstan and the specifics

of its deployment and the long-term consequences for society leads to the rethinking the phenomenon and significance of the October Revolution of 1917 for the historical destinies of the former USSR peoples. The nationalization of enterprises by the state was largely punitive; decisions were made in the heat of the revolutionary struggle. Marxist ideology has been played a decisive role in the process of the industry's nationalization.

Keywords: revolution, the Bolsheviks, the Soviet government, the Steppe region and Turkestan, nationalization; private property.

Понимание своеобразия сущности экономической политики большевиков в Казахстане в первые годы после прихода к власти, особенностей его развертывания и долговременных последствий для общества упирается в переосмысление феномена Октябрьской революции 1917 г. и ее значения для исторических судеб народов бывшего СССР. Революция, явившаяся результатом глубочайшего внутрисосудского кризиса, застала врасплох многочисленные народы империи. Вместе с тем, революция не только сохранила российское имперство как сложноорганизованную этногосударственную и территориально-экономическую систему, но и вывела его на новый виток развития, модернизировало, придав новый импульс. Полиэтническое население огромного региона Степного края и Туркестана помимо своей воли оказалось участником авантюрного эксперимента марксистской утопии.

Национализация частных предприятий проводилась по различным мотивам и различными организациями. Как показывает практика, чаще всего возникала следующая ситуация. Владелец предприятия скрывался, а вместо себя оставлял администрацию, которая должна была охранять здание, техническое оборудование на тот случай, если владелец вернется вместе с реставрацией старой власти. В таких случаях оставшийся на местах технический персонал не имел возможности влиять на заводские производственные процессы и вел себя пассивно. Однако вместе с тем администрация осуществляла операции по нелегальному сбыту продукции и сырья. Все это не могло не остаться незамеченным рабочими, которые, опасаясь остаться без работы и зарплаты, требовали конфискацию данного предприятия. Так, 20 февраля 1918 г. рабочие и служащие крупнейшего в регионе Риддерского горнопромышленного акционерного общества обратились в СНК РСФСР с телеграммой, где сообщали о том, что правление АО закрывает предприятия и распродает их имущество. Поэтому главным требованием было провести национализацию предприятия¹⁷⁹. Чаще всего общее собрание рабочих выносило категорическое постановление о национализации, когда убеждалось, что центральные органы власти, боясь сделать ошибку, затягивают решение вопроса.

Охватившую экономику всеобщую дезорганизацию про-

---

¹⁷⁹ Национализация промышленности в СССР: Сб. документов и материалов 1917–1920 гг. / Под ред. И.А. Гладкова. М.: Госполитиздат, 1954. С. 231.

изводства и возникшие в связи с этим трудности историки-марксисты пытались напрямую связать с якобы «злым умыслом капиталистов», «массовым саботажем» со стороны частных владельцев. Владельцы промышленных предприятий сокращали производство, но не по идеологическим мотивам: в складывающейся ситуации просто невозможно было поддерживать его на высоком уровне. Следствием этого было сокращение рабочих мест и зарплаты, что не могло не вызывать недовольства людей. В середине января 1918 г. рабочие и служащие акционерного общества паровых мельниц обратились в Актюбинский уездный исполком с жалобой на владельцев предприятий, которые, на их взгляд, незаконно остановили производство. В этой связи исполком постановил конфисковать паровые мельницы у их владельцев. 23 мая 1918 г. Актюбинский уездный исполком сообщал Оренбургскому губисполкому о том, что произведено обобществление местного пшено-мукомольного товарищества. Этот акт объяснялся тем, что руководители товарищества свертывали производство. Таким образом рабочие лишались своих мест и обострялась ситуация с продовольствием¹⁸⁰. В январе 1918 г. владельцы крупных кожевенных заводов Петропавловска Зенковы объявили о закрытии предприятий, объясняя это нехваткой сырья. В ответ на это дей-

---

¹⁸⁰ *Тугов П.И.* К истории национализации промышленности в Казахстане в 1918–1920 гг. // Известия АН КазССР. Серия ист., арх. и этногр. 1960. Вып. 1 (12). С. 13–28.

ствие частных предпринимателей уездный исполком национализировал кожевенные заводы¹⁸¹.

Для всего процесса национализации в Степном крае, как и для всей Советской России, было характерно отсутствие деловой хозяйственной связи мест с Центром, какой-либо планомерности и упорядоченности. Мощный революционный кризис, потрясший всю бывшую Российскую империю до основания, всколыхнул миллионные массы людей. В такой обстановке процесс огосударствления частной собственности неизбежно нес на себе печать стихийности и хаоса. Если в Европейской части России количество и качество партийной и рабочей массы позволяло оказывать планомерное давление на крупный капитал, то на национальной окраине это было сделать труднее. Поэтому разгул стихии национализации здесь приобрел неуправляемый характер. В процессе национализации в немалой степени присутствовал элемент криминального куража. Типичная для этого времени показательная акция – вывоз на мусорной тачке управляющего или владельца завода за пределы предприятия. В ноябре 1917 г. рабочие Спасского медеплавильного завода вывезли из цеха на тачке и выбросили в мусорную яму английского инженера Хаила. Управляющий Сарысуйской фабрикой Морган и другие англичане спешно покинули Спасск, оста-

---

¹⁸¹ Нурпеисов К.[Н.] Становление Советов в Казахстане. Алма-Ата, 1987. С. 177.

вив вместо себя технический персонал¹⁸². Процесс экспроприации частного имущества в промышленной сфере, происходивший в первой половине 1918 г. в том числе и в Степном крае, нужно рассматривать именно как карательную акцию, носившую репрессивный характер. Обращает на себя внимание то, что декрет о национализации промышленности был издан правительством народных комиссаров России только 28 июня 1918 г. Вряд ли большевики задним числом нуждались в юридическом оформлении своих, по сути дела, противоправных действий. Ряд исследователей связывают появление этого декрета с требованием Германии уплатить компенсацию за предприятия, функционировавшие с участием германского капитала и не национализированные до 30 июня 1918 г.¹⁸³

Архивные документы раскрывают драматические перипетии, в которых проходила национализация того или иного промышленного объекта. Их владельцы приводили представителям новой власти массу доводов и аргументов в пользу сохранения права частной собственности на предприятие. Подобную ситуацию можно проследить на примере национализации товарищества «Сантонин», больше известно-

---

¹⁸² Нусупбеков А. [Н.] Формирование и развитие рабочего класса в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 54–55.

¹⁸³ Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. 1917–1920. В 2 т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. Т. 1. С. 231; Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 41.

го как Чимкентский сантонинный завод. Завод производил из редкого растения дармины (семя цитварной полыни) дорогое лекарственное вещество – сантонин. Исключительно ценное растение дармина, некогда произраставшее на черноморском побережье и в Северной Африке, к рассматриваемому периоду повсюду исчезло, кроме как Южного Казахстана, где произрастало на ограниченной площади между городами Туркестан и Чимкент. В силу этих и некоторых других причин Чимкентский сантонинный завод являлся уникальным в мире предприятием, приносившим своим хозяевам и государству в виде налогов огромную прибыль. Это был как раз тот случай, когда бывшие владельцы боролись буквально до последнего за то, чтобы участвовать в производственном процессе и сохранить за собой хотя бы часть потерянных доходов.

Завод был национализирован декретом СНК Туркестанской республики от 30 апреля 1918 г.¹⁸⁴ Однако в действительности завод был конфискован несколько раньше. Осенью 1917 г. ташкентским большевистским центром в Чимкент был направлен М.И. Зибаров, где его назначили комиссаром сантонинного завода и одновременно избрали председателем Чимкентского уездного Совета. Завод был взят под контроль рабочих, а 29 марта 1918 г. уездный Совет сво-

---

¹⁸⁴ Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917–1920 гг.): Сб. документов / Под ред. Э.А. Воскобойникова. Ташкент: Госиздат УзССР, 1955. С. 154.

им решением национализировал его. Уже 5 апреля супруга бывшего владельца завода В.Н. Иванова прислала на имя старшего механика Осипова письмо. В нем она настоятельно просила заводскую администрацию разъяснить рабочим и служащим, что советское государство, конфисковав завод, не сумеет справиться с руководством и организацией производства данного предприятия. «Завод погибнет, а рабочие и служащие останутся без работы и лишатся куска хлеба», – писала она. В письме далее говорилось, что решение Чимкентского Совета о национализации завода обжаловано, и администрации предприятия до получения новых указаний предлагалось не подчиняться приказам назначенного на заводе комиссара и не представлять ему никаких сведений¹⁸⁵. За три дня до издания декрета СНК Туркестана о национализации завода, то есть 27 апреля 1918 г., его бывший владелец В.Н. Иванов направил в Совнарком Туркестанской республики прошение с ходатайством об отмене намечавшегося постановления о национализации предприятия. Автор изложил в прошении свои доводы, акцентируя внимание на том, что производство сантонина достаточно трудоемкий процесс, а его реализация на мировом рынке является деликатным делом. «По изложенным основаниям я прошу сохранить это единственное в мире предприятие, имеющее всемирно важное значение в руках товарищества “Сантонин”»,

---

¹⁸⁵ Правда Южного Казахстана. 1947. 5 ноября.

дабы его не сгубить», – говорилось в заключении¹⁸⁶.

Большевики, совершая переворот под лозунгами социального равенства и уравнительного распределения материальных благ, полностью ликвидировали институт частной собственности. «Экспроприация экспроприаторов» и идея бестоварного общества находили своих сторонников среди маргинализованной части населения. Конечно, неправильно только лишь этим объяснять стремительность «красногвардейской атаки на капитал». Однако инициатива «снизу» часто имела место. Так, 10 марта 1920 г. собрание жителей села Гуляй-Поле Графской волости Акмолинского уезда обратилось с требованием в уездный СНХ национализировать небольшие маслобойные заводы А. и И. Макухиных и Исаенко. Мотивировалось это решение следующим. Заводы Макухиных и Исаенко за один рабочий день вырабатывали в масло 50 пудов семян по 10 рублей за 1 пуд. Кроме этого, с 50 пудов семян оставалось 35 пудов жмыха, который продавался по 10 руб. за 1 пуд. В день, таким образом, получалось 850 рублей чистой прибыли. Двум наемным рабочим выплачивалось 225 руб. в день. Остальная часть выручки оставалась хозяевам. Всю эту нехитрую «арифметику» произвели односельчане владельцев предприятий и на этом основании выступили с инициативой о национализации¹⁸⁷.

---

¹⁸⁶ Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. 35. Оп. 1. Д. 21а. Л. 17–19.

¹⁸⁷ Государственный Архив Акмолинской Области. Ф. 152. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.

Чрезвычайно важной в процессе массовой национализации крупных предприятий металлообрабатывающей, горной и горнозаводской промышленности Казахстана стала дата 11 мая 1918 г. Именно в этот день вышло постановление правительства Советской России о национализации и финансировании Западно-Сибирских копей и предприятий¹⁸⁸. Особое внимание обращает на себя то положение, которое сложилось в период после национализации на предприятиях и каменноугольных копях «Киргизского» и «Риддерского» акционерных обществ, Спасских и Атбасарских медных промыслах, так как перечисленные промышленные объекты Степного края являлись крупнейшими, а некоторые и единственными в своем роде в масштабах бывшей царской России. Как известно, с лета 1918 г. почти до конца 1919 г. территории Центрального и Восточного Казахстана находились под управлением Временного Сибирского правительства Колчака. С восстановлением своей власти над большей частью рассматриваемого региона Казахстана большевики приступили к хозяйствованию над промышленными предприятиями края на «военно-коммунистических» началах.

Следует отметить, что в результате социально-экономических потрясений, из-за частого перехода из рук в руки вследствие смены политической власти, промышленные предпри-

---

¹⁸⁸ КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. З.А. Швыдко, А.А. Игенбаев, А.Ф. Усакова и др. Алма-Ата: Казахстан, 1978. С. 20.

ятия Акмолинской и Семипалатинской областей к началу 1920 г. находились в плохом техническом состоянии. По требованию чрезвычайных органов Советской власти – ревкомов и хозяйственных органов совнархозов – технические управленцы национализированных предприятий предоставляли отчеты об их положении. Из этих отчетов вырисовывалась удручающая картина национализированной промышленности. Так, в январе 1920 г. управляющий Риддерскими предприятиями инженер Н.К. Лессиг направил докладную записку в Семипалатинский губсовнархоз. Из доклада становится известно, что рудники и фабрики национализированного АО «Риддерское» остановились еще в январе 1918 г. – с того момента, когда инженеры-американцы из-за политических событий в России уехали на родину. Работали лишь вспомогательные цеха, механическо-литейная мастерская, лесопильный завод, железная дорога. В период реставрации старой власти, в 1918–1919 гг., были возобновлены контакты с границей. Весной 1919 г. в США было отправлено 300 пудов риддерских руд для производства опытов новейшими методами обогащения. Инженер Лессиг рекомендовал Семипалатинскому губсовнархозу не возобновлять добычу риддерских руд до тех пор, пока не будут получены благоприятные результаты опытов в США и советовал командировать в Америку русских инженеров для производства опытов с посланными туда риддерскими рудами¹⁸⁹.

---

¹⁸⁹ Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.

Политические реалии того времени были таковы, что, вероятно, этот совет и другие рекомендации горного инженера Н.К. Лессига советским хозяйственным органам Семипалатинской области были не нужны.

Для «военно-коммунистической» экономики в этот период в качестве основной проблемы выступает задача по организации производства и нормального функционирования национализированных промышленных объектов и транспорта. К примеру, национализированная в мае 1918 г. Риддерская железная дорога постепенно разрушалась. Эта дорога протяженностью в 96 верст соединяла пристань на Иртыше в Усть-Каменогорске со станцией Риддерск. Целью ее действия являлся подвоз топлива в Усть-Каменогорск, а в сторону Риддера – подвоз продовольствия. В качестве основной причины разрушения Риддерской железной дороги называлось отсутствие у государства возможности содержать штат рабочих¹⁹⁰. Подобная дезорганизация производства, отсутствие комплексного снабжения материалами и сырьем приводили к «омертвлению» и без того «едва дышавшей» промышленности края. Другой характерный пример подобной ситуации – Воскресенская железная дорога, предприятие такого же значения и с такими же функциями, как и Риддерская железная дорога. Воскресенская железная дорога длиной в 110 верст соединяла Воскресенскую пристань

918, Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 8.

¹⁹⁰ Там же.

на Иртыше с предприятиями Экибастуза, имея ответвления на цинковый завод – 2 версты и шахты – 3 версты. К моменту национализации эта ширококолейная дорога имела все необходимые сооружения и комплект оборудования: 6 паровозов, 40 платформ и вагонов. Все это пришло в плохое состояние и требовало капитального ремонта. Необходимы были по крайней мере 3 исправных паровоза, так как на шахтах складывался добытый уголь и не на чем было его вывезти¹⁹¹. На этих примерах четко прослеживается главная негативная черта политики большевиков в промышленной сфере – отсутствие у государства средств на содержание национализированных предприятий. Большевистская хозяйственная система, увлекшись в пылу массового обобществления средств производства, была не в состоянии экономически освоить весь объем национализированных предприятий, организовать нормальное снабжение производства.

Тенденциозное освещение в советской историографии хозяйственной деятельности царского и Временного правительств, а затем и белых на временно удерживаемой ими территории, выработало стереотипное представление о том, что хозяйственным органам Советской власти сплошь и рядом доставались отсталые, разрушенные промышленные объекты. Конечно, в действительности подобное имело место, однако далеко не всегда. Так, в январе 1920 г. в отчете горного инженера Кузнецова в Семипалатинский губернский СНХ

---

¹⁹¹ ЦГА РК. Ф. 918. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

говорится о том, что экибастузские цинковый и свинцовый заводы устроены по всем требованиям современной техники. Цеха заводов оборудованы новейшими печами и машинами. Однако заводы простаивали с начала 1918 г. За это время машины, печи, здания пришли в запущенное состояние, двери и окна выбиты, специалисты покинули свои места. Население близлежащих окрестностей, пользуясь ситуацией, разворовывало имущество заводов. При этом представляют интерес некоторые соображения, которые высказал руководству Семипалатинского губСНХ инженер Кузнецов. Он писал о том, что при нынешнем экономическом и политическом состоянии в стране нет смысла пускать в ход заводы, лучше сосредоточить силы на добыче угля и охранять предприятия от дальнейшего разрушения и расхищения¹⁹². Анализ таких документов, как отчеты горных инженеров Кузнецова, Лессига показывает, что многие опытные специалисты в то время трезво оценивали складывающиеся политические и экономические реалии и не видели перспектив для полноценного развития промышленности в таких условиях.

Действительно, местные совнархозы, призванные осуществлять централизованное руководство основной массой национализированных предприятий, обнаруживали свою неэффективность. Нередко это возникало по объективным причинам военного времени. Однако чаще всего сама «мерт-

---

¹⁹² ЦГА РК. Ф. 918. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

влящая» природа политики «военного коммунизма» препятствовала устойчивому и поступательному экономическому развитию. В этих условиях вырабатываемые совнархозами производственные программы оказывались нереальными, их опрокидывала действительность хозяйственной жизни. Так, Павлодарский уездный СНХ приказал составить финансовые сметы на широкую эксплуатацию в 1920 г. цинкового и свинцового заводов Экибастуза. Экспедиция, составленная из опытных специалистов и обследовавшая в январе 1920 г. экибастузские каменноугольные копи, пришла к следующим заключениям: «Нашим совнархозам нужно отложить в сторону задачи и горизонты, которые имелись в виду господином Урквартом (прежний английский владелец этих предприятий. – Е.М.), а заняться скромной, но весьма полезной по характеру исторического момента работой по добыче угля». И далее: «...Павлодарский уездный СНХ... имеет в этой области большие планы и виды и манипулирует чуть ли не сотнями миллионов. Это пока арифметика, но вредная, так как отвлекает технические силы, и без того незначительные, от прямой работы по добыче угля»¹⁹³.

Таким образом, видно, что с большим количеством национализированных предприятий совнархозы в Степном крае и Туркестане не могли справиться так же, как и ВСНХ во всероссийском масштабе. Экспроприировав их у частных предпринимателей, экономические органы Советской вла-

---

¹⁹³ ЦГА РК. Ф. 918. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

сти не смогли наладить на них производственный процесс, действуя в авральном режиме. Многие из этих предприятий простаивали, но «сидя на шее» у государства, на законных основаниях требовали денег на зарплату и на другие различные расходы. Следовательно, массовая национализация тяжким бременем легла на госбюджет и стала одним из главных факторообразующих высокой денежной эмиссии. Эти предприятия переводились на сметный порядок финансирования, а это создавало огромные трудности для центрального сметно-финансового аппарата, который просто не мог справиться с потоком смет. Учитывая, что планово-административная экономика с каждым днем вовлекала в свою орбиту все новое и новое количество национализированных предприятий, можно только предполагать, какие громадные средства нужны были для их содержания.

Основные выводы, которые можно извлечь из приведенного выше материала, сводятся к следующему. Суть экономической политики большевиков определялась не только партийными директивами, декретами Советской власти, но и спецификой исторического развития России, ее традициями и опытом, накопленными в предыдущий период. Исходя из этой исторической наследственности, создавалась система с четкой ориентацией на насилие, централизацией всей полноты власти в руках партийных комитетов всех уровней, тотальный контроль над всеми ключевыми узлами системы.

Российско-японские отношения в период 1914–1917 гг. (к вопросу об интервенции Японии в советской России)

Подгорный А.В.

Аннотация. Статья посвящена отношениям Японии и России после русско-японской войны до периода революции в России, участию Японии в Первой мировой войне, а также в гражданской войне на территории России.

Ключевые слова: империя, мировая война, международные отношения, Антанта, революция, интервенция.

RUSSO-JAPANESE RELATIONS IN THE PERIOD 1914–1917 (ON THE QUESTION OF JAPAN'S INTERVENTION IN SOVIET RUSSIA)

Podgornyy A. V.

Abstract. The article is devoted to the relationship of Japan and Russia after the Russo-Japanese war to the period of the revolution in Russia, Japan's participation in the First World War, and Japan's participation in the civil war.

Keywords: empire, world war, international relations, Entente, revolution, intervention.

В годы, предшествовавшие революции в России 1917 г., русско-японские отношения выстраивались самым благоприятным образом. После войны 1904–1905 гг., которую через несколько лет самая влиятельная дореволюционная российская газета «Новое время» назовет одним из крупнейших недоразумений российской истории, две еще недавно враждующие империи налаживали взаимовыгодные дипломатические отношения. Война самым парадоксальным образом послужила толчком к созданию союза. Так что уже в январе 1906 г. на встрече японского и российского послов в Австро-Венгрии российский представитель передал японскому послу слова российского императора о том, что у Николая II самые приятные воспоминания о радушном приеме и внимании, оказанном императором пятнадцать лет назад во время его пребывания в Японии. «В прошедшей войне успех был на стороне Японии, но неважно, кто победил или проиграл, главное – обе стороны воевали достойно, как на дуэли. Каким бы ни был результат, обе стороны сохранили свое достоинство»¹⁹⁴.

---

¹⁹⁴ Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М.: ОЛ-

Далее были подписаны русско-японские конвенции 1907 г., 1910 г., а также конвенция 1912 г. На протяжении десяти лет Россия становилась для Японии государством, с которым волею истории пришлось сблизиться, преследуя общие интересы в Китае, и стать союзником с началом Первой мировой войны 1914 г.

Князь Ямагата Аритомо, имеющий в Японии репутацию «серого кардинала», будучи одним из членов «неконституционного правительства» – Совета старейшин (Гэнро) – после полугода войны 1914 г. сделал вывод, что ни одной из сторон не удастся добиться абсолютного превосходства и война закончится ничем. Он полагал, что в послевоенный период нарушение баланса сил в Европе приведет к усилению международно-политических противоречий относительно Восточной Азии, в первую очередь Китая.

Острый дефицит вооружения в Российской армии с начала 1915 г. Ямагата использовал как самое благоприятное время для заключения союза. С этой целью он инициировал официальный визит в Японию великого князя Георгия Михайловича в январе 1916 г., которого встречал сам император Тайсё¹⁹⁵.

Союзный договор был подписан 20 июня 1916 г.; он предусматривал, что, в случае войны одной из сторон с ка-

---

МА Медиа Групп, 2015. С. 375.

¹⁹⁵ Барышев Э.А. Русско-японская конвенция 1916 г. и ее международно-политический смысл // Япония 2006. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2006. С. 243–256.

кой-либо третьей державой, другая сторона по первому требованию союзницы должна прийти на помощь и не заключать мира с враждебной страной без взаимного согласия. Кроме того, правительства двух государств договорились не допускать установления в Китае политического господства какой-либо третьей державы, враждебной России и Японии¹⁹⁶.

В сентябре того же года Россию с официальным визитом посетил японский принц Кан-Ин.

К началу Первой мировой войны в общественном сознании японцев Россия уже воспринималась как государство, с которым можно поддерживать добрососедские отношения. В основном связь России с Японией осуществлялась через Владивосток. К 1917 г. в этом городе были открыты представительства японских компаний: Мицубишигоси кайся, Мицуиеко, Сузукисётэн, Такадасекай и другие. Численность японцев к тому времени во Владивостоке составляла более четырех тысяч человек. Для многих японцев город был олицетворением России и являлся самым значительным местом контактов русских и японцев.

Революция 1917 г. внесла немалые коррективы в отношения между двумя державами. После отречения от власти Николая II многие отставные крупные царские чиновники изъявили желание поселиться в Японии. Посол в Японии Ва-

---

¹⁹⁶ Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М.: Проспект, 2012. С. 451.

сий Николай Николаевич Крупенский докладывал, что имея сведения о неудачах русской армии лета 1917 г. (Юго-Западный фронт отступал), и особенно об июльском большевистском путче, «настроение японских правящих кругов стало более сдержанным и менее для нас благоприятным»¹⁹⁷, но в целом все еще дружелюбным.

В Россию летом 1917 г. для выяснения реального положения в стране и в среде разных классов ее населения был отправлен из Харбина в Петроград директор Общества Южно-Маньчжурской железной дороги Каваками Тосицунэ с одним из своих подчиненных. С той же целью предпринял объезд Приморья генконсул Кикучи Гиро. В Японии еще долгое время не могли осознать всей глубины последствий коллапса российской монархии. Со слов военного агента в Японии, генерал-квартирмейстер ГУГШ констатировал: «Все основные и главные вопросы нашей революции остаются здесь весьма неясными и запутанными для народных масс. Среди даже сравнительно образованных лиц наша революция представляется только одними событиями восстаний, бунтов, контрдвижений, с подсчетами убитых, раненых и прочих человеческих жертв»¹⁹⁸. По донесениям военного агента в Японии Виктора Александровича Яхонтова, токийским правящим кругам положение в России представ-

---

¹⁹⁷ Павлов Д.Б. Забытый союзник. Япония и Россия в 1914–1918 гг. М.: Вече, 2014. С. 78.

¹⁹⁸ Там же. С. 78.

лялось весьма непонятным, хаотичным и запутанным.

Состояние финансов в России тоже было плачевным. По итогам японских поставок вооружения в Россию долг перед Японией к лету 1917 г. составлял 49,8 млрд рублей. Все более погрязая в долгах, Россия воевала займы¹⁹⁹.

Правящие круги Японии в годы войны опасались прихода к власти прогермански настроенных партий в России, и, как следствие, подписания сепаратного мира с Германией. Этот вопрос был наиболее важным среди всех вопросов, связанных с мировой войной, для Японии.

Зимой 1917–1918 гг. Япония активизировала свои разведывательные действия на Дальнем Востоке. Продолжало расти количество военнослужащих, направленных с целью выяснения обстановки в стране.

В Токио, анализируя ситуацию в России, сделали вывод: курс пришедших в России к власти правителей на мировой арене несовместим с добрососедской политикой Японии, и любые союзнические действия в отношении ее являются напрасными. После подписания Россией сепаратного мира с Германией дипломатическая миссия Японии покинула Петроград и выехала на родину.

В январе Япония постепенно начинала формировать военный контингент во Владивостоке под предлогом охраны военных складов Антанты и местной японской колонии. Японский морской министр в инструкции к вице-адмира-

---

¹⁹⁹ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 79.

ду Като Кандзи указывал, что враждебных чувств к России Япония не питает и надеется на продолжение с ней прежних отношений. Однако Япония не намерена поддерживать германских марионеток Ленина и Троцкого и будет делать все, чтобы уничтожить их власть и как можно скорее оказать помощь более умеренному режиму. В марте 1918 г. на совещании в Токио по международным делам было отвергнуто предложение о начале интервенции в Восточную Сибирь. Японское правительство сделало заявление, что будет действовать так только при угрозе своей национальной безопасности и при обязательном одобрении союзников по Антанте, в особенности США. Несмотря на все эти заявления, 5–6 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились две роты японских военных моряков и половина роты английских матросов. Это стало началом интервенции на Дальнем Востоке²⁰⁰.

События революции 1917 г. воспринимались в Японии неоднозначно, но в большинстве своем трактовались как темные и трагические страницы российской истории. Японская интервенция в Россию в 1918–1922 гг. обосновывалась реакцией на приход к власти левых «экстремистов» и необходимостью защитить жизнь и собственность проживавшей в России японской общины, насчитывавшей более 5 тыс. человек, а так же выполнением своих союзнических обязательств перед странами Антанты. Однако термин «интервенция» никогда не использовался при упоминании этих собы-

---

²⁰⁰ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 84.

тий. В Японии это принято было называть просто «направление войск в Сибирь» («сибэриасюппэй»)²⁰¹.

---

²⁰¹ *Стрельцов Д.В.* Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. М.: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. С. 5–7.

Революция 1917 г. в воспоминаниях британского посла Джорджа Бьюкенена

Савосина Ю.В.

Аннотация. В статье автор рассматривает отношение британского посла сэра Джорджа Бьюкенена к Революции 1917 г., делает основные выводы по причинам падения монархии в России, а так же несостоятельности Временного правительства.

Ключевые слова: революция 1917 г., Первая мировая война, Великобритания, Россия, монархия, дипломатическая деятельность, посол.

REVOLUTION 1917 IN THE MEMOIRS OF THE BRITISH AMBASSADOR GEORGE BUCHANAN

Savosina Yu. V.

Abstract. In the article the author considers the attitude of the British Ambassador sir George Buchanan to the revolution of 1917, makes main conclusions on the causes

of the fall of the monarchy in Russia, and the causes of the fall of the Provisional government.

Keywords: revolution of 1917, the First World War, great Britain, Russia, monarchy, diplomacy, diplomat.

Проблема принятия нового политического строя России после Революции 1917 г. Западными странами до сих пор видится актуальной и весьма неоднозначной темой. Вызвано это той ролью и степенью влияния, которым обладала Российская империя в системе международных отношений, и которое было утеряно после прихода большевиков к власти. А так же попыткой найти действенные способы регулирования многосторонних отношений при наличии противоборствующих политико-идеологических оснований.

С начала XX в. внутренняя обстановка в России постоянно ухудшалась, что вызывало рост социально-политических брожений. Такое положение усугублялось и изменениями внешнего характера. Первая мировая война явилась последней точкой для русского общества на революционном пути, которая привела к смене политической власти. Для лучшего понимания всех векторов развития событий этого периода представляется необходимым подробно изучить деятельность дипломатических корпусов союзных России государств. В этом ключе мемуары иностранных послов являются ценным источником информации. Субъективизм таких работ очевиден, однако он же и позволяет рассмотреть более подробно интересующий период глазами очевидцев. Осо-

бенности восприятия автором событий, которые явились основными при принятии ряда решений. Оценить как внутреннее, так и внешние факторы принятия того или иного решения. Воспоминания британского посла сэра Джорджа Бьюкенена представляют несомненный интерес в процессе изучения вопроса отношения Великобритании к смене политической власти в 1917 г. в России путем Революции.

Джордж Уильям Бьюкенен (1854–1924) был представителем древнего шотландского аристократического рода, давшего Великобритании не одно поколение дипломатов²⁰². Он же был последним послом Великобритании при царском правительстве. Длительная дипломатическая служба в России наложила определенный отпечаток и на дальнейшую судьбу сэра Джорджа. Он пользовался доверием императора Николая II. Его работа в деле сближения позиций России и Великобритании на мировой арене была высоко оценена царским правительством, и Бьюкенен в мае 1916 г. получил титул почетного гражданина города Москвы.

Сэр Джордж Бьюкенен был назначен послом в Санкт-Петербург в 1910 г. А в начале Первой мировой войны он занял пост главы дипломатического корпуса держав Антанты в России. На него была возложена задача по взаимодействию руководства союзных армий, территориально значительно

---

²⁰² *Ермаков В.Д.* Посол Великобритании сэр Дж. Бьюкенен в Петрограде // Вестник Санкт-Петербургского гос. университета культуры и искусства. 2006. № 1. С. 44.

разрозненных друг от друга. Однако с 1917 г. внутренний социально-политический кризис в России достиг своей критической точки, перед дипломатом становится новая проблема – необходимость удержать революционную Россию в войне. Но даже большой опыт не помог Бьюкенену в решении данной задачи. В конечном итоге, уже Советская Россия заключила сепаратный мир с Германией, а дипломатический корпус был вынужден покинуть Россию. Провал данной миссии вызвал резкую критику британского дипломата со стороны его правительства.

Свое отношение к Российской революции 1917 г. сэр Бьюкенен постарался раскрыть в своих мемуарах. Ряд британских и российских политических деятелей указывали на непосредственное влияние дипломата на стимулирование революционных настроений. Сам Бьюкенен сложно переживал данные обвинения: «Я думаю, оправдают меня от обвинений в том, что я принимал какое бы то ни было участие в ее (Революции 1917 г. – Ю.С.) осуществлении...»²⁰³. В своих мемуарах дипломат указывает, что, вернувшись на Родину, постоянно испытывал гнет обвинений в свой адрес. При этом часть русских знакомых стала относиться к нему с подозрением, а некоторые и вовсе перестали общаться, считая Бьюкенена напрямую или косвенно виноватым в свержении самодержавия.

---

²⁰³ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1991. С. 225.

Действительно, накануне революции дипломат пытался поддерживать полноценные отношения как с легитимной властью, так и с лидерами оппозиционной стороны. Однако его дипломатическая деятельность принуждала оставаться в союзе со всеми политическими силами. Любое изменение внутреннего характера могло кардинально повлиять на взаимоотношения между странами-союзниками, и Бьюкенен стремился контролировать данный процесс в интересах Великобритании и Антанты. «Совершенно верно, что я принимал в посольстве либеральных вождей, ... так как моею обязанностью, как посла, было поддерживать связь с вождями всех партий. Кроме того, я симпатизировал их целям и ... я советовался с Родзянко по вопросам об этих целях перед своей последней аудиенцией у императора. Они не хотели возбуждать революции в течение войны. Напротив, они выказывали столько терпения и сдержанности, что правительство смотрело на Думу, как на ничтожную величину, и полагало, что оно может с нею совершенно не стесняться. Когда революция пришла, то Дума старалась овладеть ею, дав ей санкцию единственного легально-организованного органа в стране»²⁰⁴.

Революционные настроения начали набирать силу, и 15 марта было образовано Временное правительство. Период крайней нестабильности – было непонятно, останется ли Россия «монархией или будет преобразована в республику.

---

²⁰⁴ Там же. С. 228.

Основные политические деятели, те люди, в руках которых оказалась власть, принадлежали партиям кадетов и октябристов. Так пост министра иностранных дел получил Миллюков, военного министра – Гучков, а министром юстиций был назначен Керенский»²⁰⁵. Главной задачей для государств Антанты было удержание России в войне, а значит, крайне необходимо было стабилизировать внутреннюю обстановку. Неуправляемость революционного движения в значительной степени пугали дипломата. Однако Джордж Бьюкенен предпринимает различные попытки укрепить авторитет Временного правительства, так как в главном вопросе ведения войны его позиция совпадала с планом Великобритании: «После отречения великого князя Михаила от престола единственной возможной для Англии политикой было укрепление власти Временного Правительства в его борьбе с Советом»²⁰⁶.

В дальнейшем анализируя внутреннюю социально-политическую обстановку в России в своих мемуарах, Джордж Бьюкенен обращает внимание на ряд факторов, которые привели к свержению самодержавия и установлению нового политического режима. Так, он подчеркивает отсутствие сильных лидерских качеств, необходимых для управления государством, как у императора, так и у руководителей Временного правительства. Безусловно, большое значение имел

---

²⁰⁵ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 212.

²⁰⁶ Там же. С. 224.

и временной отрезок – особенности военного времени только усугубляли внутренний социально-политический кризис. А так же Бьюкенен указывает на стихийность революционного движения, что не позволило Временному правительству закрепиться у власти: «... я поддерживал дружеские отношения с этими людьми. Правда, они разочаровали меня... когда наступил кризис, то они не сумели овладеть положением. Однако я должен согласиться с тем, что они встретились с колоссальными затруднениями, и, к несчастью, среди них не нашлось ни одного сверхчеловека»²⁰⁷.

Правительство Великобритании и главы союзных держав Антанты видели необходимость во вмешательстве во внутренние дела России для сохранения общей цели. Временное правительство оказалось слабой политической силой, а ряд поражений русской армии только ослаблял его положение. Для союзных стран наиболее выгодным вариантом являлся режим военной диктатуры, при котором во главе России встанет личность, способная одновременно улучшить внутриполитическую обстановку и сможет вести войну до победного конца. Джордж Бьюкенен делал ставку на министра юстиций Керенского. По его мнению «он [Керенский] единственный человек, способный удержать Россию в войне»²⁰⁸, и который обладал несомненным дипломатическим талантом – именно благодаря его деятельности стало возможным

---

²⁰⁷ Там же. С. 230.

²⁰⁸ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 182.

взаимодействие Советов и правительства.

Однако позиции Керенского быстро пошли на спад, ряд военных неудач подорвали доверие к нему союзных держав. И вновь начинается поиск подходящего человека. Джордж Бьюкенен выдвигает кандидатуру Л.Г. Корнилова. Позже Ллойд Джордж отмечал, что «руководство Великобритании обманулось кандидатурой Керенского, который обладал лишь ораторскими способностями. Для разрешения внутренних противоречий в России положение требовало жесткого человека. По рекомендации Бьюкенена иностранные державы стали поддерживать кандидатуру Корнилова»²⁰⁹.

Однако иностранное вмешательство только углубило революционный накал. Внутренняя социально-политическая обстановка не могла прийти в состояние стабильности в связи с многочисленными разногласиями внутри оппозиционных групп. И А.Ф. Керенский, и Л.Г. Корнилов проиграли новой революции. В своих мемуарах Джордж Бьюкенен лаконично выказал свое разочарование их слабости: «Правительство Керенского пало, подобно царизму, без борьбы»²¹⁰. Решения, принимаемые русским монархом, затем лидерами Временного правительства, по мнению дипломата, не соответствовали той ответственности, которую они несли. Слабость, нерешительность действий привела к падению их вла-

---

²⁰⁹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары / Пер. с англ. И. Звавича. В 5 т. М.: Соцэкгиз, 1938. Т. 5. С. 68.

²¹⁰ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 309.

сти. Бьюкенен приводит свою эпитафию русской монархии в лице Николая II и Временному правительству: «потерянные возможности»²¹¹.

Западные державы, опасавшиеся распространение революционных движений в Европе, не могли пойти на принятие новой большевистской власти. После октябрьских революционных событий Джордж Бьюкенен получил новую задачу – борьба с большевистским режимом. Находясь в Петрограде вплоть до 1918 г., британский дипломат пытался организовать ряд выступление оппозиционных сил. Однако эти попытки окончились безуспешно.

Сэр Джордж Бьюкенен по ряду объективных и субъективных причин отказался поддерживать дипломатические отношения с Народным комиссариатом иностранных дел, и в январе 1918 г. был отозван в Великобританию²¹².

Свое понимание и видение предпосылок, причин и развитие событий Революции 1917 г. он подробно изложил в своих воспоминаниях «Мемуары дипломата», написанные в 1924 г. По признанию самого дипломата, его работа написана «из желания попытаться дать новое освещение некоторых крупных политических событий, с которыми прямо или косвенно я был связан»²¹³. Главными направлениями своей дипломатической работы он считал Софию и Петроград.

---

²¹¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 309.

²¹² Ермаков В.Д. Указ. соч. С. 47.

²¹³ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 21.

А работе в России, которая заняла более семи лет, он отводит особое место: «...Я был свидетелем начала мировой войны, крушения империи, возникновения и падения Временного Правительства и большевистской революции»²¹⁴.

---

²¹⁴ Там же.

Формирование восточной политики большевиков

Сафронов Б.В.

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития мировой революции и изменению в связи с этим восточной политики большевиков, обусловленному тем, что на Востоке разгоралось пламя национально-освободительной борьбы против колонизаторов, которая перерастала в национальные революции, наносившие удар по капиталистической системе.

Ключевые слова: революция, нации, колониализм, гражданская война, национально-освободительное движение.

FORMATION OF THE EASTERN POLICY OF THE BOLSHEVIKS

Safronov B. V.

Abstract. The article is devoted to the development of the world revolution and the change in the Eastern policy of the Bolsheviks in this regard, as in the East the flame of the national liberation struggle against the colonialists,

which grew into national revolutions that struck a blow to the capitalist system.

Keywords: revolution, nation, colonialism, civil war, national liberation movement.

После победы Октябрьской революции среди многочисленных задач, стоявших перед победителями, был вопрос о мировой революции, и тогда В.И. Ленин писал: «А мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции»²¹⁵. Победоносная русская революция требовала воплотить в практику идею мировой революции, о которой Маркс и Энгельс писали еще в 1846 г. в работе «Немецкая идеология». Авторы считали, что переход к коммунизму возможен только в результате мировой революции, которая должна произойти одновременно в большинстве господствующих стран капитала.

В.И. Ленин в работе «О лозунге Соединённых Штатов Европы» внес существенные поправки в марксистскую теорию: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих странах или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»²¹⁶. Победа Октября потребовала и пересмотра

---

²¹⁵ Ленин В.И. Доклад на первом съезде трудовых казаков. Полное собрание сочинений (ПСС). В 55 т. М: Политиздат, 1974. Т. 40. С. 169.

²¹⁶ Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы. ПСС. Т. 26. С. 354–355.

внешней политики Советской России.

Новые принципы во взаимоотношениях с другими государствами были озвучены в Декрете о мире, принятом на Втором съезде Советов 26 октября 1917 г. Был провозглашен принцип самоопределения народов. 8 ноября 1917 г. в Обращении Советского Правительства к послам союзных держав было сказано: «Предложение перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»²¹⁷.

Это произвело огромное впечатление на народы всего мира, особенно на народы Востока, находившиеся под колониальной зависимостью передовых западных держав.

Были предприняты реальные шаги по выполнению принципов, провозглашенных в первых документах Советской власти.

Революция, победившая в России, привела к росту революционного движения во всем мире. Оценивая ситуацию, сложившуюся после победы Октября, В.И. Ленин в марте 1918 г. говорил: «Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России»²¹⁸.

---

²¹⁷ Документы внешней политики СССР (ДВП). В 10 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. С. 17.

²¹⁸ Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП(б). ПСС. Т. 36. С. 15.

Страны Востока, находившиеся под колониальным господством и жестоко эксплуатируемые, к началу XX в. созрели для революций. Капитализм сам создавал такие условия, формируя рабочий класс и национальную буржуазию. Революция в России всколыхнула Восток. Особенно это коснулось стран, граничивших с бывшей Российской империей.

С победой Октябрьской революции многие народы Востока связывали свою мечту об обретении национальной самостоятельности, полном освобождении от колонизаторов и создании своих собственных, независимых и свободных от капиталистической эксплуатации, стран. Пример русской революции вдохновил их. Они увидели в этой революции выход из того угнетенного состояния, в котором находились продолжительное время. Эти страны увидели в Советской России оплот, на который они могли опереться в своей борьбе против метрополий. Угнетенные народы Востока рассчитывали на помощь большевиков в этой борьбе. И они не ошиблись.

20 ноября 1917 г. было принято обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось: «Вы сами должны быть хозяевами ваших стран! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию!»²¹⁹.

Реализация новой политики по отношению к странам Востока началась сразу после победы революции. Россия при-

---

²¹⁹ ДВП. Т. 1. С. 35.

няла решение о выводе своих войск с территории Персии и захваченных территорий Турции.

Для многих народов Востока лозунг о праве наций на самоопределение позволял вести борьбу за национальное освобождение и обретение независимости. Используя этот революционный порыв, охвативший многие страны, Советская Россия оказала поддержку народам Востока. В первую очередь это было сделано в отношениях с Афганистаном и Персией. 14 января 1918 г. в ноте, направленной правительству Персии, объявлялось о прекращении англо-русского соглашения 1907 г. «как направленного против свободы и независимости персидского народа»²²⁰. 27 марта 1919 г. советское правительство признало независимость Афганистана и согласилось установить дипломатические отношения.

События, происходившие на Востоке в 1919–1920 гг., говорили о том, что влияние победы Великой Октябрьской социалистической революции на борьбу народов Востока имело решающее значение. С каждым днем продолжала расширяться борьба народов Индии и Китая, Персии и Афганистана за достижение национальной независимости. В этот период Советское правительство было вынуждено решать вопросы, связанные с Гражданской войной, и не могло оказать полноценную помощь борющимся народам Востока.

Практическая реализация этой помощи началась в 1921 г. 26 февраля 1921 г. был заключен договор между Российской

---

²²⁰ Там же. С. 91.

Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией. Провозглашались новые принципы взаимоотношений между странами, основанные на решениях, принятых и провозглашенных Советским правительством после победы Октябрьской революции.

Помощь народам Востока заключалось не только в продвижении лозунгов, родившихся в революционной борьбе, она носила со стороны охваченной Гражданской войной Советской России и военный характер. Выступая 28 февраля 1921 г. на заседании Пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, В.И. Ленин сказал: «И если народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистическими волками, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко»²²¹.

Таким образом, переориентация реализации идеи мировой революции на Восток доказала состоятельность представлений об объективности революционного процесса. Борьба народов Востока, вдохновленных успехом Великой Октябрьской революции и деятельностью Советского государства, его поддержкой национально-освободительной борьбы угнетенных народов, привела в конечном итоге к разрушению мировой колониальной системы и новому развитию мирового сообщества, где народы Востока стали равной силой с развитыми мировыми державами.

---

²²¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 62.

Геополитическая роль Французской и Русской революций в мировом цивилизационном процессе

Шепелев М.А.

Аннотация. Великая Французская революция рассматривается в качестве «водораздела» между эпохами высокой культуры и цивилизации как процесса ее разложения в истории Запада, а Великая Русская революция – как первый глобальный индигенизационный проект, положивший начало процессу исторического реванша Незапада.

Ключевые слова: Великая Французская революция, Великая Русская революция, цивилизация, универсализм, модернизация, индигенизация.

THE GEOPOLITICAL ROLE OF THE FRENCH AND RUSSIAN REVOLUTIONS IN THE WORLD CIVILIZED PROCESS

Shepelev M.A.

Abstract. the Great French revolution seen as a

“Rubicon” between eras of high culture and civilization as a process of degradation in the history of the West, and the Great Russian revolution – how the first global indigenizational project which began the process of historical revenge of the Non-West.

Keywords: the Great French revolution, the Great Russian revolution, civilization, universalism, modernization, indigenization.

Общность черт великих классических революций эпохи Модерна уже в разгар революционных событий в России привлекала к себе серьезное внимание. Не случайно, например, сначала Ленина сравнивали с Робеспьером, а затем Сталина – с Бонапартом. Осознавая наличие многих параллелей, отражающих общую логику революционного процесса, и большевики, и их противники прямо обращались к французскому революционному наследию, говоря словами К. Маркса, «для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак»²²²: взять хотя бы названия «Учредительное собрание», должности «комиссаров» или избранное противниками революции наименование «белые». Однако помимо стилистической общности и наличия общей структурной логики в двух великих революциях, существует и определенная преемственность в плане их места и роли в мировом цивилизационном процессе.

---

²²² Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. В 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 120.

Дело в том, что Великая Французская революция является собой знаковый рубеж в истории Запада, а именно «водораздел» между эпохами высокой культуры и цивилизации в шпенглеровском значении этих понятий (не случайно он датировал 1800 г. вступление Запада в первую фазу цивилизации). Ликвидация «Старого порядка» с заменой абсолютизма и легитимизма народным суверенитетом и демократическим национализмом, отменой сословных привилегий, утверждением принципа единых для всех норм, созданием массовой «народной» армии на основе всеобщей воинской обязанности, введением всеобщего избирательного права и первыми проявлениями политики дехристианизации, воплощают завершение длительного периода поступательного движения высокой культуры Запада и начало ее инволюции в цивилизацию. Важнейшую роль в «запуске» этих процессов, безусловно, сыграли создание революционной Коммуны в Париже и установление якобинской диктатуры, не случайно считающейся вершиной Великой французской революции. И именно эти тенденции в дальнейшем получают развитие в европейской политике, экономике и культуре (что особенно очевидно с началом второй фазы цивилизации после 2000 г.). Все это позволяет говорить о том, что эта революция была не только социальной в традиционном понимании, но и цивилизационной (в специфическом шпенглеровском понимании).

Особенно стоит в связи с этим обратить внимание на про-

цесс дехристианизации. Очевидно, что высокая культура Запада основана на христианской традиции (хотя и вобравшей в себя многие элементы античной культуры). И хотя с завершением эпохи религиозных войн религия была вытеснена на периферию светской общественной жизни, тем не менее христианские мировоззренческие установки, моральные нормы и ценности по-прежнему играли ключевую роль в повседневной жизни европейцев. Локальные антихристианские выступления время от времени встречались и в дореволюционном прошлом, но именно в революционной Франции была впервые предпринята попытка сделать дехристианизацию (и даже шире – детеизацию) частью государственной политики. Правда, на практике отношение власти к религии и священнослужителям было весьма различным в разных частях страны, а под давлением М. Робеспьера кампания дехристианизации была вскоре в значительной мере свернута, однако сам факт ее проведения уже был сигналом, обозначавшим принципиально новые тенденции в развитии Запада (можно сказать, открылось новое «окно Овертона»). Именно этот процесс, начало которому положила революционная Коммуна во главе с Шометом, получив развитие в XIX–XX вв., привел Запад к его нынешнему состоянию абсолютно релятивистского и даже воинствующе-секулярного общества, в котором под прикрытием «толерантности» преследуются внешние демонстрации христианского вероисповедания, а помещения церквей превращаются в магазины и

отели.

В геополитическом смысле Великая Французская революция означала существенный пересмотр традиционных европейских представлений об организации международных отношений с позиций революционного универсализма, в дальнейшем получившего развитие в США (хотя сами революционные события и успехи революционных армий Франции напугали американских «отцов-основателей» не меньше, чем европейских монархов). Особенно примечательны четыре пункта, внесенного Робеспьером 24 апреля 1793 г. в Конвент проекта Декларации прав человека и гражданина, которые гласили: «1. Люди всех стран – братья, а различные народы должны помогать друг другу по мере возможности, как граждане одного государства. 2. Тот, кто угнетает один народ, заявляет себя врагом всех. 3. Ведущие войну с народом, с целью задержать успехи свободы и уничтожить права человека, должны подвергнуться преследованию всех, не только как обыкновенные враги, но как убийцы и бунтовщики – разбойники. 4. Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, суть рабы, возмущившиеся против верховного повелителя земли, т.е. человеческого рода»²²³. Под всеми этими пунктами (если убрать упоминание о королях и аристократах) вполне могли бы подписаться и Вильсон, и

---

²²³ *Робеспьер М.* Декларации прав человека и гражданина // Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и речи. М.: Гос. издат. юр. литературы, 1959. С. 172.

Буш-младший, и Обама, чтобы использовать их для целей «нового мирового порядка» и «глобальной демократической революции».

Революция во Франции разворачивалась в атмосфере длительного англо-французского противоборства и во многом сама была его результатом, так как именно вызванное им финансовое истощение вынудило короля созвать Генеральные штаты, после чего «процесс пошел». Он подпитывался поначалу недовольством неспособностью «Старого режима» использовать во французских интересах даже поражение, нанесенное Британии в войне 1781–1783 гг. Поэтому не так уж парадоксально выглядит тот факт, что «именно несчастный Людовик XVI, окончивший жизнь на гильотине, был единственным из Бурбонов, кому удалось выиграть войну против Англии»²²⁴.

В развернувшемся с новой силой противостоянии Британия выступала в качестве консервативной, а Франция – революционной силы, но не только в социально-политическом, а и в геополитическом смысле. Британская корона защищала стабильность пространственного порядка, который был положен в основу современной мировой системы, тогда как республиканская Франция впервые выступила носителем универсалистских тенденций, подорвавших этот порядок в начале XX в. В этом смысле революционные и напо-

---

²²⁴ Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: ИД ГУ – ВШЭ, 2010. С. 509.

леоновские войны представляли собой незавершенную геополитическую революцию. И все же влияние Великой Французской революции распространилось по всему западному миру и охватило даже Латинскую Америку, где революционные идеи способствовали Освободительной войне против испанского господства.

Но то, что не удалось Робеспьеру и Наполеону в борьбе с британским гегемонизмом, удалось Ленину и, особенно, Сталину – творцам первого в мире социалистического государства, ставшего ядром альтернативной «мировой социалистической системы». Благодаря им Великая Русская революция превратила гомогенную, неконкурентную мировую систему в гетерогенную, конкурентную. При этом она положила начало длительной эпохе идеологических войн. Идеологи большевизма выдвинули в 1920-е гг. два ключевых тезиса, которые легли в основу советской стратегии идеологической войны – тезис о строительстве социализма в одной отдельно взятой стране и тезис о мирном сосуществовании государств с противоположным общественным строем как форме классовой борьбы. Провозглашая отказ от прямого военного столкновения с капиталистическими странами, концепция «мирного сосуществования» делала акцент на тактике мирной дипломатии посредством активного маневрирования, привлечения на свою сторону колеблющихся, «игры на межимпериалистических противоречиях», с опорой на поддержку мирового пролетариата и угнетенных наций,

в интересах укрепления позиций социализма. Такое понимание «мирного сосуществования» не устраняло коренной противоположности между социализмом и империализмом, не отменяло борьбы между ними, но стимулировала дух состязательности, конкуренции. А без него едва ли у западных элит возникло бы стремление к социальным реформам, воплотившееся в построении «государства всеобщего благосостояния»: показательно, что с исчезновением конкуренции двух систем рухнула и данная модель.

Геополитическим итогом политики Сталина стало превращение СССР в самодостаточную, конкурентоспособную, лидирующую на мировом уровне цивилизацию, одну из двух мировых сверхдержав. Именно благодаря Сталину Великая Русская революция стала первым глобальным индигенизационным проектом, хотя едва ли замышлялась «ленинской гвардией» именно таким образом. Под индигенизацией понимается процесс адаптации техносферы традиционными цивилизациями к собственным культурным особенностям, который является основой утверждения незападных культурных ценностей, укрепления цивилизационной независимости незападных обществ в современном мире. Достаточно упрощенным, но в целом адекватным определением индигенизации является «модернизация без вестернизации».

Реализации этого курса под руководством Сталина в СССР способствовали принятие тезиса о строительстве социализма в одной отдельно взятой стране, прекращение по-

литики воинствующего атеизма и достижение примирения с РПЦ, а также борьба с «безродным космополитизмом», что успешно сочеталось с программами индустриализации и реализацией ядерного проекта. Этот курс явно обозначился в годы Великой Отечественной войны и после ее победоносного завершения, с превращением СССР из единственного социалистического государства в центр растущего социалистического содружества. С его появлением и расширением социализм в сущности стал идеологическим инструментом осуществления глобального индигенизационного проекта. Особую роль в его распространении сыграла поддержка социалистической революции в Китае, благодаря чему Сталин создал для СССР с провозглашением КНР мощного союзника в Азии. Понимая, что с Китаем невозможно вести себя так же, как с малыми странами Восточной Европы, Сталин взял курс на формирование стратегического союза Москвы и Пекина, основанного на признании особой самостоятельной роли КНР и ее специфических национальных интересов. Вообще, в известном смысле окончанием Великой Русской революции можно считать XX съезд КПСС и последовавший за ним разрыв с Компартией Китая: после этого верх берет ревизионизм, переросший в контрреволюцию 1991 г.

Следует отметить, что термин «индигенизация» стали использовать западные христианские миссии на заре Нового времени, он связывался прежде всего с переводом еванге-

лических текстов на языки местных жителей, что облегчало вовлечение неопитов в христианские церкви (в этом смысле символично, что Сталин учился в православной духовной семинарии). Сегодня западная церковь почти не обращается к этому принципу, который сделал возможным появление так называемой аборигенной церкви, прочно привязанной к культурно-цивилизационным установкам определенной местности, но зато его давно взяли на вооружение соперничающие идеологические течения. В более широком культурном смысле индигенизация означает стремление видеть мир сквозь призму собственной культуры, или, иначе говоря, «глазами своего бога». Она способствует сохранению необходимого оптимума культурного разнообразия в мире, поддержанию альтернативных экономических укладов и воспроизводству привычных образов жизни.

Индигенизация предусматривает привлечение лишь тех элементов моделей модернизации, которые проходят оценку незападной системой на возможность их согласования и взаимодействия с традициями, созвучными культуре модернизирующегося общества. Процесс индигенизации в современных условиях является вариантом адаптации западных систем к стремительно меняющемуся миру, к окружению, которое собственными изменениями бросает вызов соседям, и этот вызов должен быть воспринят и использован для дальнейшего совершенствования и развития.

Индигенизация означает, что привнесенные экономиче-

ские и политические практики приобретают специфическую цивилизационную окраску, вписываются в конкретную цивилизационную систему в соответствии с ее нормами и иерархией ценностей. Классическими примерами процессов индигенизации является построение «социализма с китайской спецификой», становление японского, сингапурского и других восточных альтернативных капитализмов, и конечно же, «большевизация» коммунистического проекта в Советской России. Думается, что в этот ряд следует поставить и такие режимы, как франкизм и перонизм, сочетавшие модернизацию в ее технократическом понимании с национально-консервативной политикой. Но появление всех этих моделей так или иначе было обусловлено импульсом, который привнесла в мировую историю Великая Русская революция: без нее не появилась бы идеологическая альтернатива длительной монополии либерализма, создавшая конкурентную среду, в которой стали состязаться различные социально-экономические и политические проекты.

Именно Великая Русская революция активно способствовала «пробуждению Азии» и подъему национально-освободительных движений, приведших к крушению мировой колониальной системы и широкому распространению индигенизационных процессов (проекты арабского, африканского, индийского, индокитайского, индонезийского, индейского социализма, «социализма с китайской спецификой», воплощавшиеся с разной степенью успешности). Результатом ак-

тивизации процессов индигенизации в современном мире стало значительное усиление культуросентризма, который становится своеобразным средством профилактики опасных вирусов неолиберализма и ответом на вызовы глобализма с его попытками насильственной унификации мира по западным стандартам.

В политической сфере «индигенизации способствует демократический парадокс: принятие западными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным и антизападным политическим движениям». Это подтверждает, что цивилизационный стиль и традиции оказываются сильнее демократических квазиуниверсалий западного сорта, что отмечает С. Хантингтон, когда говорит, что «демократизация вступает в конфликт с вестернизацией, а демократия по своей сути является процессом, ведущим к защите местнических интересов, а не космополитизации»²²⁵.

Так что, хотя проект строительства социалистического общества в СССР был сорван, а социалистическое содружество оказалось разрушенным, Великая Русская революция все же имеет колоссальное всемирно-историческое значение. Если Великая Французская революция стала для Запада «Рубиконом» между высокой культурой и цивилизацией, то Великая Русская революция положила начало процессу исторического реванша Незапада над надломившимся западом.

---

²²⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 137.

ным миром. Не случайно классики евразийства тогда говорили об «исходе к Востоку», усматривая роль большевизма (как русской реакции на два столетия вестернизации) в том, чтобы поддержать национально-освободительные движения и возглавить поход против западной гегемонии (или можно выразиться иначе – движение за постсовременную мировую систему). То обстоятельство, что это движение шло под знаменем социализма – идеологии западного происхождения, причем исторически и ценностно наиболее близкой либерализму – не только не меняет его сути, но и демонстрирует восстановление способности незападных обществ абсорбировать и трансформировать западные идеологические влияния, используя их для защиты и продвижения собственных культурных ценностей, для укрепления своей самобытности перед лицом унификационных вызовов западоцентричной глобализации.

Влияние Октябрьской революции 1917 г. в России на страны балканского региона

Шмелева О.И.

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния Октябрьской революции 1917 г. на страны Балканского региона. События 1917 г. в России были встречены балканскими народами с одобрением и дали толчок новому этапу национально-освободительных движений. Особенностью данного этапа является то, что кроме экономических выдвигались и политические требования: отмена военного положения, восстановление и расширение политических прав и т.д. Результатом влияния стало образование независимых государств, их национальное и политическое самоопределение.

Ключевые слова: антивоенное выступление, Балканский регион, военное положение, война, забастовка, коммунистическая партия, национально-освободительное движение, независимость, политические свободы, революция.

THE INFLUENCE OF THE OCTOBER REVOLUTION 1917 ON THE COUNTRIES OF THE BALKAN REGION

Shmeleva O.I.

Annotation. The article is devoted to the problem of the influence of the October Revolution of 1917 on the countries of the Balkan. The events of 1917 in Russia were met with approval by the Balkan people and gave impetus to a new stage of national liberation. The peculiarity of this stage is apart from economic ones, political demands were put forward: the abolition of martial law, the restoration and expansion of political rights, etc. The result of the influence of the October Revolution was the formation of independent states, their national and political self-determination.

Keywords: An antiwar statement, the Balkan region, a martial law, a war, a strike, a communist party, a national liberation movement, an independence, political freedoms, a revolution.

Октябрьская революция 1917 г. явилась переломным моментом в истории всего человечества и оказала огромное влияние на подъем и развитие революционных движений за национальное и социальное освобождение во многих странах мира, в том числе в странах Балканского региона.

Влияние идей Октября на Балканах было в значительной степени обусловлено географической близостью этих стран к России, этнографическим родством населения этих стран с ее народами, сравнительно одинаковой степенью их экономического и политического развития, историческими, культурными и политическими связями. Российская общественность искренне сочувствовал борьбе западных и южных славян за национальное освобождение. Образование Сербского и Болгарского государств было непосредственно связано с помощью сербскому и болгарскому народам, оказанной народами России. Значительную роль в истории зарубежных славянских народов сыграли связи между революционерами России и славянскими революционерами, установившиеся с середины XIX в.²²⁶

События февраля 1917 г. в России были встречены балканскими народами с одобрением и дали мощный толчок новому этапу в развитии революционного и национально-освободительного движения. Но своего апогея эти движения достигли после того, как свершилась Октябрьская социалистическая революция.

В связи с тем, что советское правительство с первых дней своей деятельности начало проводить новую внешнюю политику, основанную на признании прав народов на самоопределение, необходимости дружбы народов в интересах свобо-

---

²²⁶ Гросул В.Я. Общее и особенное в социалистическом движении на Балканах (60-70-е годы XIX в.) // Балканские исследования. 1982. Выпуск 7. С. 79.

ды трудящихся, мира и прогресса, оно привлекло массы трудящихся разных стран и оказало определяющее влияние на ход исторических событий в странах Балканского региона. Безоговорочное признание независимости Польши и Финляндии убеждало, что Советская власть не ограничивается декларациями, а осуществляет принцип национального самоопределения на деле. Кроме того, большое впечатление произвели советские декреты о мире и самоопределении народов, о земле, о переходе власти в руки трудового народа.

Сильное впечатление на крестьян Хорватии, Словении и Воеводины (где сохранилось много феодальных пережитков) произвело разрешение в Советской России земельного вопроса. Рабочие этих областей участвовали в забастовках в январе 1918 г., проходивших под лозунгом прекращения войны, а крестьяне начинали захватывать помещичьи земли. В ряде районов возникли партизанские отряды, боровшиеся с австрийскими властями, полицией и помещиками²²⁷.

Большое значение имело движение солдат и матросов. В Хорватии, Боснии, Славонии, Истрии и Далмации осенью 1918 г. развернулось движение отрядов так называемых «зеленых» («Зеленый кадер»), состоявших из солдат-славян, не желавших воевать на стороне Австро-Венгрии. В ряде районов крестьяне с помощью этих отрядов захватывали помещичьи земли и прогоняли помещиков. Крестьяне снабжали

---

²²⁷ Писарев Ю.А. Рабочее и социалистическое движение на Балканах в конце XIX – начале XX вв. // Балканские исследования. 1982. Выпуск 7. С. 90.

отряды продовольствием, фуражом, одеждой²²⁸.

В конце октября 1918 г. хорватские полки изгнали из столицы Хорватии Загреба австрийские войска и овладели городом. В то же время рабочие-докеры и железнодорожники в Триесте захватили власть в свои руки. 28 октября 1918 г. в военной гавани Пола восстали портовые рабочие, к которым присоединились матросы всех кораблей, стоявших в этой военно-морской базе.

После капитуляции Австро-Венгрии все южнославянские земли объявили 29 и 30 октября 1918 г. о разрыве с империей Габсбургов. В Загребе было созвано Народное Вече, объявившее себя временным правительством всех южнославянских земель, входивших в состав Австро-Венгерской империи. В Женеве была созвана конференция представителей Лондонского эмигрантского Комитета и Загребского Народного вече, на которой было вынесено решение о создании Югославского государства во главе с сербской династией Карагеоргиевичей. На основе этих решений сербский принц-регент Александр 4 декабря 1918 г. опубликовал манифест о создании Королевства сербов, хорватов и словенцев. Однако в манифесте ничего не говорилось об обеспечении прав отдельных народов, входивших в новое государство. Так, в общих чертах, завершился процесс объединения южнославянских земель, ставший возможным благодаря подъему на-

---

²²⁸ Советская Россия и капиталистический мир в 1917–1923 гг. / Под ред. И.И. Минца. М.: Госполитиздат, 1957. С. 197.

ционально-освободительного движения, в котором приняли непосредственное участие пленные и эмигранты, возвратившиеся из советской России.

Значительные революционные сдвиги произошли после Октябрьской революции и в Словакии. Здесь, под влиянием первых декретов Советской власти, во время забастовок в Братиславе, Кошице, Рыбополе, Зволене, Врутках и других городах, а также в день празднования 1 мая 1918 г. провозглашались лозунги национальной независимости и немедленного заключения мира с Советской Россией, ибо «русская революция является общим делом демократии и социализма всего мира». Кроме того, выдвигалось требование 8-часового рабочего дня и ряд других требований экономического характера²²⁹.

В мае, июне и октябре произошли волнения в воинских частях, расположенных в различных городах Словакии. Солдаты отказывались ехать на фронт, а в некоторых частях – в 71-м пехотном полку, в Претповском гарнизоне и др. – поднимали восстания, жестоко подавленные австрийскими властями²³⁰. Надо подчеркнуть, что большую роль в развертывании революционного движения в Словакии играли, как писала австрийская полиция, «солдаты, возвращающиеся до-

---

²²⁹ *Константинов Ф.Т., Великович Л.Н.* Подъем революционного движения в славянских странах в первые годы после победы Октябрьской революции // Вопросы истории. 1958. № 7. С. 54.

²³⁰ Там же. С. 55.

мой из русского плена»²³¹. Особенно широкий размах революционное движение в Словакии получает с осени 1918 г. Идея создания Советов здесь была особенно популярной именно в это время. После ухода из Словакии австро-венгерских войск, словацкие рабочие и солдаты в конце декабря 1918 г. создали Революционный комитет, призвавший Рабочие советы взять власть в свои руки. Была организована Красная Гвардия. Но 31 декабря войска чехословацкого правительства заняли Братиславу и установили в Словакии свои порядки. Хотя некоторые Рабочие советы, например во Врутках, действительно представляли собой органы власти, но они не обеспечили себе вооруженной защиты и потому почти без сопротивления уступили власть представителям правительства. Однако забастовочное рабочее движение в Словакии не утихало и в феврале и марте 1919 г. Усилилось также и крестьянское движение. «Крестьяне и солдаты захватывали помещичьи земли, а кое-где поднимали восстания и устанавливали свои органы власти»²³². После вступления в пределы Словакии венгерской Красной Армии Советы как органы рабоче-крестьянской власти начали создаваться повсеместно. 16 июня 1919 г. в Прешове Словакия была объявлена Советской республикой. Но Словацкая Советская республика просуществовала только три недели. В

---

²³¹ Писарев Ю.А. Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Словении // Ученые записки Института славяноведения. М., 1953. Т. 7. С. 165.

²³² Там же. С. 167.

июле румынские, югославские и чехословацкие войска под командованием французских генералов начали наступление на Венгрию. Венгерская Красная Армия отступила из Словакии, Советы были разогнаны, а 1 августа румынские войска вошли в Будапешт, и Венгерская Советская республика пала.

Что касается Болгарии, то ко времени Октябрьской революции она уже была самостоятельным государством, но, находясь под властью немецкой династии Кобургов, втягивалась в орбиту политики Германии и Австрии, а поэтому часто противопоставлялась другим балканским народам. После Октябрьской революции и здесь назревает стремление к освобождению от немецкого влияния. Выражением этого стремления и протеста против антинациональной политики правительства, вовлекшего болгарский народ в войну, явились активные антивоенные выступления, развернувшиеся в Болгарии сразу после Октябрьской революции. Декрет Советского правительства о мире был сразу же переведен на болгарский язык, отпечатан и широко распространен среди гражданского населения и в воинских частях. Он стал программой болгарского антивоенного народного движения, требовавшего «принятия советских предложений и прекращения войны за чуждые трудящемуся народу интересы»²³³.

Антивоенное движение выражалось не только в митингах и собраниях, не только в «женских бунтах», в которых при-

---

²³³ Писарев Ю.А. Рабочее и социалистическое движение на Балканах... С. 95.

нимали участие и инвалиды войны, и отпускники солдаты, и молодежь, но также в создании в воинских частях тайных солдатских комитетов, в широких волнениях солдат, требовавших немедленного заключения мира. Однако вплоть до 28 сентября 1918 г. никакие меры правительством не принимались. И только после поражения в секторе Градо-Поле, когда вспыхнуло солдатское восстание, угрожавшее перерасти в гражданскую войну, правительство поспешило обратиться к командованию войсками Антанты с просьбой о перемирии, которое и было подписано 29 сентября. Таким образом, народ добился заключения мира.

Добившись прекращения войны, болгарские революционеры развернули классовые бои, что создало в конце 1918 г. и в 1919 г. революционную ситуацию. Нарастанию движения способствовали тяжелое материальное положение большинства населения, вызванная войной хозяйственная разруха, недостаток продовольствия в стране, безработица, большое количество беженцев из районов военных действий, где хозяйство пришло в полный упадок. В начале 1919 г. выступили шахтеры Перника, которыми руководил Георгий Димитров. 27 июля 1919 г. состоялись массовые народные выступления, а в конце 1919 г. к движению присоединились транспортники. Важно отметить, что демонстранты и стачечники выдвигали кроме экономических и политические требования: отмены военного положения, восстановления и расширения политических свобод и т.д. Руководящей силой рево-

люционного движения в Болгарии была Болгарская рабочая социал-демократическая партия.

Под воздействием Октябрьской революции усилились движения и в болгарской деревне. Активизировался Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), имевший большое влияние в деревне.

Таким образом, под непосредственным влиянием Октябрьской революции 1917 г. развернулось, принявшее весьма широкий размах, национально-освободительное движение славянских народов. Оно привело к образованию ряда независимых государств, что имело большое значение для дальнейшего движения за социальное освобождение в странах Балканского региона.

Политическая, экономическая и культурная сущность советской революции и советского общества

Особенности общественно-политического участия в СССР

Березкина О.С.

Аннотация. В статье рассматривается общественно-политическое участие в СССР как один из ключевых параметров режима «тоталитарной демократии». Участие, помимо голосования на плебисцитарных выборах, реализовывалось в многообразных формах, не только типичных для стран с демократическими процедурами, но и отражавших специфику советской системы. Эти формы соответствовали представлениям партийной элиты о целях и возможностях вовлечения рядовых граждан в общественно-политическую жизнь. Расширение участия и его институционализация позволяют говорить о признаках политической модернизации, о ее особой, по сравнению с Западом, модели в СССР.

Ключевые слова: политическое участие,

коммунистическая партия, Советы, народный контроль, легитимация, «тоталитарная демократия», политическая модернизация.

FEATURES OF SOCIAL AND POLITICAL PARTICIPATION IN THE USSR

Beryozkina O.S.

Abstract. The article discusses political participation in the USSR as one of the key parameters of the regime “totalitarian democracy”. Participation, other than voting in plebiscite elections, was implemented in diverse forms, not only typical for countries with democratic procedures, but also reflecting the specifics of the Soviet system. These forms corresponded to the views of the party elite on the goals and ways of involving ordinary citizens in public and political life. Widening participation and its institutionalization allow us to speak about the signs of political modernization, of its special, compared to the West, model in the USSR.

Keywords: political participation, the Communist party, the Soviets, the people's control, legitimation, "totalitarian democracy", political modernization.

Вовлечение масс в широкомасштабное участие в общественно-политической жизни стало характерным признаком

модернизационных изменений в СССР. В режимах с демократическими процедурами санкционированное (законное) участие реализуется в формах голосования на выборах, деятельности в качестве «активистов» в избирательных кампаниях, посещения митингов и демонстраций, участия в деятельности партий и других общественных организаций, в формах индивидуальных контактов с политиками, письмах в органы власти, в СМИ и др. Все эти формы масштабно практиковались в СССР, однако их содержание, как и трактовка участия в целом, имели существенные отличия.

Во-первых, отсутствовала возможность альтернативных выборов, что придавало любым выборам плебисцитарный характер (надо было ответить «да» или «нет» по единственной кандидатуре). Тщательная агитационно-пропагандистская и организационная подготовка к выборам в Советы в совокупности с политической поддержкой или, по крайней мере, лояльностью населения к власти, установкой на сотрудничество с ней обеспечивали высокую явку и почти стопроцентную поддержку выдвинутых кандидатов. Даже десятки и сотые доли процента «против» анализировались и расценивались как результат «плохой работы по подбору кандидатур и их выдвижению»²³⁴.

Во-вторых, общенародные выборы не затрагивали механизма формирования структур, в которых сосредоточива-

---

²³⁴ Советы депутатов трудящихся и развитие социалистической демократии / К.Ф. Шеремет, Н.Г. Старовойтова, Н.Г. Беляева и др. М.: Наука, 1976. С. 61.

лась реальная политическая власть (партийный аппарат), и превалирующей политической функцией этих выборов была легитимация режима. В-третьих, все другие формы легальной политической активности могли осуществляться только под патронажем партийной элиты и в устанавливаемых ею границах. Наконец, все это было тесно связано не только с практической потребностью сохранения политического режима, но с самой марксистской доктриной «отмирания» государства после уничтожения антагонистических классов, когда народ непосредственно участвует в «повседневном управлении» общественными делами.

Попытки совмещения авторитарной власти с установками на «самоуправление» народа дали специфический режим, при котором участие осуществлялось в действительно широких масштабах, однако было дистанцировано от процесса отбора политических лидеров, не имело, помимо партии, каналов организованного воздействия на процесс принятия принципиальных решений и проявлялось в наибольшей степени на стадии реализации и корректировки решений в процессе их оценки и проверки исполнения. Вместе с тем политизация всей общественной жизни превращала даже борьбу «с бесхозяйственностью» или «за повышение качества продукции» в вопрос политической значимости, а участие в соответствующих мероприятиях – в действия по выполнению директив партии и, следовательно, в показатель политической поддержки режима.

При социализме, подчеркивал В.И. Ленин, «масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосовании и выборах, но и в повседневном управлении»²³⁵. На практике именно на выработке «безопасных» для режима видов участия в повседневном управлении был сделан акцент в ходе поиска практических форм, в которых могла бы осуществляться «демократия для большинства». Найденные же формы приобрели действительно беспрецедентный размах. Речь идет о системе «наказов» избирателей своим депутатам, практике внештатной («на общественных началах») работы в партийных и советских органах, об участии в органах народного контроля, о массовом характере писем и обращений в партаппарат, печать, другие инстанции с жалобами, указаниями на недостатки и предложениями по их устранению, о ячейках самоорганизации и самоуправления в виде различных «советов», «товарищеских судов», собраний трудовых коллективов и пр. Все это активно функционировало в режиме политической монополии КПСС, создавая сложный и недостаточно исследованный на сегодняшний день механизм взаимосвязи власти и общества.

Отношение партийной элиты к массовому участию граждан окончательно определилось к концу «переходных» 1920-х гг., когда шел поиск приемлемых с точки зрения сохранения режима и реализации его целей организационных форм.

---

²³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1965–1975. Т. 33. С. 116.

Поворот к политике активного привлечения масс к политическому процессу на стадии контроля за реализацией решений начался после завершения сотрясавших партию дискуссий, стабилизации положения внутри партии, в условиях укрепления партийного аппарата. Суть нового курса состояла в том, чтобы выйти за пределы «узкого круга правящих» в решении насущных проблем, «воспитать» в массах ненависть к недостаткам, «обязать» их следить за исполнением директив и «в случае чего» «сигнализировать», прежде всего, в парторганы, органы ЦКК-РКИ (Центральная контрольная комиссия – Рабоче-крестьянская инспекция). Партийные лидеры отмечали, что массы «рвутся» на борьбу с недостатками, и, если возглавить их инициативу и направить ее в нужное русло, то это может дать «быстрый политический эффект»²³⁶.

С конца 1920-х гг. активизировалась деятельность «бюро жалоб», началась запись добровольцев для участия в их деятельности. Тысячи граждан участвовали в кампаниях по расследованию жалоб: например, на Украине в «обследованиях» организаций и работе бюро жалоб окружных РКИ 1929 г. участвовало более 180 тыс. человек²³⁷. Специально организовывавшиеся «группы содействия», «рабочие бригады»

---

²³⁶ Второй Пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л.: ГИЗ, 1928. С. 97, 152, 180 и др.

²³⁷ Народный контроль в СССР / АН СССР, Ин-т государства и права. Отв. ред. В. Туровцев. М.: Наука, 1967. С. 64–67.

призваны были оказать активную помощь КК-РКИ в «чистке» госаппарата от бюрократов и выявлении «вредителей» (в результате, например, в Центросоюзе штаты сократились на 50%). Распространялось «шефство» рабочих над учреждениями: к 1932 г. около 1500 предприятий были вовлечены в «шефскую работу»²³⁸. Создавались «ячейки содействия» РКИ на предприятиях и в учреждениях, комсомол сформировал «легкую кавалерию» молодежи, активно участвовавшей в массовых «налетах» на учреждения. Сотни тысяч человек участвовали в собраниях и общественных судах, в открытых партсобраниях, производственных совещаниях, митингах и демонстрациях, посылали письма в газеты и т.д.

Безусловно, партийная элита, «отпустив вожжи», развязала сложноуправляемую стихию общественной активности, способствовавшей проявлению не только положительных, но и худших человеческих качеств, обрекавшей массу управленцев в лучшем случае на увольнение и «общественный суд», не говоря уже о реальных известных судебных процессах этого периода, организованных и подготовленных «сверху». Однако подключение механизмов массового участия решало на тот момент важные стратегические задачи, давая зримое подтверждение постулатов о «пролетарской демократии», возможности рядовых труженников участвовать в повседневном управлении государством, связывая политическую элиту и массу в ходе грандиозной общественной

---

²³⁸ Там же. С. 62, 75–76.

трансформации. Курс на масштабное расширение участия становился одним из факторов легитимации политического режима.

В 1934 г. ЦКК-РКИ была ликвидирована, вновь образованные контролирурующие органы наделялись гораздо меньшими полномочиями, фактически отменялась сеть «групп содействия» (хотя вплоть до конца 1930-х гг. работа «общественности» оставалась достаточно активной). Постепенный процесс «затухания» наиболее радикальных форм участия демонстрирует динамика создания «общественных комиссий» при партийных комитетах с привлечением рядовых коммунистов: если в 1927–1934 гг. число комиссий при Политбюро ЦК ВКП(б), Оргбюро, Секретариате быстро росло, то в последующие годы оно неуклонно снижается и в 1937 г. не создается ни одной²³⁹. В 1939 г. принимается постановление, предусматривающее ограничения привлечения трудящихся к работе госконтроля, а положение о Народном комиссариате госконтроля, принятое в предвоенный 1940 г., вовсе не содержит упоминаний о связи с рядовыми гражданами²⁴⁰. Возрождение массовой активности в формах и масштабе, сопоставимых с периодом 30-х гг., связано уже с деятельностью Н.С. Хрущева.

В постсталинскую эпоху участие масс в общественно-по-

---

²³⁹ Оников Л.[А.] КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М.: Республика, 1996. С. 42–43.

²⁴⁰ Народный контроль в СССР. С. 68–69.

литической жизни упорядочивается и институализируется, снижая накал, по сравнению с периодом 30-х гг., и в большей степени «дистанцируясь» от номенклатуры (уже нельзя было добиться с помощью «сигнализования» не только немедленного смещения, но и преследования руководителя). Однако масштабы его отнюдь не становятся меньшими. Так, в 1960–1970-е гг. расширялось число постоянных комиссий в Советах, к работе которых привлекались внештатные сотрудники, создавались многочисленные секции, депутатские группы и пр. В середине 1960-х гг. группы внештатных инспекторов и инструкторов насчитывали 400 тыс. активистов, в деятельности постоянных комиссий всех местных Советов участвовало около 2,5 млн «общественников» (через 10 лет их число вырастет незначительно и в целом «застой» отразился и на проблеме участия, когда «вал» – количество охваченных общественной работой – во многом заменял действенность предпринимаемых усилий). В ходе подготовки к выборам в Советы на собраниях избирателей принимались сотни тысяч «наказов», причем, по имеющимся данным, подавляющее большинство из них выполнялось²⁴¹. Конечно, содержанием наказов были преимущественно не политические требования, а «нужды и интересы трудящихся», связанные с решением социально-бытовых проблем, однако

---

²⁴¹ Советы за 50 лет. М.: Мысль, 1967. С. 446; Советы депутатов трудящихся и развитие социалистической демократии / Отв. ред. К.Ф. Шеремет; АН СССР. Ин-т государства и права. М.: Наука, 1976. С. 71, 128.

стоит учесть, что система «наказов» являлась одним из важных компонентов взаимосвязи власти и общества, позволяя учитывать наиболее существенные для рядовых граждан вопросы.

Одной из форм общественной активности, особенно развитой в СССР, были «письма трудящихся» в печать, партийные и государственные органы. Такие центральные газеты и журналы, как «Правда», «Коммунист» получали, по данным на 1988 г., в среднем полторы тысячи писем в день, причем на одну только критическую статью О. Лациса в «Известиях» поступила, по его словам, тысяча откликов. Г. Селезнев, тогда главный редактор «Комсомольской правды», отмечал огромное количество писем с жалобами, поступающих в газету²⁴². М. Горбачев в контексте обсуждения вопроса об изменении механизма избрания первых секретарей упоминал о письмах, в которых содержались предложения на этот счет: «Мне об этом письма идут, я перевариваю их все и, естественно, обдумываю»²⁴³. Огромное множество писем в партийные и советские органы содержало сведения о неправомерных действиях конкретных чиновников на местах, бюрократизме, различных нарушениях, касалось решения социально-бытовых проблем.

Со второй половины 1950-х гг. началась реанимация си-

---

²⁴² XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. М.: Политиздат, 1988. Т. 2. С. 165.

²⁴³ Там же. С. 127.

стемы народного контроля – вновь был взят курс на тесную связь с общественными организациями, формирование групп и постов содействия, привлечение внештатных инспекторов, контролеров, возрождение активной деятельности «бюро жалоб и предложений трудящихся». К концу 1965 г. в группы и посты контроля трудовыми коллективами было делегировано более 5 млн человек. Народные контролеры развернули бурную деятельность: по данным на 1966 г. «по предложениям народных контролеров» административно-управленческий и обслуживающий персонал за несколько предшествовавших лет сократился на 300 тыс. человек²⁴⁴. Несмотря на наличие ряда властных полномочий у комитетов народного контроля, основным средством воздействия считалась «проработка» на собраниях общественности, общественное мнение.

Такой подход имел под собой определенную почву: например, по данным исследований социологов, проведенных в 1970-е гг. в Свердловской и Челябинской областях, положительное отношение к общественной работе высказали 84% опрошенных, из них 68% заявили, что активно в ней участвуют. В стране работали многочисленные «комитеты», «советы», «товарищеские суды», «народные дружины» и другие органы, в которых могла проявиться активность людей²⁴⁵.

---

²⁴⁴ Народный контроль в СССР. С. 161–167.

²⁴⁵ Советы депутатов трудящихся и развитие социалистической демократии. С. 364, 412.

Конечно, официальные источники фиксировали внимание преимущественно на «валовых» показателях, однако даже с учетом этого фактора в них нашли отражение важные особенности общественно-политического участия в СССР.

Следует подчеркнуть, что в советском обществе существовали значительные элементы активистской культуры, обладавшие своеобразием. Массовое участие, включавшее, помимо плебисцитарных выборов, и другие разнообразные формы, было одной из характерных черт «тоталитарной демократии»²⁴⁶. На наш взгляд, говорить исключительно о мобилизованном участии было бы упрощением реальной картины: многие советские граждане сознательно проявляли общественную активность, которая была способом самореализации и формировала чувство сопричастности жизни страны. Если принимать расширение и институционализацию участия в качестве критерия политической модернизации, стоит говорить о ее особой, по сравнению с Западом, модели в СССР. Параметры сформировавшейся «тоталитарной демократии», причины ее успехов и конечной неудачи, особенности советской политической культуры нуждаются сегодня в дальнейших исследованиях.

---

²⁴⁶ Березкина О.С. Очерки истории и теории политической науки. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 222–235.

Изменение художественной и литературной атмосферы после 1917 г. в России

Ефремов С.А.

Аннотация. В статье говорится об отношении высшего партийного руководства к литературе и ее роли в обществе. Также рассматриваются различные аспекты изменения художественной и литературной атмосферы в послереволюционной России. На примере А. Белого, его мемуарной и дневниковой прозы, показано изменение восприятия поэтами Серебряного века обстановки в СССР.

Ключевые слова: революция, большевики, Серебряный век, футуристы, символисты.

THE CHANGE IN ARTISTIC AND LITERARY ATMOSPHERE AFTER 1917 IN RUSSIA

Efremov S.A.

Abstract. The article talks about the attitude of the top

party leadership in literature and its role in society. Also discusses various aspects of the change in art and literary atmosphere in post-revolutionary Russia. The example of A. Bely, his memoirs and diaries prose shows the change of perception of the poets of the Silver age situation in Russia.

Keywords: revolution, the Bolsheviks, the Silver age, the futurists, the symbolists.

Практически во всех работах, посвященных литературе «позднего» Серебряного века, поднимался вопрос об изменении условий жизни поэтов и писателей после революции, и – шире – изменении условий жизни в СССР. Конечно, в работах советского периода о многих причинах этих перемен умалчивалось – так, скажем, Э. Миндлин писал, что «то было время ... нищих и вдохновенных людей»²⁴⁷ (в эссе о М. Цветаевой), в то время как следовало бы говорить о гибельных (и в буквальном смысле тоже) условиях жизни. Еще в большей мере внимание художественной атмосфере в после-революционной России, динамике ее изменения уделяется в источниках личного характера.

Официальная позиция большевистской партии в отношении литературы, артикулированная в решениях съездов и публицистических статьях ее лидеров, была очевидной для оппонентов и сомневающихся.

Еще в 1905 г. в известной статье «Партийная организа-

---

²⁴⁷ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М.: Советский писатель, 1979. С. 50.

ция и партийная литература» В.И. Ленин пишет, что «получить неклассовую литературу и искусство... будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе»²⁴⁸. Пока же не наступило это «прекрасное завтра», вождь мирового пролетариата намеревался «лицемерно-свободной... литературе противопоставить действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу»²⁴⁹. Позже, в 1920 г., уже после захвата власти, Ленин уточнял: «В советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела... должна быть полностью проникнута опытом классово-борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры... Только дальнейшая работа на этой основе... может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»²⁵⁰.

В схожем духе (правда, не о литературе или культуре, а вообще о печати) высказывался Сталин: «Печать – самое сильное оружие, при помощи которого партия ежедневно, ежедневно говорит с рабочим классом»²⁵¹. И даже Луначарский, находившийся в приятельских отношениях со многими писателями и поэтами Серебряного века и покровительствующий им, вмешавшись в дискуссию 1922 г. о роли Пролет-

---

²⁴⁸ Ленин В. Партийная организация и партийная литература // Ленин В. ПСС. М.: Издательство политической литературы, 1967–1981. Т. 12. С. 104.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Ленин В. О пролетарской культуре // Ленин В. ПСС. Т. 41. С. 336–337.

²⁵¹ Сталин И. Организационный отчет Центрального комитета РКП(б) XII съезду РКП(б) // Сталин И. ПСС. М.: ОГИЗ, 1946–1951. Т. 5. С. 204.

культы и пролетарской культуры, заявил: «Пролетариат в высокой степени объективно заинтересован в создании для себя идеологического оружия»²⁵², оговорившись, правда, что «тут может быть только... медленная постройка нового здания»²⁵³.

Таким образом, дискуссии о роли культуры вообще и литературы в частности в партии не возникало, разногласия были только по вопросу насколько быстро и радикально новые власти должны ставить себе на службу прежнюю «служанку буржуазии», то есть литературу.

Надо сказать, что, несмотря на отсутствие дискуссий, новые власти вполне отдавали должное возможностям литературы, следствием чего явился тот факт, что новый «Декрет о печати» появился всего лишь через два дня после их прихода к власти. Столь оперативное издание нового Декрета диктовалось, конечно, необходимостью как можно более скорого закрытия явно оппозиционных изданий (скажем, либеральных вообще и кадетских в частности), но и важностью подведения под «революционные» меры некоей законодательной базы.

В первом же предложении Декрета было заявлено: «Временный Революционный Комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати раз-

---

²⁵² Луначарский А. Еще к вопросу о культуре // Известия ВЦИК. 1922. 3 ноября.

²⁵³ Там же.

ных оттенков»²⁵⁴, – этими словами оправдывались уже совершенные действия цензурного характера. А далее заявлялись уже с прицелом на будущее: «Закрытию подлежат лишь органы прессы... сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов... призывающие к деяниям явно преступного характера»²⁵⁵.

Эту новую политику большевистских властей сами литераторы, безусловно, почувствовали: в стихах целого ряда поэтов, восторженно принявших февральскую революцию, в отношении революции октябрьской звучат нотки сомнения. В меньшей степени это коснулось футуристов, в массе своей принявших и октябрьскую революцию (хотя, скажем, Д. Бурлюк и И. Северянин оказались в эмиграции), в гораздо большей степени – тех, кого сами большевики относили к числу «попутчиков».

Скажем, в стихотворении О. Мандельштама «Кассандре» (опубликовано в последний день 1917 г.) рисуется достаточно неприглядная картина современных событий: «На площади с броневиками // Я вижу человека – он // Волков горящими пугает головнями: // Свобода, равенство, закон»²⁵⁶.

---

²⁵⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров о печати // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. (далее – Власть и художественная интеллигенция) / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 11.

²⁵⁵ Там же. С. 12.

²⁵⁶ Мандельштам О. Кассандре // Мандельштам О. Сочинения. В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 119.

Еще одним знамением времени стало резкое размежевание среди писателей и поэтов. Конечно, Блок, заявлявший, что «у интеллигенции звучит та же музыка, что и у большевиков»²⁵⁷, никак не мог согласиться с З. Гиппиус, говорившей про «нелепость – дрящущее владычество кучки партийных людей... над огромным народом вопреки его воле»²⁵⁸. Это был трагический феномен – разделение близких людей, единомышленников не по собственной воле, а волею обстоятельств, от людей этих не зависевших – в данном случае, по воле революции (напомним, что и Блок, и Гиппиус принадлежали к символистам, хотя Блок всегда, пожалуй, был много левее по политическим убеждениям).

После октября 1917 г. чрезвычайно распространились революционные агитки. Хотя они были адресованы широким слоям читателей, наряду с агитками безобидными (например, той же рекламы Маяковского), появился ряд поэтических произведений данного жанра, влияющих на поэтическую (да и общественную) атмосферу 1920-х гг. явно не лучшим образом.

В 1923 г. Маяковский написал целый цикл «Обряды», где присутствовали, скажем, такие слова: «чтоб // не обрывалась // доходов лента, // попы // установили // настоящую

---

²⁵⁷ Блок А. Может ли интеллигенция работать с большевиками? // Блок А. Собрание сочинений. В 6 т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 4. С. 228.

²⁵⁸ Гиппиус З. Петербургский дневник. М.: Советский писатель, Олимп, 1991. С. 29.

ренту»²⁵⁹, – подобных характеристик священников в данном цикле сколько угодно. Дело здесь не в критике церкви – ее было достаточно и до революции, а в намеренном, вполне сознательном объявлении о враждебности революции целой социальной группы. Число таких социальных групп можно было множить почти до бесконечности – буржуи, белогвардейцы, нэпманы, соглашатели, шпионы (под эту можно было, как известно, подвести почти все население) и так далее, и так далее.

Конечно, среди поэтов «попов», по выражению Маяковского, почти не было (пример Кузьминой-Караваевой – один из немногих, да и то она реализовалась как поэт в эмиграции). Однако подобные тексты влияли на российское поэтическое сообщество иначе, не напрямую: они создавали особую атмосферу творчества, в которой критике, мягко говоря, подвергались целые сообщества людей, куда включались не только те, кто был назван явно (в приведенном примере не только священнослужители, но и верующие вообще, да и люди, ассоциирующие себя с христианской культурой).

Для поэтов и писателей, как и для всей страны, резко ухудшились внешние условия существования. В. Шкловский, в частности, писал о жизни в Петрограде весной 1920 г: «Питер живет и мрет просто и не драматично... В будни лепешки жарились на человеческом кале, в праздники – на лоша-

---

²⁵⁹ Маяковский В. Обряды // Маяковский В. Сочинения. В 3 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. С. 308.

дином... Потом на город напала вошь: вошь нападает от тоски»²⁶⁰. В таких условиях в дело вступало еще одно обстоятельство, невиданное прежде – для получения особых пайков стала необходимой лояльность властям. Несогласные выезжали, но только с согласия Политбюро.

В 1921 г., имея в виду «неправильное» поведения части эмигрантов из Советской России (например, Бальмонта), Дзержинский направил в ЦК записку со словами: «Ссылки на отдых и лечение не являются убедительными... Высказываюсь решительно против подобных [об отъезде писателей, вообще художественной интеллигенции] ходатайств»²⁶¹. Эта записка сослужила дурную службу А. Блоку, когда в том же 1921 г. его здоровье резко ухудшилось и ему потребовалось квалифицированное лечение: никакие уверения Луначарского в лояльности Блока не сработали, Менжинский резюмировал спор так: «Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он... будет писать стихи против нас»²⁶². Сомнения Менжинского понятны – в своей знаменитой «пушкинской» речи Блок так определил назначение поэта: «Три дела возложены на него:

---

²⁶⁰ Цит. по: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. В 2 т. Л.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 28–29.

²⁶¹ Записка председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского в ЦК РКП(б) с возражением против ходатайств Наркомпроса РСФСР о выезде за границу деятелей искусства // *Власть и художественная интеллигенция.* С. 15.

²⁶² Записка В.Р. Менжинского В.И. Ленину // *Власть и художественная интеллигенция.* С. 24.

во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, – привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих, – внести эту гармонию во внешний мир»²⁶³. Как видно, блоковские цели поэта никак не перекликаются с целями литературы как их видели вожди большевизма.

В фондах РГАЛИ находятся два документа, чрезвычайно ярко характеризующие эволюцию мировоззрения поэтов, не эмигрировавших, и, одновременно, активно не вставших на сторону большевиков. Это сочинения А. Белого мемуарного характера «Материалы к биографии: ракурс к дневнику» и «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития». Итак, проследим по этим свидетельствам за эволюцией взглядов поэта.

В 1917 г. происходит размолвка с товарищами-символистами: «Встреча с Мережковскими; ясно, что меня проклянут: Керенский для них “левый предатель”»²⁶⁴. В декабре 1917 г. и январе 1918 г. радужное настроение все еще не покидает Белого: «Радостный период жизни, окрашенный... верой в революцию и Россию»²⁶⁵, и даже: «с января особенно

---

²⁶³ Блок А. О назначении поэта // Блок А. Указ. соч. Т. 4. С. 414.

²⁶⁴ Белый А. Материалы к биографии: ракурс к Дневнику. Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 89.

²⁶⁵ Белый А. Указ. соч. Л. 90.

расцветает во всех смыслах наша антропософская жизнь»²⁶⁶.

Перелом наступает через полгода после Октябрьской революции, в июле 1918 г.: «Впервые серьезный перелом от розовой романтики в отношении к революции к исканию чисто реалистического самоопределения в ней; террористические акты, ответный красный террор... пишу Рейснеру письмо с отказом от профессуры в Социалистической Академии; перестаю писать в газетах»²⁶⁷. И через несколько страниц: «начался год полного изнеможения, 1919-ый»²⁶⁸.

20 октября 1921 г. Белый уезжает за границу, в Германию – и возвращается ровно через два года. По возвращении Белый видит уже совсем другую Россию и осознает: «Здесь [в СССР] кончается моя лекционная и общественная эпопея... центр которой падает на революцию... я попал в иные условия, с литературой (общественностью), можно сказать, – сче-ты кончены»²⁶⁹. И в самом деле кончены – именно 1923 г. датируется последняя стихотворная книжка Белого; больше стихов писать он практически не будет.

Очень любопытный эпизод о нравах литературного общества СССР середины двадцатых годов приводится в другом документе: «...в день 25-летия со дня выхода первой кни-

---

²⁶⁶ Там же. Л. 90 об.

²⁶⁷ Там же. Л. 93 об.

²⁶⁸ Там же. Л. 96 об.

²⁶⁹ *Белый А.* Материалы к биографии: ракурс к Дневнику. РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1 17.

ги [в 1927 г.] несколько друзей боялись собраться, чтобы собрание не носило оттенка общественного»²⁷⁰. И, как последний аккорд, слова: «я был “живой труп”»²⁷¹; в 1930 г. уже постоянно встречаются записи «усталость... ужасное настроение... ужасный день»²⁷². Это – практический конец существования Белого в советском государстве (он умер в 1934 г.), и, конечно, абсолютный конец его существования как творца.

Надо сказать, что Белый совсем не был контрреволюционером, ни в мыслях, ни уж тем более в поступках; он не остался за границей, когда мог, и не критиковал советскую власть, но он был всего лишь «попутчиком», и соответственно к нему относились. Конечно, мы привели свидетельства лишь одной судьбы, но она очень характерна именно как судьба «попутчика». У Гумилева и Маяковского «схема» судеб, так сказать, сложилась по другому «лекалу».

Если в первые семнадцать лет XX в. русская поэзия развивалась в условиях ослабления внешнего (в частности, цензурного) давления, то, начиная с октябрьской революции, тенденция сменилась на обратную, но любопытно отметить – если в первой тенденции роль поэтов и писателей Сереб-

---

²⁷⁰ *Белый А.* Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 58 об.

²⁷¹ Там же.

²⁷² *Белый А.* Материалы к биографии... РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 149.

ряного века была заметной (в первую очередь из-за интеллектуального влияния идей символистов), то во второй эта роль стала практически пассивной: можно было лишь выбирать линию частного поведения, но не активно влиять на события – в конце концов, это понял и Маяковский. Он «стал жертвой... всей авторитарной системы»²⁷³: в новой атмосфере совершенно ни к чему были личности независимые, хотя бы и полностью лояльные властям.

---

²⁷³ Михайлов А. Точка пули в конце. М.: Планета, 1993. С. 541.

Сталин и Троцкий: истоки конфликта

Мастепанов И.В.

Аннотация. Статья посвящена исследованию отношений И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого с момента знакомства и до ожесточенной внутривластной борьбы за власть в СССР. Неизбежное обращение в таких случаях к революционной биографии позволило изучить историю конфликта между Сталиным и Троцким, рассмотреть их революционный путь, проанализировать этапы противостояния вплоть до смерти В.И. Ленина. Автор приходит к выводу, что борьба между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким имела преимущественно односторонний характер и закончилась со смертью В.И. Ленина победой Сталина.

Ключевые слова: революция, большевизм, социализм, Гражданская война, НЭП.

STALIN AND TROTSKY: THE ORIGINS OF THE CONFLICT

Mastepanov I. V.

Abstract. The article is devoted to the study of relations of Stalin and Trotsky, from the moment of

meeting until the bitter intra-party struggle for power in the USSR. The inevitable appeal in such cases to the revolutionary biographies allowed us to study the history of the conflict between Stalin and Trotsky, to consider them a revolutionary way to perform the stages of the confrontation until the death of Lenin. The main conclusion of the article is the assertion that the struggle between I.V. Stalin and L.D. Trotsky had mostly one-sided and ended with the death of Lenin Stalin's victory.

Keywords: revolution, Bolshevism, socialism, Civil war, NEP.

Проблема отношений двух ярчайших персонажей революционного движения – И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого в России, как и за рубежом, в историографии изучена контекстно, в рамках исследования Русской революции, Гражданской войны и НЭПа. Одним из первых затронул эту проблему Э.Х. Карр в своем классическом труде «Русская революция: от Ленина до Сталина (1917–1929)». Автор исследует противостояние в контексте анализа хода Революции, Гражданской войны, политики НЭПа. По его мнению, «объяснение последующих событий в значительной степени кроется в понимании происходившего именно тогда»²⁷⁴, то есть в период с 1917 по 1929 гг.

В настоящей статье нас интересуют не перипетии борьбы за власть в СССР между Сталиным и Троцким, а истоки

---

²⁷⁴ Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М.: Ин-тер-Версо, 1990. С. 208.

конфликта, его причинно-следственные связи. Общий анализ событий показывает, что суть борьбы заключалась в противостоянии за путь развития советского государства. Отсюда задача статьи – в контексте разговора о двух оппонентах объяснить, почему, несмотря на ожесточенное сопротивление, всеобщий авторитет в армии, Троцкий проиграл все основные этапы внутрипартийной борьбы.

Современный исследователь О.В. Хлевнюк в монографии «Сталин. Жизнь одного вождя» прослеживает жизненный путь Иосифа Виссарионовича, значительное место в его биографии отведя Льву Давидовичу и их с Кобой взаимоотношениям. Активно использовались мемуары Троцкого «Моя жизнь». Несмотря на всю субъективность, они позволяют лучше понять характер противостояния в тех условиях. Также здесь следует привести незавершенную работу Льва Давидовича «Сталин» как одну из первых биографий Джугашвили. Как пишет сам автор, цель этой политической биографии – «показать, каким образом сформировалась такого рода личность, каким образом она завоевала и получила право на столь исключительную роль»²⁷⁵. Труд современного зарубежного исследователя С. Монтефиоре «Молодой Сталин» в основном акцентирует внимание на интимной, личной жизни Сталина, особенностях его характера, привычек, отношений с будущими коллегами-партийцами. Это, в свою очередь, способствует пониманию мотивировки

---

²⁷⁵ Троцкий Л.Д. Сталин. В 2 т. М.: Терра, 1990. Т. 1. С. 323.

тех или иных действий будущего «вождя народов». Фундаментальная трилогия И. Дойчера, посвященная Троцкому – «первому из соратников Ленина» – по сей день остающаяся по многим показателям (работа с источниками, аналитика, аргументация) непревзойденной, погружает нас теперь уже в личную вотчину Троцкого, показывая нам «Прометея революции» без привычных идеологизированных штампов и наслоений, присущих советской историографии.

События, произошедшие в ночь с 25 на 26 октября 1917 г., вне зависимости от трактовок, разнообразных мнений и взглядов, повлияли на формирование всей истории XX в., став своеобразным Рубиконом, перейдя который обратного пути у России не было. В свете данного обстоятельства с очевидной необходимостью вырисовывается проблематика отношений двух важнейших фигур большевистской партии – И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого, чья борьба за власть после смерти лидера – В.И. Ленина – во многом определила пути развития новообразовавшегося государства – СССР, его внутри- и внешнеполитическую линии поведения на протяжении длительного времени. Биография обоих изобиловала взлетами и падениями, тюрьмами и ссылками, ярчайшими достижениями и сокрушительными провалами. Однако именно в соперничестве друг с другом, во взаимной неприязни, начавшейся заочно еще в 1907 г. на Лондонском съезде, и особенно достигая апогея в 10-летний период противостояния с 1917 по 1927 г., оба деятеля революционной Рос-

сии проявили свои качества лидеров, сначала в период установления власти большевиков, потом в процессе удержания этой власти, а позже – в годы строительства нового государства.

Когда впервые встретились Троцкий и Сталин лицом к лицу – вопрос, долгое время остававшийся дискуссионным. Связано это было с отсутствием источников и тщательной чисткой, проводившейся цензурным аппаратом в Советском Союзе. Многие материалы были засекречены и стали доступны лишь на волне перестроечной поры.

Но, как правило, исследователи выделяли две основополагающие даты: 1907 и 1913 г. Как считает Монтефиоре, в 1907 г. Сталин «познакомился (и, вероятно, обменялся рукопожатиями) с Троцким – впрочем, тот утверждал, что впервые встретился со своим заклятым врагом только в 1913 году в Вене»²⁷⁶. Известно, что Сталин, побывав делегатом на Лондонском съезде и прослушав выступление Троцкого, охарактеризовал его как «красивая ненужность»²⁷⁷. К тому времени звезда Троцкого, в отличие от Сталина (тогда – Коба, псевдоним «Сталин» Джугашвили впервые использует в своей главной теоретической работе – «Марксизм и национальный вопрос» 1913 г.), уже возшла благодаря солидной агитационной работе, проделанной последним во время революционных событий 1905 г., а также его незаурядному та-

---

²⁷⁶ Монтефиоре С. Молодой Сталин. М.: АСТ, CORPUS, 2014. С. 224.

²⁷⁷ Там же. С. 106.

ланту публициста. Главное, что отличало Троцкого и являлось и тогда, и впоследствии его фирменным знаком, отличительным признаком – великолепное владение словом на публике. Как оратор Троцкий действительно велик не глубоким идейным содержанием, значение которому не придавал особенно никогда, а скорее экспрессивной манерой подачи, за счет чего и добивался успеха у слушателей. Достаточно привести выдержки из его речи, произнесенной на Лондонском съезде в 1907 г., чтобы в этом убедиться: «Во избежание недоразумений я должен заявить, что в политических вопросах, разделяющих партию, я отнюдь не стою на какой-то специальной точке зрения “центра”, как приписывают мне некоторые товарищи. Позиция центра, на мой взгляд, предполагает ясное и твердое сознание необходимости компромисса как предпосылки общеобязательной тактики. Но если я сознаю необходимость компромисса, то это не значит, что моя собственная точка зрения на данный политический вопрос составлена путем компромисса, путем выведения арифметического среднего из двух противоречивых мнений»²⁷⁸. Как видим, даже опытному теоретику не составит труда запутаться в речи Льва Давидовича. И даже не главный принцип успеха любого выступающего перед толпой здесь важен – отточенные ораторские приемы, – а чрезвычайное, доходящее порой до крайней точки эмоциональ-

---

²⁷⁸ Щербаков А.[Ю.] Сталин против Троцкого. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. С. 93.

ное напряжение. Стоило Льву Давидовичу в нужный момент продемонстрировать слушателям свою отличительную особенность, как аудитория была уже полностью подчинена ему. Забегая вперед, можно лишь констатировать, что в решающие дни политической борьбы талант яркого оратора не помог Троцкому. Он больше не зажигал сердца и не правил толпой, как раньше.

Личное знакомство между двумя будущими большевистскими вождями состоялось все же в 1913 г. Вот как сам Троцкий описывает ее: «В 1913 году в Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. ... Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, и на пороге появилась незнакомая мне фигура, невысокого роста, худая, со смугло-серым оттенком лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было при желании принять за приветствие, подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. Я вопросительно взглянул на Скобелева.

– Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, играть роль»²⁷⁹.

---

²⁷⁹ Троцкий Л.[Д.] Портреты революционеров / Под ред. Ю.Г. Фельтишинско-го. М.: Московский рабочий, 1991. С. 46.

Больше до Февральской революции им увидаться было не суждено. В 1913 г. Сталин по доносу провокатора и агента охраны Р. Малиновского вновь арестовывается и направляется в четырехлетнюю ссылку в Туруханский край. Троцкий же до событий 1917 г., как и большинство большевистских лидеров, находится за границей, где занимается в основном литературным трудом.

4 мая 1917 г. Троцкий вместе с семьей возвращается в революционно бушующий Петроград. Еще находясь в эмиграции, он критиковал статьи Сталина, вернувшегося на полтора месяца раньше Льва Давидовича. Стоит, впрочем, отметить, что до приезда революционных лидеров Сталин, как большевик с довольно большим стажем, сумел не только наладить выпуск агитационной и пропагандистской литературы на станке, но и сам создавал агитационно-пропагандистские статьи. Всего в этот год он написал более 60 статей²⁸⁰.

Именно в 1917 г. Сталин продемонстрировал свои самые сильные качества как будущий политический лидер. Присущие ему прагматизм и скрытность, упорство и стойкость в тяжелой ситуации, когда дело касается принятия ответственных решений внутри партии, годами выкристаллизовавшийся оперативный опыт рядового революционера помогли ему в ситуации июльского кризиса, когда Коба фактически становится личным телохранителем Ленина, который по распоряжению А.Ф. Керенского должен был быть немед-

---

²⁸⁰ Монтефиоре С. Указ. соч. С. 379.

ленно арестован по обвинению в шпионаже.

После возвращения в Россию в мае 1917 г. Троцкий устремляется в гущу революционных событий, продолжая регулярно выступать на митингах. В это время он также продолжает развивать свои взгляды на теорию «перманентной революции». Данная историческая концепция, впервые разработанная еще Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, провозглашала «сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут отстранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственный власти»²⁸¹. Троцкий же добавил к основной теории важнейшее положение, получившее название теория комбинированного развития. Согласно Троцкому, в относительно развитых странах, к которым автор относил Россию, было возможным провести социалистическую революцию ввиду исторической необходимости осуществить буржуазно-демократические требования. Далее автор отрицал завершенный социалистический характер Октябрьской революции, рассматривая Россию лишь как плацдарм для проведения мировой революции²⁸². Последнее положение в теории, отстаиваемой Троцким, значительно повредило автору в период борьбы за власть.

«Сталин был тогда для меня лишь одним из членов боль-

---

²⁸¹ Маркс К, Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 50 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 7. С. 261.

²⁸² Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 39.

шевистского штаба, менее заметным, чем ряд других»²⁸³. К 1917 г. существовала уже довольно сильная личная неприязнь между ними. «Он отталкивал меня теми чертами, которые составляли впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, насквозь продуманным и перешедшим в психологию мирозерцанием»²⁸⁴.

Событие, послужившее поводом для развязывания конфликта между лидерами, случилось на Царицынском фронте летом – осенью 1918 г. Сталин, занимавший пост Наркома, отправленный курировать данный участок, категорически протестовал против присутствия в Красной армии военспецов преимущественно из белого офицерства, имея в виду высокий риск перехода последних в стан белых. Действительно, подавляющее большинство (95%) офицеров к моменту Октябрьского переворота были не кадровыми. «Это были офицеры военного времени – интеллигенты, закончившие школы прапорщиков. С другой стороны, белые не выступали за монархию, они выступали за Учредительное собрание. Так что офицерам они были куда ближе большевиков»²⁸⁵. Однако Троцкий полагал, что необученная, пло-

---

²⁸³ Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 172.

²⁸⁴ Троцкий Л.[Д.] Моя жизнь. М.: Панорама, 2014. С. 389.

²⁸⁵ Щербаков А.[Ю.] Указ. соч. С. 200.

хо подготовленная к боям с превосходно выученным соперником масса людей вряд ли способна оказать должное сопротивление противнику без привлечения служащих вооруженных сил Российской империи. Конфликт пришлось улаживать лично Ленину, который отозвал Сталина в Москву с Южного фронта и даже повысил в звании. Сталин стал членом Реввоенсовета РСФСР. Вот как сам Троцкий оценивал этот жест Ленина: «Сталин был отозван. Ленин слишком хорошо понимал, что мною руководят исключительно деловые соображения. В то же время он, естественно, был озабочен конфликтом и старался выровнять отношения»²⁸⁶.

Годы Гражданской войны можно считать венцом политической карьеры Льва Давидовича, временем его наивысшего расцвета. Перемещаясь с одного участка фронта на другой на ставшем впоследствии легендарном бронепоезде, в вагоне № 432, Троцкий в период с 1918 по 1920 гг. был, безусловно, самым популярным человеком в партии после Ленина. В отличие от последнего, управлявшего страной преимущественно из столицы (Москва, сменив Петроград, стала столицей 12 марта 1918 г.), Троцкий на своем личном ежедневном опыте общения с «кадрами» видел обстановку на местах. К его безусловным заслугам во взятии, например, Казани, относятся такие «нововведения» как заградительные отряды и расстрел каждого десятого за невыполнение приказов. Однако за столь суровыми мерами скрывалась та неоценимая

---

²⁸⁶ Троцкий Л.[Д.] *Моя жизнь*. С. 362.

услуга, оказанная партии и аппарату: Гражданская война была выиграна. Троцкий как создатель Красной армии внес весомый вклад в эту победу.

После окончания основной фазы Гражданской войны и вынужденного перехода к НЭПу, Ленин писал: «Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства в условиях, неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы, – перед нами весной 1921 года стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений»²⁸⁷. К этому времени Сталин, всецело следовавший в русле политики, определяемой Лениным, становится ближайшим помощником Ильича²⁸⁸.

С середины 1922 г. начался новый виток противостояния двух на том момент самых влиятельных людей в партии после Ленина. Связан он, разумеется, с болезнью Ленина и вынужденным отходом последнего от власти. Положение Троцкого на тот момент было неустойчивое. «К этому периоду

---

²⁸⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1964. Т. 44. С. 205.

²⁸⁸ Хлевнюк О.[В.] Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, CORPUS, 2015. С. 100.

Троцкий был единственным из высших советских вождей, кто имел право не называть себя учеником и соратником Ленина. Он был скорее политическим партнером, союзником по революции. Это привлекало к Троцкому как самостоятельной политической фигуре многих большевиков»²⁸⁹.

Лев Давидович не поддерживал многие предложения Ленина. Это было и в ходе дискуссии о профсоюзах, и вновь повторилось в период подготовки важнейшего X съезда, на котором решался вопрос, каким путем пойдет страна в ближайшем будущем. Стоял вопрос о выживании советского режима. Однако сторонники Ленина все же получили большинство на съезде, что, в свою очередь, предопределило выбор нового состава руководящих органов, из которых вывели многих приверженцев Троцкого.

Назначение Сталина на пост генерального секретаря ЦК РКП(б) в апреле 1922 г. изменило соотношение сил в противостоянии между Джугашвили и Троцким. «В целом, в задачу Кобы входило общее руководство аппаратом ЦК»²⁹⁰. Но две функции, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. «Первая – формирование повесток заседаний Политбюро. Вторая – решение кадровых вопросов. От Сталина зависели карьеры многих функционеров среднего уровня»²⁹¹.

На тот момент он сосредоточил в руках одновременно

---

²⁸⁹ Там же. С. 101.

²⁹⁰ Хлевнюк О.[В.] Указ. соч. С. 102.

²⁹¹ Там же.

Секретариат и Оргбюро ЦК, возглавляя параллельно также Рабкрин и Наркомнац. В то же время Троцкий полностью контролировал руководство Красной армией, занимая ключевые должности Наркомвоенмора и Предреввоенсовета. Однако восприятие Троцкого бюрократией как возможного узурпатора власти было очевидно и, в значительной степени, неизбежно. Им гораздо ближе был практик Сталин, производивший впечатление уверенного в себе чиновника, со спокойной рассудительностью решающего важнейшие вопросы государственного строительства, чем видный теоретик и яркий, но не вызывающий к себе доверия Троцкий. Проведение спустя неделю после смерти В.И. Ленина набора в партию «рабочих от станка», получившего название «ленинский призыв», укрепило власть Сталина над бюрократией и сделало его, выражаясь словами Роберта Такера, «первым и единственным ленинцем»²⁹².

Можно согласиться с мнением О. Хлевнюка, что «жизнеспособность коллективного руководства в конечном счете зависела от готовности советских вождей придерживаться правил, своеобразной конституции олигархического устройства власти»²⁹³.

Таким образом, завоевание власти большевиками в результате Октябрьского переворота ознаменовало собой вы-

---

²⁹² *Такер Р.* Сталин. Путь к власти 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс, 1990. С. 440.

²⁹³ *Хлевнюк О. [В.]* Указ. соч. С. 121.

движение на руководящие посты двух выдающихся личностей: Сталина и Троцкого, ставших вскоре непримиримыми соперниками сначала за влияние на Ленина, а затем за власть в молодом государстве. У Сталина были причины ненавидеть Троцкого. Многолетняя работа в подполье, партийный стаж, аресты, побег и снова аресты и ссылки – все это оказывалось не востребуемым в сравнении с заслугами Троцкого, блестящего теоретика, тонкого и чрезвычайного одаренного литературным талантом деятеля, поражающего всех своим ораторскими способностями. События на Царицынском фронте послужили лишь предлогом для развязывания конфликта между этими политическими фигурами. Относительно периодов сама борьба делится на следующие временные отрезки:

- 1) 1918–1921 гг.;
- 2) 1921–1924 гг.;
- 3) 1924–1927 гг.

Первый период характеризуется доминированием Троцкого, однако второй и третий являют собой последовательный, методичный, великолепно подготовленный сначала самим Лениным, а затем продолженный силами триумвирата разгром Троцкого. Данное противостояние завершилось политической гибелью «Прометея Революции». Однако, как показывает история, не могло быть иначе. Середина 1920-х гг. – время относительной стабильности советского режима. Победа в Гражданской войне, переход от военного ком-

мунизма к политике НЭПа ознаменовали собой возвращение к мирной жизни тысяч простых тружеников. Люди устали от бесконечного кровопролития, они нуждались в спокойном поступательном развитии, в уверенности в завтрашнем дне. В подобных условиях лозунг Сталина о «социализме в отдельно взятой стране» с опорой на внутреннюю политику в хозяйственно-экономической сфере отвечал требованиям масс, активно поддерживался как в самом партийном аппарате, так и за его пределами. Это стало одной из ключевых причин победы во внутрипартийной борьбе Сталина над Троцким на завершающем этапе противостояния. Чрезвычайно удачное стечение обстоятельств для Сталина – назначение на должность генерального секретаря ЦК РКП(б), болезнь Ленина, не успевшего организовать планировавшуюся атаку на Кобу, общая неприязнь лидеров большевистской партии к Троцкому в 1923–1925 гг., пассивность самого Льва Давидовича (объяснявшаяся отчасти ухудшением самочувствия, отчасти недооценкой сил противника – сталинской группы), наконец, ленинский призыв, начало которому было положено в конце января 1924 г. сразу после смерти Ленина, фактически завершили противостояние между оппонентами победой Сталина. Последующие события лишь закрепили то, что уже было сделано.

Влияние Революции 1917 г. на внешний облик человека (на примере становления советской моды)

Писчикова Н.П.

Аннотация. Цель – рассмотреть влияние Революции октября 1917 г. на становление и развитие советской моды с 1917 г. до 1925 г. Использовался сравнительно-исторический метод. Революционные события отразились на всех сторонах жизни человека, его мире, повседневной жизни, городском и деревенском укладе, быте и внешнем облике. Предназначение любой революции – разрушить старое и определить дорогу новому во всех сторонах общественной жизни. Социальный взрыв приводит к изменению стиля жизни и одежды. Внешний облик советского человека, который смотрит на нас из журналов, а также предметы быта, дошедшие до нас, красноречивее смогут сказать о событиях той эпохи.

Ключевые слова: революция, унификация, мода, стиль, общество, трансформация.

THE INFLUENCE OF THE REVOLUTION OF 1917 TO THE APPEARANCE OF A MAN (ON THE EXAMPLE OF THE SOVIET FASHION)

Pischikova N.P.

Abstract. Background: to consider the influence of the Revolution of October 1917 to the formation and development of Soviet fashion from 1917 to 1925. The comparative-historical method was used. The revolutionary events have affected all aspects of human life, the world, daily life, urban and rural way of life and appearance. The purpose of any revolution to destroy the old and to determine the way in all aspects of public life. Social unrest leads to a change of lifestyle and clothing. The appearance of the Soviet man, who looks at us from magazines, and objects of everyday life have come down to us more eloquently than I can say about the events of that era.

Keywords: revolution, unification, fashion, style, society, transformation.

В этом году мы отмечаем одну из значимых дат в российской истории – год Великой Российской революции. Можно по-разному относиться к ней и к тем изменениям, которые она принесла. Но не заметить их невозможно. Поэтому мно-

гие ученые-исследователи, практики, журналисты и политики на протяжении этого года со страниц журналов и газет, телевизионных передач пытаются проанализировать и дать достойную характеристику событий тех лет. Они уделяют внимание экономическим и политическим последствиям, жертвам и победителям, разрушениям и построению нового общества, раскрывают роль новой России в системе международных отношений. Но в данной статье мы остановимся на культурном влиянии революции на Россию того времени.

Революционные события отразились на всех сторонах жизни человека, его мире, повседневной жизни, городском и деревенском укладе, быте и внешнем облике. Предназначение любой революции – разрушить старое и определить дорогу новому во всех сторонах общественной жизни. Это самый сложный этап для судеб людей любого поколения, материального достатка, социального положения. Меняется жизнь вокруг, отношение к ней, появляется новый стиль. Революция октября 1917 г. привела к равенству всех слоев населения. Новое общество требовало новых взаимоотношений, новых институтов, новых молодых и энергичных людей, а также новой моды и одежды, чтобы строить молодое государство и быть активным членом этого общества: *«Революция, ставшая переломным моментом в истории страны, не могла не отразиться и на моде»*²⁹⁴.

Казалось бы, что может быть общего между трагической

---

²⁹⁴ Васильев А. Этюды о моде и стиле. М.: Альпина – нон-фикшн, 2007. С. 415.

для судеб страны революцией и эстетическим понятием «мода», которая формирует красивый облик человека, его внешнее различие, привносит уют в квартиры и дома, рождает неповторимые аксессуары и индивидуальность, особенно женщин. Однако именно социальный взрыв приводит к изменению стиля жизни и одежды. Мода как зеркало общества того или иного периода, быстро отражает изменения окружающего мира. Внешний облик советского человека, который смотрит на нас из журналов, а также предметы быта, дошедшие до нас, красноречивее смогут сказать о событиях той эпохи.

Трансформация, происходящая с обществом того периода, ярко проявляется во внешнем облике человека, и особенно женщины. Тяжелые времена заставляли людей придумывать одежду из подручных материалов. Костюмы донашивались или соединялись в необычные комбинации. Появились новые веяния, которые раньше считались безнравственными: короткие женские стрижки, укороченные расклешенные юбки, грубые мужские ткани. Все эти новшества были вызваны тем, что женщина была уравнена в правах с мужчиной и пыталась за счет мужского стиля ни в чем от него не отставать. Поэтому одежда и прическа были сделаны с учетом удобства и тягот революции, гражданской войны и восстановления страны. Простота, лаконичность и неприметность – вот основные черты новой моды и облика человека первых лет молодого советского государства: «Мода, психологиче-

ски отражавшая быт, привычки, эстетический вкус, уступает место одежде, организованной для работы в различных отраслях труда, для определенного социального действия, одежде, которую можно показать только в процессе работы в ней, вне реальной жизни, не представляющей из себя самодовлеющей ценности, особого вида “Произведений Искусства”. Витрины магазинов с выставленными в них моделями костюмов на восковых манекенах становятся эстетическим пережитком. Сегодняшний костюм надо смотреть в действии, вне его нет костюма – так же, как бессмысленна машина вне работы, ею производимой»²⁹⁵.

Итак, революция стерла границы между сословиями, упростила внешний облик человека. Женщины хотели стать под стать мужчинам и перехватить у них многие функции в обществе, ритм жизни набирал обороты. Люди стали более свободными и непредсказуемыми. Во многие мужские профессии пришли женщины: милиция, армия, политика. Они стали более активными, вышли на митинги, занялись спортом, работали и учились. Это занимало большую часть времени, в котором совсем не осталось возможности поэкспериментировать с образом, примерить обновки, посмотреть новинки домов мод, которые прекратили свою работу, купить одежду и обувь, которая также исчезла вместе с дореволюционными модистками. Женщинам стало не до модных

---

²⁹⁵ Закрасовская Н. Советская мода в первые годы после революции // Контрольный выстрел. 2014. № 8 (37). С. 15.

аксессуаров, шляпок, духов, кринолинов, дорогих тканей. Вот один из основных лозунгов того периода: мода не важна, одежда в первую очередь должна быть удобной. Главным символом и атрибутом одежды стала знаменитая красная козынька в сочетании с серой блузкой, юбкой неброских оттенков и позаимствованной у мужчин кожаной курткой, которая получила название кожинка. Алый бант носили и мужчины в кармане пиджака – это были символы принадлежности к новой эпохе, к новому классу людей – советскому человеку. Весь облик должен был говорить, а, вернее, кричать о революционном порыве. Что касается мужской моды на кожинки и алый бант в петлице, из дореволюционной моды в советскую были перенесены длинные пальто черного драпа с бархатным воротником. Их носили большинство мужчин, поэтому не так просто было этому предмету гардероба исчезнуть в лавине революции. Так как из революции общество шагнуло в пучину гражданской войны, то мужская мода в основном носила военный характер. Правительство в 1918 г. создало комиссию по разработке формы для армии и флота и объявило конкурс на создание формы. К работе были привлечены такие мастера живописи как В. Васнецов, Б. Кустодиев и молодой художник С. Аркадьевский. В основу армейской моды были положены мотивы древнерусского искусства и военный исторический костюм. Для армейцев были предложены шинель с петлицей, шапка из сукна с красной звездой, за которой закрепилось название «буденовка»,

для матросов – «тельняшка». Два последних предмета одежды надолго стали символами армии и флота: буденовка до Великой Отечественной войны, а тельняшка – это один из символов морской пехоты и десанта и в наши дни.

С обувью было сложнее всего, мастеров не было, донашивали старую или обменивали. Она была очень простой: сапоги, ботинки, резиновые ботинки, валенки, парусиновые тапки на летнее время.

После затухания огня гражданской войны и начала восстановления экономики страны с одеждой было тяжело. Поэтому на предприятиях стали выдавать спецодежду и даже обувь и предметы быта (простыни, полотенца и т.д.). С появлением новых специальностей должен был поменяться и их внешний облик, который смог бы выгодно отличать друг от друга представителей рабочего класса. Государство принимает решение разработать одежду для них. Именно в это время, к примеру, появились знаменитые детали формы шахтера – лампа на шлеме и сигнальный пояс.

Но женщины во все времена остаются женщинами – стремятся хорошо и модно выглядеть. Достать одежду было крайне сложно: купить дорого, пошить тяжело, не хватало мастерских, поэтому в ход шли все средства. Шторы, скатерти, матрасы, простыни и т.д. – все это перекраивалось, перешивалось и делалось уникальным. В моду вошли платья из ткани матраса в голубую полосу. В помощь женщинам были выкройки из журналов. В 20-е гг. XX в. свет увидели многие

журналы мод: «Вестник моды», «Модный журнал» и др. Отдельные рубрики с советами и выкройками были открыты в таких журналах, как «Работница», «Крестьянка», «Огонек». Для популяризации советской моды были открыты известные дома моды в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге и в других городах.

Кульминацией становления и развития советской моды стала победа в 1925 г. в Париже на Всемирной международной выставке²⁹⁶, куда советские модельеры привезли ткани и костюмы. Девизом выставки стали слова: «Только новое, только простое и удобное». Под этим девизом и зарождалась советская мода, опережая развитие мировой на несколько лет, поэтому немудрено, что советские дизайнеры завоевали высшую награду – Гран-при.

Заметим, что революция – это не всегда вихрь разрушения, это еще и большой толчок для новых свершений, что и показало становление советской моды. Начиная от поиска упрощенных и грубых форм, унификации, она прошла быстрый путь, завершившийся победой и мировым признанием в столице Моды – Париже.

---

²⁹⁶ Мельников К.С. Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика / Сост. и прим. А. Стригалева, И. Коккинаки. М.: Искусство. С. 126.

«Бесы» российских элит как фундаментальный источник русских революций

Селиванов А.И.

Аннотация: исследуется социально-культурный и духовно-психический феномен, условно названный «бесами», распространенный среди части российских элит прошлого и современности, имеющий метафизические корни (фундаментальная мировоззренческая несамодостаточность), психические корни (эгоцентризм, тенденция к нарушению закона и морали во имя удовлетворения своих желаний и стремлений) и социально-культурные корни (антитрадиционность, антинародность, склонность к «красивой жизни», подобострастие перед Западом) и являющийся одной из причин русских революций и формирования «пятой колонны».

Ключевые слова: Россия, причины революции, элиты, антинародность, антитрадиционность, эгоцентризм, «пятая колонна».

«DEMONS» OF THE RUSSIAN ELITE AS A FUNDAMENTAL SOURCE OF RUSSIAN REVOLUTION

Selivanov A.I.

Abstract: the article investigates socio-cultural and spiritual-psychic phenomena, conventionally called «demons», common among the Russian elites past and present, has metaphysical roots (the fundamental ideological not self-sufficiency), psychic roots (egocentrism, tendency to violate law and morality to meet their wishes and aspirations) and socio-cultural roots (anti-traditionalism, anti-people, the tendency to «beautiful life», subservience to the West) and is one of the reasons for the Russian revolutions and the formation of a «fifth column».

Keywords: Russia, the causes of the revolution, the elite, anti-people, anti-traditionalism, self-centeredness, the «fifth column».

При анализе социально-политических революций часто акцентируют внимание на социально-экономических обстоятельствах. Эти причины, безусловно, важны, причем в разные эпохи и в разных культурах состав этого комплекса различен – это может быть несоответствие реальных возможностей и потребностей материального потребления (элемен-

тарная бедность и даже нищета), жестокость эксплуатации (рабочий день по 16–18 часов)²⁹⁷, отсутствие «социальных лифтов» и т.д. Однако не меньшую роль в комплексе причин революции играет социально-культурная и духовная обстановка, в том числе духовная природа и позиция элит. Одна из сторон этого аспекта причин революции гениально выражена в формуле революционной ситуации В.И. Лениным: «низы не хотели» жить по-старому, а «верхи не могли» хозяйствовать и управлять по-новому²⁹⁸. Казалось бы, если элиты не могут управлять по-новому – нужно лишь свергать их.

Но в России и русской культуре есть еще одна «закавыка» в природе элит, определяющая иную сторону их вклада в причинный комплекс социально-политических революций. В части элит живут «бесы», которые «крутят-мутят» сами элиты, обращая их и против власти, и против народа. Часть русских элит и «хотят», и «не хотят» жить и управлять по-старому, и «хотят», и «не хотят» жить и управлять по-новому – выражаясь словами одной из героинь кинокомедии Л. Гайдая «Не может быть», «они сами не знают, чего они хотят».

В классической русской литературе XIX в. различные стороны этого феномена вскрыты и обличены в разных кон-

---

²⁹⁷ *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. С. 231–517.

²⁹⁸ *Ленин В.И.* Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218.

текстах – от саркастически-юмористического до обличительного (в виде самодурства), от одобряюще-пафосного – до негативного (в разных социальных проявлениях). Эти черты были свойственны и консерваторам, и «новым людям», и бунтовщикам-разбойникам, бросавшим княжну в «набегавшую волну», и простым людям. Они являлись своеобразными преломлениями стремления к «воле вольной», обнаруживающей беспредельность, бесконечность русского человека, понятой как одна из его сущностных черт.

Однако проявления этой коренной черты русского человека противоречиво, и в разных социальных группах она проявлялась совершенно по-разному, порой обретая нигилистический и даже разрушительный характер как по отношению к человеку-личности, так и по отношению к обществу, обретая характер «бесовщины». Особенной разрушительной силой в русской истории она становилась, когда овладевала людьми с высоким, часто унаследованным социальным статусом и влиянием в обществе, но становившимися внекультурными маргиналами, выходящими за рамки своей национальной традиции. Трагедия нарастала, когда обнаруживалось еще и несоответствие между этим «всемирным запросом русской души», причастностью культуры к «воле вольной» с одной стороны – и реальной культурной микроскопичностью конкретной личности, неспособностью ее создать нечто действительно великое – и тогда те или иные (различные в себе) идеи приобретали характер разрушения,

мстительного зла, от которого и сам человек порой не может спастись иначе как самоубийством, путем творения зла, доходящего до страсти, исступления, жажды порочности с упорством, изощренностью и наслаждением. Непризнанные и нереализованные «гении» и «гениальные идеи», становясь на сторону зла, превращались в «бесов», причем, как правило, уже не искушавших душу человека соблазнами, как Мефистофель, а обретя эту душу, «соблазнив» ее, победив злом и пользуясь плодами этого зла для того, чтобы нести его в окружающий мир. Наиболее ярко выявил этот феномен Ф.М. Достоевский. Сначала в «Записках из подполья», где его герой говорит знаменитое: «Если бы мне предложили выбирать, всему миру провалиться, или мне чай пить, я бы ответил, что лучше всему миру провалиться, а мне чтобы чай пить». Затем Достоевский развил и углубил эту тему в своих «Бесах» с разрывающим душу драматизмом и трагизмом борьбы добра и зла. Драматизмом, проявлениями и символами которого в разных отношениях в русской культуре становились яростная злоба, азарт, игра, русская рулетка... Порой к провоцирующим этот переход состояниям примешивается «русская хандра», скука, тоска, которая у некоторых реализовывалась в неумемной жажде развлечений, часто также переходящих в разряд inferнальных. Поэтому созданные в литературе образы – отнюдь не художественные фантомы и симулякры. Это – точное отражение существующего в реальности феномена художественно-образными средствами.

Феномена социально-культурного, сыгравшего и продолжающего играть роль в истории русской культуры.

Аналитическое исследование этого феномена ведет к уяснению его природы в комплексе метафизических, психических и социально-культурных оснований.

Метафизические основания заключаются в фундаментальной мировоззренческой несамодостаточности этих личностей, их недоверии к традиционно-культурным мировоззренческим установкам, почитание последних за примитив и презрительно относящихся к национальной традиции, но одновременно не обретающих иных метафизических оснований. Отсюда рождаются их антирациональность, путанность, склонность к мистике, испуг перед наукой и образованием (в том числе вследствие демократичности науки и образования, их способности подорвать или ограничить власть элит).

Психические основания – предельный эгоизм, гордыня, стремление личности к вседозволенности, к эгоцентрическому самоутверждению, «стремление и потенциальная готовность выйти за рамки поведения, предписанного законом и социальными нормами, т.е. нарушить и закон, и мораль во имя удовлетворения своих эгоистических потребностей»²⁹⁹, часто порочных. Это явление наиболее распространено среди избалованных, «залюбленных», «закормленных пряника-

---

²⁹⁹ Губинский А. Комплексное изучение социальных групп. (Как основа для принятия управленческих решений). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mospsy.ru/stat1.html> (дата обращения: 08.10.2017).

ми» инфантов³⁰⁰, и являющаяся достаточно распространенной формой социальной и культурной девиации.

Казалось бы, исходя из такой характеристики данного типа личности, они слабо склонны к общению, к сплочению в группы. Однако люди с таким психотипом могут действовать не только в одиночку, но и присоединяться к тем или иным социальным группам, либо формировать собственные группы и сообщества, обычно слабо институционализированные, полувиртуальные, подобные современным сетевым сообществам. Причем, в современном мире именно подобные группы становятся питательной средой и социальной базой для формирования массовых деструктивных проектов с использованием социальных и компьютерных технологий организации социальных движений и массовых проектов – начиная от флэш-мобов и «пусси-райтов» до различных «групп по интересам» с антигосударственной направленностью.

Социально-культурные корни – антитрадиционность, презрение к народу и антинародность, склонность к роскоши и «красивой жизни», подострастие перед Западом. Одной из причин этого является дефицит «эстетики быта», «красоты обыденности» в русской культуре, неудовлетворенность этим «простым бытием», его аляповатостью, несовершенством, отсутствием «вышей гармонии», вызывает высокомерное презрение. Порядок быта элит, его организация, про-

---

³⁰⁰ Об исследуемом феномене в контексте инфантилизма см.: *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004. С. 298–317.

думанность до мелочей в западном исполнении притягательна для части русских элит, а отсутствие такого опыта и цели в русской традиции преподносится как «недостаток». Именно в погоне за красотой (эстетикой), устройством быденности, его перерождениями в виде роскоши, шика, «понтов» и т.д. – и чистые «романтические» помыслы и стремления (идеальная элита), и корыстные (деловые, прагматические) помыслы трансформируют цели и ценности части элит в антинародные, антитрадиционные. Причем, это проходит через всю историю – это относится и к части бояр и дворян, и к элитам и интеллигенции до и после революции³⁰¹, и к народной и советской интеллигенции, и тем более к элитам постсоветского периода, вообще устранившим все преграды на пути к такому образу жизни для себя, полностью оторвавшимся от народа и от собственной культуры. Однако на деле за этим скрывается лишь отказ в служении Родине, замена его служением себе, даже точнее – требованием к Родине служить «единственному мне». Причем, в постсоветский период это реализовалось вообще трагическим образом, когда накопившийся энергетический потенциал слабо образованных и некультурных людей, антипросвещенческих элит – условно говоря «троечников» и «двоечников», жуликов и аморальных людей – рванулcя вверх. Они выдавили и

---

³⁰¹ См., напр., проявления презрения к «народной черни» у городских мещан в Петербурге в октябре 1917 г., описанные в книге очевидца: *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. М.: Красная новь, 1921.

уничтожили советскую просвещенческую элиту, продолжают держать власть, ведя к общекультурной деградации страны. Политика начинает определяться не тремя “К” (Королев, Келдыш, Курчатов), а требованием запредельной свободы и полной бесконтрольности, продажностью, шкурничеством, патологической жадностью, фактически – пятью “К”: корпоративизм, коррупция, криминал, компрадорство, коллаборационизм.

Такая разномастная антинародность в разные эпохи становилась основанием «бесовщины» в противовес иной части просвещенных романтических элит – с их народностью, причем, народностью даже как своеобразной «виной» перед народом и целью совершенствования русского мира, особенно у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, той народностью интеллигенции, которая так глубоко понята Н.А. Бердяевым³⁰².

Кроме того, на сегодня созданы социальные и информационные технологии, которые могут организовывать людей такого типа. И потому, если раньше их разрушительная сила носила точечный характер, то теперь она приобретает массовый и организованный характер. Эти люди превращаются в основу формирования антигосударственных движений, выталкивающих государство из различных сфер, дискредитируя его, формируя псевдо-«гражданские инициативы», дестабилизируя вертикаль власти и способствуя превраще-

---

³⁰² Бердяев Н.А. Глава VII. Россия // Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001.

нию управления на территории страны в сетевую структуру, удобную для решения различных внешнегосударственных и антигосударственных общественно-политических задач (протестные, выборные, деловые, диверсионные, по силовому свержению власти...). Создаются негосударственные центры силы, используя такие ресурсы как доказательство наличия такой силы через политическую репутацию, благозвучные проекты (типа «активизации местного сообщества», «реализации инициатив граждан», «формирования институтов гражданского общества», «социального проектирования», «общественно-активных школ» и т.п.), через встречи с солидными людьми, финансирование (особенно через НКО), создание эффектов массовости в интернет-сетях с помощью роботов, включение созданных организаций и групп в международные сетевые проекты и т.д. При этом «гражданское общество» трактуется не как общество граждан государства, патриотов, а как общество претензий (даже необоснованных) к государству, недовольства государством и его политикой в разных сферах, протеста против государства, неповиновения государству – столь созвучных психотипу эгоцентрических внекультурных маргиналов. В них осуществляется отбор людей «недовольных», склочных, обиженных, непризнанных, уже психологически готовых или почти готовых к протесту.

Эти новые сетевые центры власти и управления территориями уже обучены либо направленно обучают управле-

нию в условиях ослабления вертикали власти. Они способны осуществлять необходимые заказчику управленческие (в том числе контролирующие, организационные, провокационные) воздействия в условиях «управляемого хаоса». Они есть уже некоторая сила, подготовленная для осуществления если не захвата, то для дестабилизации власти. Такие сообщества становятся критически опасным социальным явлением. Поскольку это ведет к формированию либо усилению «пятой колонны», активность которой направлена как против традиционных отношений (в том числе конкретных наций), так и против государства, к появлению феноменов Ходорковского, Навального, Саакашвили. Эти технологии активно использовались для создания хаоса в Югославии, Ливии, Ираке, Сирии, на Украине. На указанных комплексах и психотипах на протяжении всего XX в. активно работают спецслужбы других государств (в 1917 г. – Англия и Франция, в 1993 г. – США, в 2017 г. – США, Англия, Германия).

Для преодоления этого постоянно воспроизводимого «гнойника» на теле русской традиции, проявления «бесовщины» у части элит необходимо формирование эффективного, постоянно действующего «бесогона» в виде специальной технологии кадрового контроля. Отсутствие такой технологии и таких институтов рано или поздно приводит к необходимости хирургических вмешательств с последующими негодованиями по поводу «репрессий». А в настоящее время жизненно нужна новая генерация государственной

элиты, способная отражать национальные интересы страны, ее народа и культуры, а не гнаться за золотыми унитазами.

Образы Русской революции в творчестве И.А. Владимирова

Смирнов А.Г.

Аннотация. Статья посвящена историко-революционной теме в творчестве художника И.А. Владимирова. Автором рассмотрены разноплановые – беспристрастно-документальные, трагические, саркастические, пафосно-героические – работы, создающие противоречивые, динамичные образы сложной переломной эпохи.

Ключевые слова: Владимиров, искусство, история, образ, Октябрьская революция, Февральская революция, 1917 г.

IMAGES OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE OEUVRE BY I.A. VLADIMIROV

Smirnov A.G.

Abstract. The article is devoted to historical-revolutionary theme in the oeuvre of the artist I.A. Vladimirov. The author considers various – impartially

documentary, tragic, sarcastic, heroic – works, creating contradictory, dynamic images of a complex epoch.

Keywords: art, Vladimirov, history, image, October revolution, February revolution, 1917.

Художник Иван Алексеевич Владимиров был очевидцем и участником революционных событий 1917 г., радикально изменивших жизнь нашей страны и оказавших влияние на ход мирового развития. Его работы, посвященные историко-революционной тематике, отражают как официальную советскую интерпретацию событий переломной эпохи, так и ее «непарадную» сторону. Картины, созданные в революционное время, особенно ценны тем, что показывают зрителю без ретуши повседневную жизнь Петрограда, простых людей, делавших революцию и ради которых – по мнению многих современников – она и устраивалась. Более поздние работы художника позволяют сравнить реалии и «эталонную модель», официальную советскую интерпретацию событий 1917 г.

В Музее современной истории России в феврале-марте 2017 г. прошла выставка, на которой экспонировались более 50 работ Ивана Алексеевича. В ее названии есть очень точные слова – «свидетель непростого времени»³⁰³.

До революции Владимиров был известен как автор жанро-

---

³⁰³ Революция. Первый Залп. Иван Владимиров – свидетель непростого времени. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovrhhistory.ru/events/exhibition/588784e768618b0366bde9bb> (дата обращения: 12.09.2017).

вых и батальных картин. Подобно В.В. Верещагину, он лично видел многие изображенные события. Так, во время русско-японской войны Иван Алексеевич был на Дальнем Востоке и на основе привезенных оттуда рисунков написал ряд батальных работ: «Разведка в ливень», «Допрос пленного», «Орудие в опасности» и др. Революционные события 1905 г. нашли отражение в картинах «Бой на Пресне», «На баррикадах 1905 года». В период Первой мировой войны в журнале «Нива» регулярно публиковались акварельные зарисовки художника с полей сражений. Об его личном участии в событиях войны свидетельствуют полученное ранение и медаль «За храбрость». Все это показывает, что Владимиров имел богатый опыт создания «документальных» рисунков, и революционные события 1917 г. изначально лишь поменяли сюжеты его работ.

Иван Алексеевич не был противником монархии. Когда в декабре 1916 г. «Петроградская газета» спрашивала художников о их взглядах на будущее, он высказывался оптимистично³⁰⁴. Не поменялся и патриотический характер его работ, публиковавшихся в начале 1917 г. в «Ниве». В них Владимиров показывал фронтовые будни русской армии («Неожиданная встреча», «Телефонисты»), жестокость врага («Нападение немецкого хищника на транспорт раненных»). При этом в рисунках нет упаднических настроений, подчеркивается бодрость духа воинов («Вкусный трофей»,

---

³⁰⁴ Петроградская газета. 1916. 27 декабря. № 356.

«У колодца») и вера в победу, о чем свидетельствует изображение пленных противников³⁰⁵.

Несмотря на патриотический характер работ и отсутствие в них протестных настроений, революционное воодушевление Февральской революцией захватило и Владимирова. Многие художники оценивали свержение монархии идеалистически, некоторые участвовали в уличных акциях³⁰⁶. Иван Алексеевич в те дни поступил в «милицию <...> и пробыл милиционером, в том числе уже и во время Октябрьской революции, до июля 1918 года»³⁰⁷.

Это обстоятельство позволило художнику видеть события революционных дней и сделать интересные и важные в историческом аспекте наброски. Красноречивы названия его работ: «Митинг в казарме», «Арест представителей старого правительства», «Вооруженный отряд на улицах Петрограда» и др. По сути, они являются визуальной летописью происходивших на улицах столицы революционных событий.

Милицейская служба не препятствовала творческой работе художника. Владимиров рассказывал позже: «Во время моей милицейской службы я всегда имел с собой альбомчик и свободно зарисовывал все, что живо интересовало меня.

---

³⁰⁵ Нива. 1917. № 2. С. 17; № 5. С. 65; № 10. С. 147; № 11. С. 168–169.

³⁰⁶ *Латишин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М.: Советский художник, 1983. С. 68–70.

³⁰⁷ *Баторевич Н.И.* Всю жизнь я служил России... Жизнь и творчество художника И.А. Владимирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 161.

Придя домой, я дополнял по своему впечатлению нужные штрихи в зарисовках и даже иногда закрашивал их акварелью и таким образом собрал богатый документальный материал для будущих картин, отображающих сцены и эпизоды революционной борьбы»³⁰⁸.

Созданные в подобной обстановке рисунки частично были опубликованы в печатных изданиях. Например, серия из 6 рисунков под общим названием «Государственный переворот в изображении художника» была напечатана в московском журнале «Искры». Названия работ и их сюжеты передают суть происходившего в дни свержения монархии: «Преследование полицейских», «Обстрел здания полиции», «Разгром гостиницы Астория», «Уличный бой 27 февраля» и др. При этом издание отметило, что репродуцируемые работы были созданы автором для британского журнала «The Graphic»³⁰⁹.

Также в это время Владимиров участвовал в ряде выставок, на которых были представлены его работы на схожую тематику. Интересно мнение современников о правдивости изображенного на полотнах. Так, обозреватель газеты «Биржевые ведомости» писал: «Владимиров все первые дни нового строя <...> исполнял обязанности милиционера. И вся революция развивалась и катилась на его глазах. Вот почему документальны и правдивы все эти катящиеся грузовики,

---

³⁰⁸ Баторевич Н.И. Указ. соч.

³⁰⁹ Искры. 1917. № 18. С. 140–141.

ощетинившиеся десятками штыков, и эти атаки участков и крыш, где засели городовые»³¹⁰.

Отметим документальность фиксируемых Владимировым событий. Это живописные свидетельства происходившего в Петрограде без какой-либо авторской оценки. Логично предположить, что художник осознавал важность виденного им. Но быстрота и масштаб событий явно не располагали к аналитике. Вековые монархические устои стремительно рухнули, а перспективы нового были туманны. Оставалось лишь фиксировать происходившее. Сами рисунки схожи с сохранившимися кадрами кинохроники и фотоматериалами. И эта «фотографическая» беспристрастность – очень ценная в историческом аспекте характеристика работ Владимирова в дооктябрьский период.

Отличительная черта художника – отсутствие оппозиционного настроения в отношении власти в разные периоды творчества. Можно считать это конформизмом. Но представляется, что Владимиров выступал как государственный. Не случайно он стал именно милиционером, а не погромщиком полицейских участков. Очевидно, революция виделась им не сломом государства, а новым этапом его развития. Это подтверждает название работы, на которой запечатлен коллега художника: «Милиционер. На страже правопорядка»³¹¹. Мы видим вооруженного выходца из народа в обычной граждан-

---

³¹⁰ Биржевые ведомости. 1917. 13 апреля.

³¹¹ Нива. 1917. № 20. С. 303.

ской одежде. Но он олицетворяет не анархию, а порядок, новую власть.

События Октябрьской революции застали Владимирову в том же качестве художника-милиционера. И первые его работы имеют такой же документальный, репортерский характер. Например, серия, посвященная штурму Владимирского училища 28–29 октября 1917 г.³¹² Были созданы и несколько рисунков В.И. Ленина, хотя изображения представителей власти у Владимирову редки. Еще со времен учебы в Академии художеств (1891–1893 гг.) он обычно отображал не парадную сферу, а повседневную жизнь в жанровых и батальных работах. Поэтому нам предстают не пафосные героические сюжеты революционного Петрограда, обычные для советского искусства, а бытовые, зачастую неприглядные стороны революции и постреволюционной эпохи.

Можно заметить, что часть работ создавалась для «The Graphic», а Великобритания не признала власть большевиков. Действительно, сцены вооруженных столкновений, изображенные художником, были опубликованы 1 сентября 1917 г. под заголовком «Russia in Revolution». А в ноябре мы видим сцену разграбления усадьбы князя Долгорукова («Pillage: Plundering the country house of prince Dolgoruki») под другим заголовком – «Anarchy in Russia»³¹³.

В 1921 г. в Петрограде действовали Американская адми-

---

³¹² См.: Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 168–169.

³¹³ The Graphic. 1917. 1 September, p.257; 17 November, p.615.

нистрация помощи (АРА) и Молодежная ассоциация христиан (YMCA), помогавшие голодающим. Владимиров, хорошо знавший английский язык, работал с ними. Некоторые сотрудники покупали его рисунки, находящиеся в Гуверовском институте (37), Брауновском университете (10), а также в частных коллекциях³¹⁴.

Но сотрудничество с «The Graphic» началось задолго до революции. Рисунки Владимира с Восточного фронта регулярно публиковались там за подписью John Wladimiroff. В бытовом плане продажа рисунков в период начавшегося в 1918 г. голода помогала художнику выжить. Работы действительно показывают страшные стороны революционной эпохи (например, самосуд над грабителями «Lynch Law in Petrograd: Shooting robbers in the street»³¹⁵). Но это не является искажением реальных событий.

О страшных бедствиях, поставивших людей на грань выживания, свидетельствуют изображение роющихся в поисках еды в мусорном ящике простолюдинки и аристократки («Поиски съедобного...», 1919), разделявание голодающими на улице павшей лошади и огромная очередь за супом (серия «Голодные годы в Петрограде», 1919). Зная, что в конце апреля 1918 г. в Петрограде выдавали лишь 50 грамм

---

³¹⁴ Бытописатель революции – художник Иван Владимиров. [Электронный ресурс]. URL: <https://el1enai.livejournal.com/54679.html> (дата обращения: 14.09.2017).

³¹⁵ The Graphic. 1918. 13 april. P. 457.

хлеба в день, подобные сюжеты не кажутся искусственно антисоветскими.

В этот период в рисунках появляется новое – позиция автора. Она выражается ненавязчиво, но ясно. На фоне голодающих «бывших», вызывающих сочувствие, в двух последних работах в отдалении мы видим представителей новой власти. По словам Интернационала, «Кто был никем, тот станет всем». Наверняка революция виделась многим представителям интеллигенции как равенство и братство, а не унижение одних сограждан другими по классовому принципу («Духовенство на трудовой повинности» (1919), «Буржуазия на трудовой повинности» (1920), «Конвоирование арестованных» (1919) и др.).

Смена политической системы и гражданская война не способствовали правопорядку. Не было ясно, уцелеет ли страна и сколько жертв будет принесено ради революции. Отсюда критический взгляд художника на происходившее. Впрочем, страдания изображенных «бывших» могли интерпретироваться и как торжество народа над эксплуататорами. Но русский бунт, по словам А.С. Пушкина, беспощаден. И мы видим «Вандализм в Зимнем дворце» (1918), «Разграбление винной лавки» (1918) и массовое пьянство революционеров. Две работы посвящены хорошо известной теме разгрома помещичьих усадеб: «Разграбление усадьбы князя Долгорукова» (1918), «Крестьяне возвращаются после разгрома помещичьей усадьбы» (1919). В условиях первоначальной

чального вакуума власти на местах, криминализация и маргинализация общества не удивительны. И они вызвали отторжение у художника.

При этом ошибочно говорить о намеренной критике большевиков Владимиром. Это изображение переходного периода без ретуши. Отметим, что и дореволюционные работы художника отражали общественные проблемы. Например, изображение священника с ребенком, везущего сани с небогатым имуществом («На новый приход», 1911), показывает нелегкую жизнь приходского духовенства. Подобных жанровых картин у Ивана Алексеевича достаточно много. Этот аспект показывает объективность работ Владимира революционного времени.

Период гражданской войны также стал источником ряда сюжетов «изнанки» революции. Борьба с классовыми врагами, красный террор визуализируются на рисунках художника. И мы видим «Допрос в комитете бедноты» (1919), «Петроград. Переезд высленной семьи» (1918). И наиболее страшное – «Расстрел в подвалах ЧК» (1919).

Представляется, что милиционеру Владимиру итоги революции виделись иными. С тонким, но язвительным сарказмом художник показывает «новую элиту», у которой высокий статус «бывших угнетенных» сочетается с маргинальностью («В театре. Царская ложа» (1918), «На посту» (1918), «Некому защитить» (1921), «За чтением газеты «Правда» (1918–1923) и др.). Персонажи рисунков близ-

ки булгаковским Шарикову, Швондеру, Вяземской и другим героям «Собачьего сердца».

Даже взгляд на подрастающее поколение не утешителен. Приобщение к культурному достоянию происходит специфически. В городе дети забрасывают камнями статую («Состязания в императорских садах» (1921)), в деревне – пробуют играть на рояле, стоящем в свинарнике («У рояля», 1920-е гг.). Нельзя сказать о предвзятости автора. Проблема беспризорников хорошо известна, и советская власть многое делала для ее решения. Но не удивительно, что «антисоветские» рисунки преимущественно находились в частных коллекциях (включая зарубежные) и были мало известны.

С укреплением советской власти работы Владимирова меняются. Образ революции обретает позитивный, зачастую идеализированный характер («Ленин и Сталин в Разливе в 1917 году», 1937). Его работы в СССР часто публиковали. Конечно, те, что отвечали идеологическим установкам советского государства («Захват врангелевских танков Красной Армией под Каховкой» (1930), «Ликвидация врангелевского фронта» (1932), «Бегство буржуазии из Новороссийска (1926) и др.).

Проще всего такую трансформацию назвать конформизмом. Ведь соцреализм предполагал создание идеализированной модели советского общества, а творческая интеллигенция, сотрудничавшая с властью, имела достаточно привилегий. Возможна версия о вынужденных уступках, ведь оп-

позиция власти была опасна не только в творческом плане, но и грозила репрессиями в отношении художника и его родных.

Но возможно предположить, что Владимиров искренне верил в политику советской власти. Ведь он и до революции не был оппозиционером. Постреволюционные годы действительно воспринимались им как упадок страны, деградация культуры и нравов. Однако последовавшие события могли возродить доверие к власти, декларировавшей построение процветающего социально-ориентированного государства.

Образы революции в работах И.А. Владимирова действительно разные. Мы можем дискутировать о мотивах подобной трансформации. Но бесспорно, что И.А. Владимиров был очевидцем важнейшей, переломной эпохи. И его работы историко-революционной тематики отражают в динамике сложные процессы и их интерпретацию как художником, так и властью.

Исторический смысл, значение и место Октября 1917 Г

Что произошло в Октябре? Интерпретация Октябрьской революции. Обзор основных событий Русской революции

Рид К.

Аннотация. Автор приходит к выводу, что Русская революция была сложным явлением и была спровоцирована рядом факторов в рамках тех глобальных явлений, последствия которых существуют и по сей день. На основе народной революции, стремящейся установить народную демократию, самоуправление и социальную справедливость, к власти пришло идеологическое руководство, которое полагало, что поставленные цели могут быть достигнуты посредством свержения капитализма в глобальном масштабе. Большевики препятствовали возникновению народной демократии, к которой стремились массы в 1917 г. Скептицизм и безразличие народа сдерживали

растущие утопические амбиции большевиков. В результате большевики потерпели неудачу в своих попытках завоевать массы с целью построить свою версию социалистического общества.

Ключевые слова: В.И. Ленин, Октябрьская революция, Февральская революция, большевики, Корниловский мятеж.

WHAT HAPPENED IN OCTOBER? INTERPRETATION OF THE OCTOBER REVOLUTION. REVIEW OF THE MAIN EVENTS OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Read C.

Abstract. The author comes to the conclusion that Russian Revolution was a complex phenomenon, which was generated by a wide spectrum of powerful forces and it exploded into a process with worldwide repercussions which are still with us. On the basis of a popular revolution seeking to establish popular democracy, self-government and social justice an ideological leadership, that came to power, believed, those things could only be obtained in a certain way, based on the overthrow of capitalism on a global scale. The Bolsheviks prevented the emergence

of popular democracy as envisaged by the masses in 1917. Mass scepticism and indifference held back the soaring utopian ambitions of the Bolsheviks. In the end, the Bolsheviks failed in their attempts to win over the masses for their version of socialist construction.

Key words: V.I. Lenin, the October Revolution, the February Revolution, Bolsheviks, the Kornilov affair.

История Русской революции неоднократно находилась в центре внимания исследований многих ведущих зарубежных историков. Целью данной статьи является не столько предложение еще одной оценки этих событий, сколько рассмотрение движущих сил, которые за ними стояли. Данный анализ по сути своей является структурным. Современная историография отвернулась от структурализма. Наши познания значительно обогатили ценные труды, посвященные личности, персоналиям, идентичностям, в частности гендерным, национальным, этническим и т.д. Однако обозначенные выше моменты все же не стоит упускать из виду, поэтому целью данной статьи является краткий обзор наиболее важных из них.

Необходимо отметить, что большая часть дискуссий 2017 г., посвященных русской революции, также выделяла агентивность. В частности, начались поиски виновника случившегося – В.И. Ленина, А.Ф. Керенского, Л.Г. Корнилова, большевиков, левых, правых, этнических меньшинств, евреев, иностранцев, не стали исключением последствия вой-

ны и т.д. Довольно часто подразумевается, что революция произошла в результате печального стечения обстоятельств, прежде всего в результате войны или же благодаря успешным манипуляциям элиты. Так или иначе, она представляется либо несчастным случаем, который выпал на долю России, либо чужеземными махинациями, которые были навязаны стране. Однако ни то, ни другое не является верным.

Более пристальное изучение революционных процессов в России указывает на то, что все происходило совершенно иначе. Революция не была навязана России политическими или этническими меньшинствами, а также политическими манипуляциями или иностранным обманом. Революция вышла из самых глубин российского общества. Революция была сугубо русской и представлена русским народом³¹⁶.

В 1870-х гг. П.Н. Ткачев указывал, что революционеры были вовсе не революционерами, а выходцами из привилегированной элиты. В этом он был совершенно прав, по крайней мере, в отношении России. Революционный процесс имел многочисленные этапы, которые я кратко опишу, прежде чем более пристально рассмотреть Октябрь.

Всем нам хорошо известны слабые стороны Российской империи в последние годы ее существования – прежде всего, это недостаток крестьянских земель, основной причиной

---

³¹⁶ К ней также присоединились антиколониальные и другие революции нерусских национальностей, но мы остановимся в данной работе на рассмотрении центральной части России.

которого стал прирост населения в условиях ограниченных земельных ресурсов. Крестьяне были чрезмерно огорчены условиями выхода из состояния крепостного права в 1861 г., и хотя они никогда не страдали от бедности, разве что только в 1891 г. от голода, все же у них были серьезные намерения взять под свой контроль пашни, пастбища и леса. Они мечтали о «черном переделе». Освобождение крестьянства также сказалось на самих землевладельцах, рачительный образ жизни которых привел большинство из них к банкротству. К 1905 г. общее количество землевладельцев сократилось, также как сократилось и общее количество земли, находившейся в частной собственности. Одновременно с этим небольшое количество землевладельцев, представлявших собой вершину социальной пирамиды, значительно расширили свои поместья. Данные явления отчасти напоминают развитие капитализма, в рамках которого более слабые владельцы могут быть сметены более процветающими. С политической точки зрения, ослабление мелкопоместного дворянства и его растущее недовольство своим положением были решающими факторами в революционных событиях 1905 г и в феврале 1917 г. Второй крупной структурной проблемой являлась нестабильная индустриализация, результатом которой стали изменения в социальной структуре общества, в частности, появилась небольшая, но влиятельная прослойка буржуазии, а также пролетариат; помимо них возникла также немногочисленная, но вместе с

тем доставляющая проблемы интеллигенция. Самодержавие в лице Николая II ненавидело промышленность и фабрикантов за их прожженный материализм, дымящие заводы, перенаселенность городов и утверждение западных ценностей. Взгляды Николая II на Россию того времени можно охарактеризовать как некую крестьянскую утопию, для которой были характерны национальные и православные ценности. Однако промышленность необходимо было развивать для того, чтобы поддержать династию и саму Россию как великую державу, способную постоять за себя. Цена провала в этой сфере была очевидна в ситуации с Османской империей, которая была разобрана на части алчными империалистами. В том случае если Россия не прошла бы путь модернизации, она была бы подвержена риску повторить судьбу Османской империи. В то же время индустриализация продвигалась извилистым путем, поэтому никакого «экономического чуда» в России произойти не могло. Также было крайне сложно пройти путь промышленного развития вслед за такими мощными индустриальными державами, как Великобритания, Франция, США и Германия, которые были гораздо более эффективными игроками на региональных и глобальных рынках. Россия продолжала оставаться производителем первичной продукции – зерна, меха, древесины и все большего количества нефти, а не готовых изделий. Экономическая «отсталость» обозначила Россию как быстро развивающуюся страну, которая всегда могла «догнать» конку-

рентов. Также необходимо отметить растущий спрос на образование, которое разрушало устоявшиеся традиции. Наука, технология, право, банковские услуги, управление и образование были необходимы для становления новой России, но поскольку сознание большинства образованных людей не было излишне политизировано, а другая их часть примкнула к правым, усилилось очень влиятельное меньшинство высокообразованных революционных радикалов.

Однако помимо этих факторов был еще один наиболее значительный – политический. Имперское государство, представленное самодержавием, главные функции которого состояли в защите обширных и охваченных кризисом границ и контроле над крепостничеством, не приспособившись к изменениям. После 1881 г. «Временные нормы» настроили государство негативно по отношению к социальным и экономическим изменениям. Даже после того, как в 1905 г. оно было вынуждено пойти на уступки, последовавший за этим этап стал периодом восстановления наиболее авторитарной власти посредством массовых репрессий и политических манипуляций. Совершенно очевидно, что мы не имеем никакой возможности узнать, что могло бы произойти, если бы власти были готовы к компромиссу, но пример Германии показывает, что адаптация традиционного общества землевладельцев к модернизированному капиталистическому имперскому государству была возможна. Однако в России отказ самодержавия от прямого восприятия перемен привел к

тому, что оно вступило в XX в. в виде анахронизма. По сути, это была теократия, в которой царь был одновременно главой церкви и государства. Существовала неограниченная цензура и полное отсутствие гражданских прав. Политические партии были запрещены, как и профсоюзы. Верховенство закона было скомпрометировано имперской властью. Не было никаких представительных политических институтов. В результате упомянутые выше изменения в российском обществе и медленный, но неуклонный рост богатства и городов создали напряженную обстановку, которую невозможно было бы урегулировать на законном основании. Политическая активность вынуждена была уйти в подполье, в результате чего произошла революция. Другого пути не было.

Революция вспыхнула в 1903–1904 гг. и потрясла всю страну в 1905 г. Самодержавие было обречено, когда практически все слои населения выступили против него. Даже элита, включая класс землевладельцев, присоединилась к его противникам, опасаясь, что некомпетентность Николая II и самодержавие подорвут привилегии помещиков. Они более не доверяли царю защиту своих интересов и требовали предоставления им права голоса в принятии решений, что они и получили благодаря Октябрьскому манифесту, и это был первый шаг в реставрации самодержавия. Остальная стратегия, разработанная С.Ю. Витте, включала создание консервативно-ориентированной Думы. Считалось, что, если бы крестьянам было дано право голоса, хотя это было

немыслимо для царя и большей части элиты, результат мог быть благоприятным, потому что Витте (как и Ленин, Троцкий и многие левые) рассматривал крестьян в качестве консервативных сил, которые могли бы оказать поддержку царю и нации. Первое голосование в 1906 г. отклонило это предложение и вызвало возмущение. Крестьяне проголосовали за либералов и левых, что открыло П.А. Столыпину путь спасения самодержавия. Самодержавие не потеряло контроль над репрессивным аппаратом армии и полиции в 1905 г. Было много мятежей и ряд серьезных волнений, например, в октябре, что привело к тому, что Николай II согласился подписать Октябрьский манифест. Его предпочтения всегда были на стороне военной диктатуры с правым националистическим и антиэтническим, в том числе антисемитским, оттенком. Столыпин не зашел так далеко, но фактически ограничил левых и центр статусом меньшинства в Думе, который контролировался правыми, особенно землевладельцами, чиновничьими дворянами и новыми классами, обогатившимися благодаря капитализму и индустриализации. Он также прибегал к сдерживанию масс, которое оставило глубокий след и способствовало проявлению гражданского насилия в 1917 г. и позже. Государственный аппарат едва пережил массовую революцию в 1905 г. Николай II начал восстанавливать свою власть. Радикальные политические партии, а также профсоюзы были подавлены, права свободы слова и собраний были аннулированы. Ситуация к 1910 г. улучши-

лась по сравнению с 1900-м г., но передовые мыслители России, либералы и левые, находились в отчаянии. Жестокое подавление забастовки рабочих на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в Сибири в 1912 г., а также ложное обвинение еврея М. Бейлиса в ритуальном убийстве христианского мальчика в Киеве в 1913 г. привлекли внимание европейцев к России как к анахроничной и тиранической державе. Если кто-то и был ведущим революционером до 1917 г., так это был сам царь.

В конечном итоге именно война подорвала государство в большей степени, нежели революция 1905 г. Прежде всего, армия превращается из профессиональной, преданной, элитной в призывную, которая была по большому счету отражением общества и его противоречий. В первые месяцы войны она лишилась значительной доли наиболее надежных карьеристов, которых заменили призывники и волонтеры из среднего класса и интеллигенции. Поражения, деморализация и беженцы породили панику и революционную оппозицию. Огромные потери сделали армию гораздо менее надежным оплотом порядка, роль которого она исправно исполняла на протяжении всей истории царизма со времен Петра I и даже раньше. Эмиссия огромной суммы денег, предполагавшая легкий способ оплаты войны, спровоцировала инфляцию, деструктивное воздействие которой подлило масла в огонь революционного движения в 1917 г. и позже.

Февральская революция, разгоревшаяся в 1917 г., была не

просто спонтанным движением, которое утопило самодержавие в волне мятежа и уличных протестов. Существовал также решающий скрытый заговор, целью которого было выставить Николая II в качестве козла отпущения за неудачи и провалы войны.

Цель заговорщиков из элиты состояла в том, чтобы предотвратить революцию и направить всю энергию в русло войны. До сих пор это была в значительной степени патриотическая революция, и даже уличные демонстранты выступали за возобновление военных действий, в то же время сопротивляясь пропаганде мира.

Важнейшим последствием февральских событий стало то, что государство было ослаблено, а не усилено отречением царя, и вместо предотвращения революции ослабление государственной власти привело сначала к медленному, а в конечном итоге – к массовому освобождению революционной энергии, исходившей из разных слоев российского общества.

От Февраля к Октябрю: этапы революции

События 1917 г. всем хорошо известны, поэтому нет необходимости повторяться. Однако было бы уместным осветить в подробностях основные движущие силы и последствия, которые обычно теряются при более детальном анализе. Исход Февральской революции оказался далеким от

ожиданий и намерений ее исконных участников. Для масс продолжительная инфляция и нараставший крах экономики означали, что любые материальные выгоды быстро разрушались, и их положение ухудшалось приближением к черте бедности. Однако они получили практически неограниченные политические свободы и возможность самоорганизации в советы, фабричные комитеты и т.п. Для представителей элиты результат в меньшей степени соответствовал их ожиданиям. Фактически они запустили процессы, которые шли в разрез с их целями. Они хотели предотвратить развитие революции, особенно социальной, которая затрагивала бы вопросы собственности. Вместо этого они сделали возможным экспроприацию и уничтожение себя как класса и элиты. Если бы эти элиты были в состоянии предвидеть ситуацию, то их также привел бы в отчаяние тот факт, что широко разделяемая точка зрения об укреплении России посредством проведения военных действий через 12 месяцев окажется полностью противоположной. В марте 1918 г. Россия вышла из военных действий и подписала мирный договор с Центральными державами, который мог стать исторической катастрофой, если бы война была продолжена.

С февраля по июль 1917 г. революция проявилась в форме нарастающего народного движения и широко распространенной самоорганизации масс через сельские, фабричные и военные комитеты и советы, что привело в июле к реакции.

С июля до конца августа 1917 г. контрреволюция воспользовалась радикализацией политической обстановки после краха Июльских дней и попыталась перехватить инициативу в свои руки. Большевики оказались в центре внимания, а Ленин ложно обвинен в том, что он был агентом Германии. Данная стратегия оказалась недальновидной, благодаря ей большевики стали наиболее яркими противниками Временного правительства и пришли к власти месяц спустя. Перед большевиками данная возможность открылась только тогда, когда контрреволюция потерпела крах в ходе Корниловского мятежа.

Оборонительная радикализация с сентября по октябрь 1917 г.: напуганное Корниловским мятежом народное движение снова перешло в наступление. Крестьяне устали ждать, когда неэффективное правительство окажет им помощь и освободит их от сбора урожая, как это уже случилось однажды. В рабочей среде наблюдался рост безработицы, который поразил все заводы, включая Путиловский. Рабочие также были напуганы угрозой Корнилова, что он переведет ключевые заводы на военное положение и утвердит закон о смертной казни мятежных рабочих. Изменившаяся тактика народного движения была направлена на защиту от политических угроз и утверждение своих материальных интересов. Новая конъюнктура характеризовалась ростом изъятий крестьянских земель, более активным участием рабочих в поддержании производства на своих заводах

путем совместного управления ими и дополнялась недовольством в армии.

Результатом стало исчезновение государственной власти. Февраль значительно ослабил ее, и каждая попытка изменить ситуацию – в частности, июньское наступление, репрессии июльских дней и Корниловский мятеж – приводила к противоположному от ожидаемого результату. Государство постепенно ослаблялось, а не укреплялось. В октябре 1917 г. никто не захватывал власть, поскольку власти, которую необходимо было захватить, вовсе не было. «Власть валялась под ногами, нужно было просто взять»³¹⁷.

Подъем большевистского движения после мятежа Корнилова был быстрым и решительным. Большевики разыграли свою карту в качестве оппозиции: таким образом они смогли критиковать осуществление текущей политики без привлечения к ответственности; также их подъем был тесно связан с ростом популярности лозунга «Вся власть Советам!» в рамках народного движения. Большевики были самой большой партией вне Временного правительства, одновременно с падением престижа которого шансы большевиков на приход к власти увеличивались. Они были и самой

---

³¹⁷ Никто точно не знает происхождения этой фразы. Ее часто приписывают В.И. Ленину или Л.Д. Троцкому, но она противоречит их основным взглядам на Октябрьские события. Высказывание также приписывают Р. Пайпсу и М. Малиа, оба автора при ее упоминании ссылаются друг на друга. Наиболее вероятный источник – С. Мстиславский, возможно, упоминающий ее в своем историческом романе «Накануне», но, тем не менее, мне не удалось подтвердить это.

многочисленной партией, которая ассоциировала себя с основными пожеланиями народа – утверждением власти Советов взамен ветхого Временного правительства. Свержение Временного правительства не было простым переворотом. Оно было связано с широким общенациональным процессом. Массовое перераспределение земли уже началось. Установление нового советского правительства большевиков было также чем-то большим, нежели политическим переворотом. Таким образом, Октябрьская революция не была просто революцией или же просто переворотом, она сочетала в себе оба этих явления. Народная революция ради установления советской власти была монополизирована большевиками для того, чтобы в конечном итоге создать однопартийное большевистское правительство, но исход разочаровал даже высокопоставленных большевиков. Результат был следующим.

Большевистское господство во время и после Октября привело к выдвиганию на первый план «не того» руководства. Революционное давление масс было направлено на осуществление народной программы мира, хлеба, земли и «всей власти Советам», более близкой к программе эсеров, нежели большевиков. Последние были проницательны и полностью восприняли народные лозунги, но их цели были совершенно иными. Большевиков идеологически побуждали «строить социализм» как явление глобального характера, основанное на трансформации человеческого со-

знания и ценностей. **Связь, зародившаяся в этот момент между массами и большевиками, стала трагедией революции.** Фактические народные стремления к практическим улучшениям, самоуправлению и самоорганизации на постоянной основе не нашли твердого национального руководства. У нового национального руководства большевиков была утопическая повестка дня, неизвестная большинству масс до Октября. Для большевистского руководства обещания октябрьской, то есть народной, программы были не концом, а только началом.

Тезисы о характере Октябрьской революции

Итак, основные моменты революции можно изложить в манере В.И. Ленина и представить в виде следующих положений.

До 1914 г. в России были глубокие, потенциально вызывающие революцию социальные, экономические, политические и культурные проблемы. Во многих отношениях общество начало меняться довольно быстро, но государство, в котором доминировал Николай II, скорее стремилось сохранить свой традиционный автократический характер, чем приспособливаться и воспринимать изменения. Это создало огромный потенциал для взрывоопасных конфликтов.

Вовлеченность в войну привела к развитию суще-

ствующих проблем, что только усугубило некоторые из них. Большинство этих проблем было связано с экономикой военного времени, на первый план вышла инфляция, от которой в значительной степени зависел уровень жизни городского бедноты. Крестьянство было менее затронуто, хотя крестьянские дети составляли основную часть армии. Военное поражение ускорило политический кризис, который впервые достиг своего пика в августе 1915 г., а также продолжительный социальный кризис.

Элита в основном была связана так или иначе с Прогрессивным блоком, созданным в Думе в августе 1915 г. Представители элиты, принявшие участие в Февральской революции, стремились пресечь новую революцию в зародыше. Они хотели, чтобы ничто не угрожало их имуществу и социальной позиции. Николай II был принесен ими в жертву. Его отречение должно было, как они надеялись, успокоить массы.

Участие народных масс в февральских событиях 1917 г. в основном ограничивалось только Петроградом, но из-за отсутствия устойчивой оппозиции, а затем из-за поразительной новости об отречении царя, **быстро появляется хаотическое, но мощное массовое движение, такое же народное, как движение времен Французской революции.** Солдаты, матросы, рабочие и крестьяне быстро самоорганизовывались на местах в комитеты и советы. Единственным квазинациональным эквивалентом был Пет-

роградский Совет. Февральские революционеры в Думе, далекие от сдерживания революции, допустили существование чрезвычайно мощной силы, которая вскоре смела их.

Революционная энергия, выпущенная в 1917 г., была огромной и вездесущей. Хотя русская революция была центральной, каскад многочисленных революций, или калейдоскоп революций, был запущен, затронув такие категории, как класс, пол, этническая принадлежность, национальность и т.п. Возникло множество национальных государств. Некоторые из них остались независимыми (Финляндия, Польша), некоторые были возвращены под российский контроль довольно быстро (Центральная Азия, Грузия, Армения, Азербайджан) и вошли в состав СССР, с момента его основания 29-30 декабря 1922 г. Другие (Латвия, Литва, Эстония) вошли в состав только после начала Второй мировой войны в 1939 г.

Хотя миллионы людей принимали участие в мятежных действиях в 1917 г., решающие силы в основном были представлены солдатами и матросами, а не рабочими и крестьянами, поскольку у первых было оружие для того, чтобы отстаивать свои права с большим успехом, нежели это могли сделать последние. Исследователи изучили во всех деталях этот элемент революции.

Мятеж Л.Г. Корнилова сыграл решающую роль в дестабилизации Временного правительства и, в частности, стратегии Керенского, направленной на сохра-

нение национального единства перед лицом врага у ворот. В некотором смысле Корниловский мятеж был первым шагом на пути к Гражданской войне. Неспособность Керенского признать то, что противоречивая ситуация требовала от него выбора той или иной стороны, а не бездействия, только ускорила его падение.

Подъем большевистского движения после мятежа Корнилова был быстрым и решительным. Большевики разыграли свою карту в качестве оппозиции и, таким образом, они смогли критиковать осуществление политики без привлечения к ответственности; также их подъем был тесно связан с ростом популярности лозунга «Вся власть Советам!» в рамках народного движения. Свержение Временного правительства не было простым переворотом, оно было связано с широким общенациональным процессом. Массовое перераспределение земли уже началось. Однако установление нового советского правительства большевиков было чем-то большим, чем политический переворот.

Таким образом, Русская революция была бесконечно сложным явлением, точнее, бесконечно сложным набором переплетенных явлений. Она была спровоцирована целым рядом мощных сил, и разразилась в 1917 г. в рамках тех глобальных явлений, последствия которых существуют и по сей день. Это был, по сути, континуум кризисов. Однако на него также повлияли фатальные события Октября. На основе народной революции, стремящейся установить народную

демократию, самоуправление и социальную справедливость, к власти пришло идеологическое руководство, которое полагало, что все вышеперечисленное может быть достигнуто только определенным образом – посредством свержения капитализма в глобальном масштабе. Каждая из двух революций мешала другой. Большевики препятствовали возникновению народной демократии, как это было предусмотрено массами в 1917 г.

Массовый скептицизм и безразличие сдерживали растущие утопические амбиции большевиков. В конце концов большевики потерпели неудачу в своих попытках завоевать массы с целью построить свою версию социалистического общества. Как обычно, история ускользнула из рук тех, кто хотел ее контролировать.

Роль революции в достижении гендерного равноправия и утверждении образа советской женщины

Гогберидзе Г.М., Пешкова Ю.Н.

Аннотация. В статье рассматривается процесс утверждения гендерного равноправия, ставший возможным в результате социалистических преобразований и повлиявший на формирование образа советской женщины.

Ключевые слова: гендерное равноправие, эмансипация женщин, активистка, ударница.

ROLE OF THE REVOLUTION IN THE ACHIEVING GENDER EQUALITY AND APPROVING THE APPEAL OF A SOVIET WOMAN

Gogiberidze G.M., Peshkova Y.N.

Abstract. The article deals with the process of approval

of gender equality, which became possible being a result of socialist transformations, and which influenced the image formation of a Soviet woman.

Keywords: gender equality, the emancipation of women, activist, shock worker.

Октябрьская революция положила начало кардинальным преобразованиям в достижении правового паритета мужчин и женщин. Утверждение реального гендерного равноправия способствовало крушению множества дореволюционных стереотипов, касающихся не только взаимоотношений между мужчинами и женщинами, но и общепринятых представлений о роли женщины в обществе. Сразу после революционных событий молодая советская власть совершила ряд довольно решительных шагов в целях достижения «равенства полов» во всех сферах общественно-политической и культурной жизни страны.

Прежде всего, политическое равноправие женщин и мужчин было закреплено первой советской Конституцией 1918 г., которая предоставила представительницам прекрасного пола избирать и быть избранными в Советы всех уровней. Женщины страны Советов становятся активными и полноправными участницами социально-политических преобразований. Это поспособствовало изменению ценностных установок, под которыми «мы понимаем сочетание мировоззренческих взглядов, типов поведения, основанных на ува-

жении прав и свобод человека»³¹⁸. В постановлении Второго всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства от 26 октября 1917 г. был сделан акцент на политические права женщин и их активное участие во всех сферах деятельности общества и государства: «заведование отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян, крестьянок и служащих»³¹⁹.

Молодая советская власть предоставила женщинам широкие возможности в сфере образования и профессиональной подготовки. Теперь девушки могли беспрепятственно поступать в любые учебные заведения: от школы до университета. Более того: женщина становится полноправным субъектом демократического диалога, который следует рассматривать как «коммуникативный процесс, осложненный открытыми дискуссиями, этико-правовыми нормами, психологи-

---

³¹⁸ *Гогиберидзе Г.М.* Основные принципы культуры мира // Проблемы формирования культуры мира в образовательном пространстве Москвы: сб. науч. статей. М.: МГПУ, 2012. С. 60–64.

³¹⁹ Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР. Общее положение о тарифе. (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в Р.С.Ф.С.Р.) (далее – Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР. Общее положение о тарифе). [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/42025> (дата обращения: 23.01.2018).

ческими установками, основанными на признании прав человека»³²⁰. Представительницам прекрасного пола открылся путь к получению тех профессий, которые прежде для них были недоступны из-за старорежимных предрассудков. Совет народных комиссаров РСФСР в декрете от второго августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» постановил, что каждый гражданин, независимо от половой принадлежности, может поступить в любое высшее учебное заведение. В целях повышения процента вовлеченности женщин в промышленное производство 22 февраля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял решение «О броне для девушек во втузах, техникумах и рабфаках».

Молодая советская власть позаботилась также о достижении равноправия между мужчинами и женщинами в сфере материального обеспечения. В сторону увеличения были изменены тарифы оплаты женского труда. Двадцать седьмого октября 1918 г. Народный Комиссариат Труда издал Постановление № 830 «О руководстве к новым ставкам заработной платы, указанным в декрете “О заработной плате рабочих и служащих в Советских учреждениях”». В этом документе было законодательно закреплено равенство оплаты труда мужчин и женщин. В «Декрете о тарифах», принятом Советом Народных комиссаров РСФСР от 17 июня 1920

---

³²⁰ *Гогиберидзе Г.М.* Роль этнонационального диалога в условиях становления культуры мира // Современное состояние и сценарии развития Юга России: мат-лы науч.-практ. сем. Объед. отдела соц.-политич. и экономич. проблем южных регионов ЮНЦ РАН. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2006. С. 132–136.

г., был утвержден принцип равной оплаты за равный труд: «всем рабочим и служащим, выполняющим постоянную работу, заработок их выплачивается ежемесячно в два срока, 15 числа и в предпоследний день каждого месяца»³²¹.

Оценивая первые результаты работы в области прав и свобод женщин, В.И. Ленин отмечал, что «ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины половины того, что сделала Советская власть в первые месяцы своего существования. В области законодательства мы сделали все, что от нас требовалось для уравнения положения женщины с положением мужчины, мы по праву можем этим гордиться. Положение женщины в Советской России теперь таково, что является идеальным с точки зрения самых передовых государств»³²².

Политика эмансипации женщин в стране Советов соответствовала идеологии партии, для которой женщина должна была стать активной участницей строительства нового социалистического общества. Таким образом, процесс эмансипации женщин, сознательно запущенный советским правительством сразу после победы революции, способствовал формированию образа свободной, независимой женщины,

---

³²¹ Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР. Общее положение о тарифе. URL: <http://istmat.info/node/42025> (дата обращения: 23.01.2018).

³²² Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/lenin4r.htm> (дата обращения: 24.01.2018).

для которой цели и задачи правящей партии должны были стать неотъемлемой частью ее жизни.

Следует отметить, что серьезные изменения в социальном статусе женщин в первой половине XX в. произошли не только в Стране Советов, но и в Европе. Европейские женщины также становятся более свободными и независимыми. Они, наравне с мужчинами, могли «водить автомобили... ходить в театры и рестораны без обязательного прежде спутника-мужчины»³²³. Изменившаяся социальная роль и положение европейской женщины нашли отражение и в ее внешнем облике: именно в этот период входит в моду стиль *garçonne* (стиль гарсон), благодаря которому француженки провозгласили: «*A present la poitrine n'est pas à la mode*» – «грудь теперь не в моде»³²⁴. Дух свободы и равенства проник не только в мироощущение советской и европейской женщины, но и в ее представления о собственном внешнем виде, имидже, образе. Европейские женщины окончательно отказываются от использования корсетов, из моды уходят сложные прически и большие шляпы. Основными критериями нового стиля, подчеркивающего равноправие мужчин и женщин, стали практичность, простота и целесообразность. Рубашка-платье становится ярким выразителем этой идеи. «Совершенно прямые рубашки-платья, – отмечает «Журнал для хозяек» за 1925 г., – можно было надеть как угодно, хотя бы и задом на-

---

³²³ Ермилова Д.Ю. История домов моды. 2-е изд. М.: Академия, 2014.

³²⁴ Журнал для хозяек. 1925. № 11. С. 3–6.

перед. Это было по покрою безразлично»³²⁵. На протяжении 1920-х гг. длина юбки постоянно менялась: «Если в начале 1920-х годов модные портные предлагали свободные платья с заниженной талией длиной до щиколотки, то к середине десятилетия юбки укоротились до колена, а к концу 1920-х – поднимались иногда даже выше»³²⁶.

Практичность и простота моды этого периода оказали влияние и на женскую прическу – короткая стрижка и маленькая шляпка-колокол, надвинутая на глаза. Тем не менее, эта сдержанность нового модного стиля оттенялась орнаментом и декором из вышивки, перьев и другими яркими аксессуарами. Абстрактный орнамент в одежде был одним из самых популярных. В 20-е – 30-е гг. XX в. женская мода тесно взаимодействует с авангардным искусством. В результате плодотворного сотрудничества художников-авангардистов и дизайнеров появлялись новые декоративные аксессуары и орнаменты на тканях, предназначенных для пошива женских костюмов.

В молодой стране Советов пристально следили за изменениями в европейской женской моде. Стоит отметить, что «исторически мода в странах Восточной Европы, в том числе и в России, была ориентирована на французские и английские образцы»³²⁷. Простота и функциональность стиля

---

³²⁵ Там же. С. 22.

³²⁶ Ермилова Д.Ю. История домов моды. 3-е изд. М.: Академия, 2016.

³²⁷ Пешкова Ю.Н., Платонова А.А. «Журналы мод» в Стране Советов: 1920-е

гарçonне завоевали популярность у советских женщин, которые только что приобрели небывалые права и свободы в новом обществе. В рассказе «Гадюка» А.Н. Толстой одним штрихом точно отразил атрибуты нового модного стиля: «Зотова явилась на службу в черном, с короткими рукавами, шелковом платье, в телесных чулках и лакированных туфельках: каштановые волосы ее были коротко подстрижены и блестели, как чернобурый мех»³²⁸.

Несмотря на некоторое влияние европейской моды, послереволюционный период можно назвать одним из самых творческих и ярких в формировании и становлении образа советской женщины. Именно в это время появилась целая плеяда талантливых женщин-конструкторов и художников нового женского костюма. Такие выдающиеся мастера, как Надежда Ламанова, Любовь Попова, Александра Экстер, Елизавета Якунина, внесли значительный вклад в развитие советской женской моды. Они были не просто портными или модельерами, а истинными художниками, создателями нового образа советской женщины – женщины-активистки, женщины-ударницы.

Поиск нового свободного стиля, который стал выразителем образа советской женщины, был обращен к соединению элементов народного стиля с авангардистскими идеями

годы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (16). С. 38–44.

³²⁸ Толстой А.Н. Гадюка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/1538/p.5/index.html> (дата обращения: 24.01.2018).

конструктивистов. Соединение авангарда с народными мотивами для советских художников и модельеров было одним из приоритетных направлений в легкой промышленности 1920-х – 1930-х гг. Представительница ситценабивной фабрики из Москвы в журнале «Искусство одеваться» в 1928 г. писала: «Задача нашего производства – создать новый костюм, который был бы красив, изящен и прост в том смысле, что в нем не будет ничего кричащего и порнографического»³²⁹.

Таким образом, стиль советской работницы можно охарактеризовать как «компромисс между большевистской утопией и противостоящей ей западной культурой»³³⁰. В молодой стране Советов под воздействием коренных социально-политических преобразований и утверждения новых мировоззренческих позиций, начинает формироваться образ советской женщины – социально активной, свободной, подчеркнута независимой. Этот образ соответствовал революционной идеологии, которая предполагала абсолютное равенство женщин и мужчин. Новое положение, новый статус женщины, уготовленный революционными преобразованиями, кардинально изменил ее социальную роль и предназначение, которое было сформировано столетиями в прежнем патриархальном обществе. Именно революционные события

---

³²⁹ *Искусство одеваться*. 1928. № 1. С. 3–8.

³³⁰ *Барлетт Дж. Fashion East: призрак, бродящий по Восточной Европе*. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

1917 г. способствовали трансформации образа скромной и покорной хранительницы домашнего очага в образ женщины-активистки, ударницы социалистического труда и созидательницы общества равноправных граждан.

Русская революция в оккупационной пропаганде Германии и Румынии 1941–1945 гг

Грибков И.В.

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения образов Октябрьской революции и Февральской революции в русской оккупационной прессе в период 1941–1945 гг. Рассматриваются попытки использования «революционных» образов в антисоветской пропаганде.

Ключевые слова: революция, Великая Отечественная война, периодическая печать, пропаганда, оккупация, коллаборационизм, большевизм, социализм.

THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE OCCUPATIONAL PROPAGANDA OF GERMANY AND ROMANIA 1941-1945

Gribkov I.V.

Abstract. The article is devoted to the problem of

reflecting the images of the October Revolution and the February Revolution in the Russian occupation press in the period 1941–1945. Attempts are being made to use "revolutionary" images in anti-Soviet propaganda.

Key words: revolution, Great Patriotic War, press, propaganda, occupation, collaborationism, Bolshevism, socialism.

История знает немало примеров, когда события далекого прошлого, или образы этих событий, проявляются с самой неожиданной стороны в настоящем. Иногда это происходит неосознанно, «прорастая» в народном сознании, но чаще образы прошлого вызываются целенаправленно для реализации сиюминутных целей и задач. Изучение и деконструкция подобных процессов способствуют очищению исторической науки от мифов. Ограждению ее от фальсификаций.

Данная статья посвящена использованию образа «революция» в информационном пространстве оккупированных территорий в 1941–1945 гг. нацистами и их пособниками. До сих пор этот период окружен немалым количеством мифов.

Одним из самых «живучих» в советский период был миф о якобы имевших место нацистских планах восстановления монархии в оккупированной части СССР³³¹. Аналогичным мифом, который подчас тиражируется и рядом современных исследователей, стала идея о том, что оккупационная и кол-

---

³³¹ Подробнее см.: *Жуков Д. [А.] «В обозе германской армии следует “Русский царь” ...».* Советская пропаганда о «монархических планах» нацистов // *Эхо войны* (Москва). 2013. № 1 (5). С. 2–5.

лаборационистская пропаганда носила резко негативный характер по отношению к социализму и революции, в том числе к Российской революции 1917 г. Аналогичная ситуация с термином «социализм».

Необходимо помнить, что господствующей идеологией в Германии был национальный социализм, поэтому антисоциалистические материалы базировались на тезисе о существовании в Германии «правильного» национального социализма и «неправильного» интернационального социализма в Советском Союзе. Социалистические идеи были якобы «извращены евреями»³³², что и привело к дискредитации идеи «истинного» социализма.

Сам термин «революция» также не носил *a priori* негативного характера в оккупационной и коллаборационистской пропаганде; то же можно сказать и о термине «социализм». Наоборот, противостояние «правильных» революции и социализма «неправильным» было одним из столпов пропаганды. В основе идеологий фашизма и национал-социализма в обобщающем виде лежит известный концепт «консервативной революции». В изображении ее идеологов «консервативная (национальная) революция» основана на экспрессии и брутальности, как и интернациональная (футуристическая) революция, но, в отличие от последней, носит фольклорный, народный характер. Но оба вида революции едины концептуально: им враждебен «обыватель» и свой-

---

³³² Подлинный социализм в Германии // За свободу (Смоленск). 1943. 29 мая.

ственен анонимный террор, образы юности, смерти, мужества, бесстрашия, бунта³³³. Эти же идеи мы видим на страницах коллаборационистских изданий: фашизм³³⁴ и нацизм³³⁵ представлялись как подлинно революционные движения.

Образ Революции, безусловно, был одним из важнейших факторов в советском обществе. В контексте нашего очерка отметим, что образ революции выполнял для советского общества накануне и в начальный период Великой Отечественной войны 3 основные функции. Во-первых, это легитимация и легализация действующего режима в глазах населения. Во-вторых, революционные образы и практики служили основой пропаганды и довоенной идеологии. Важно, что именно эта функция лежала в основе «революционного пафоса», столь важного, прежде всего, для молодого поколения, в том числе таких легендарных его представителей, как герои-краснодонцы («Молодая гвардия»). В-третьих, революция была основополагающим элементом социальных бенефициаров так называемых «завоеваний революции». Даже признанные идеологи антисоветской эмиграции признавали³³⁶, что значительная доля советского общества выигра-

---

³³³ *Молер А.* Фашизм как стиль. Новгород: Толерантность, 2007. С. 14–15, 22–23.

³³⁴ 20 лет фашистской революции // Одесская газета (Одесса). 1942. 29 октября.

³³⁵ *Крафт А.* 11 лет национал-социалистической революции // Молва (Одесса). 1944. 11 января.

³³⁶ *Редлих Р.* Советское общество. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972. С. 33–

ла от революции, стала социальными бенефициарами советской внутренней политики или получила определенные выгоды от сотрудничества с режимом.

Таким образом, перед оккупационной и коллаборационистской пропагандой, и, прежде всего, периодической печатью, стояло две основные задачи: нейтрализация «революционного пафоса» (то есть выбивание краеугольного камня советской идеологии и пропаганды); присвоение «завоеваний революции» (не допустить активного отторжения «нового порядка» со стороны социальных бенефициаров советского режима).

В периодической печати можно, в связи с этим, выделить 4 основных концепта.

1. Противопоставление «народной революции» «узурпаторам революции»³³⁷. Критика советского режима проводилась и с помощью таких знаковых революционных фигур, как Владимир Маяковский. К очередной годовщине гибели поэта многие газеты опубликовали на своих страницах очерки о нем. В основном это были перепечатки статьи в газете «Заря» или переработанные очерки. Идеализированный образ В. Маяковского представлялся, прежде всего, борцом с советской (или сталинской) бюрократией, с монополией ВКП(б) на культурную политику. Авторы доказывали, что Маяковский стремился к «истинному социализму,

который был построен в Германии», а не к казарменной системе Сталина³³⁸. Декларировался отказ истинных революционеров от постреволюционной действительности: «Маяковский оборвал свою жизнь потому, что увидел, что является жертвой ложной идеи... Трагедия Маяковского – трагедия целого поколения советских людей, слепо шедших за Лениным и убедившихся, что они обмануты его преемниками»³³⁹. Однако чаще продвигалась идея борьбы абстрактного народа с конкретной (сталинской) властью³⁴⁰.

2. Извращение идей революции антинародными элементами. Прежде всего, евреями. «Каторжный социализм» (термин, взятый по названию одной из пропагандистских брошюр и повсеместно использовавшийся в оккупации) был навязан России в результате Октябрьской революции 1917 г., которая «являлась целиком делом рук евреев», которые использовали искренние чаяния народа³⁴¹. Формальные завоевания Октябрьской революции критике не подвергались, но подчеркивалось, что «народ был обманут», а результаты революции были «извращены евреями». Октябрьская революция разрушила старую Россию, которая «словно молодой многообещающий

---

³³⁸ *Маринин Н.* Владимир Маяковский // Заря. 1943. 14 апреля.

³³⁹ *Казанский Вяч.* Владимир Маяковский // Новое слово (Берлин). 1944. 11 октября.

³⁴⁰ *Софинская Л.* Две революции // Молва (Одесса). 1943. 21 января.

³⁴¹ *Русская или еврейская революция?* // Новый Путь (для эвакуированных) (Барановичи). 1944. 19 апреля.

атлет... легко мчалась вперед», разорвала исторические связи с Европой, «уничтожила русскую культуру»³⁴². Отмечалось, что эксцессы революции были лишь одним из проявлений «жажды к разрушению» и уничтожению, присущей именно большевикам. Неспособные к созидательной работе, они после победы в гражданской войне «над русским народом» принялись уничтожать друг друга³⁴³. Кроме того, отмечалось, что с самого начала установления советского режима была создана система «ЧК-ГПУ-НКВД ... кровавого органа ленинско-сталинской власти»³⁴⁴, которая должна была стать единственной опорой режима. Отношение к дореволюционной России со стороны оккупационных пропагандистских структур было сдержанным, а на местах во многом зависело от личных предпочтений редактора или автора статьи. Характерным примером можно назвать позицию к расстрелу царской семьи в 1918 г. Оно осуждалось не как цареубийство, что могло быть истолковано как симпатии к монархии, а, скорее, как убийство незащитных женщин и детей³⁴⁵.

3. Из предыдущего логично вытекал концепт сохранения всех истинных «завоеваний революции» и

---

³⁴² Чубов В. Разгром интеллигенции большевизмом // За свободу (Смоленск). 1943. 26 марта.

³⁴³ Борьба в компартии и уничтожение «ленинской гвардии» // Информационный листок Добровольческих частей. 1944. 1 августа.

³⁴⁴ Колосс на глиняных ногах // Утро Кавказа (Ставрополь). 1942. 20 декабря.

³⁴⁵ Февр Н. Годовщина екатеринбургского злодеяния // Новое Время (Вязьма). 1942. 1 августа.

«правильное» перераспределение их. Для оккупантов было важным подчеркнуть, в связи с этим, два тезиса:

а) преимущества социалистического строя и завоеванные в ходе революции блага никак не связаны с большевистской партией³⁴⁶;

б) значительное количество благ было «украдено у народа», следовательно, их необходимо «вернуть народу» путем свержения власти³⁴⁷.

4. Несколько позже, с момента институционального оформления политического коллаборационизма, появляется концепт «наследников революционных традиций». Часть коллаборационистов стремилась трансформировать идеи национал-социализма для «освобожденных территорий», считая, что «революционный национализм» является самой современной и успешной идеологией³⁴⁸. В публичных выступлениях часто провозглашалось, что «идеи национал-социалистической Германии и идеи Новой России едины» (Б. Каминский)³⁴⁹. К концу войны ориентация на национал-социалистические установки была практически полная, в том числе со

---

³⁴⁶ Г.А. Наука и революция // Труд (Берлин). 1943. 10 января; *Филистинский Б.* Украденная революция // Труд (Берлин). 1944. 12 ноября.

³⁴⁷ Кровавый Октябрь. 27-я годовщина жидо-большевистской революции в России // Голос Правды. 1944. 9 ноября.

³⁴⁸ *Поляков К.* В ногу с духом времени // Казачий вестник (Прага). 1942. 1 февраля.

³⁴⁹ С Великой Германией – на вечные времена! // Голос народа (Локоть). 1942. 10 октября.

стороны изданий, декларировавших себя как «органы Русского освободительного движения»³⁵⁰. Значительно меньшее внимание русские газеты уделяли фашизму, который, тем не менее, назывался «предвестником нового творческого порыва, который положил начало будущему возрождению»³⁵¹. Цели «власовского движения» были громкими, но декларативными, абстрактными и непонятными широким слоям населения: «движение генерала Власова является продолжением национальной революции и ее завершением в истинных интересах народа»³⁵². Местные газеты публиковали краткое содержание документов и воззваний, которое сводилось к «защите Отечества от большевизма, строительству национального государства без большевиков и капиталистов, завершению национальной революции в интересах русского народа»³⁵³.

Применение подобных концептов должно было способствовать решению трех основных задач:

1) упрощение морального выбора для действующих и потенциальных коллаборационистов;

---

³⁵⁰ Для строительства Новой России нам нужен опыт // Новый путь (п/п № 10792). 1944. 31 октября.

³⁵¹ 20 лет фашизма // Новый путь (Курск). № 95. 1942. Ноябрь.

³⁵² Германская печать о Русском Освободительном Движении // Доброволец. 1943. 4 июля.

³⁵³ Идеиные основы Русского Освободительного движения // За свободу (Смоленск). 1943. 3 апреля.

2) легитимация сотрудничества с оккупационным режимом и коллаборационистскими структурами;

3) теоретически оставляла возможность для части советской элиты пойти на сотрудничество с нацистами в случае поражения СССР.

Противодействие советской пропаганды подобным тенденциям было затруднено, особенно в начальный период Великой Отечественной войны, с одной стороны, причинами идеологического характера (инертность, идеологический догматизм). С другой стороны, население не имело возможности критично относиться к оккупационной и коллаборационистской пропаганде, не могло ее верифицировать.

Однако все вышеназванные аспекты потеряли смысл вследствие двух факторов: начало контрнаступления советских войск и переход советской идеологии и пропаганды на национально-патриотическую аргументацию. Последнее сделало революционные темы второстепенными и неактуальными.

Карикатурное отображение утопических идей Русской революции в романе-антиутопии Е.И. Замятина «Мы». Образ будущего России глазами левого эсера

Каташов А.А.

Аннотация. Е.И. Замятин, основываясь на идеях, поддерживаемых им Левых эсеров, в 1920 г. написал роман-антиутопию «Мы». Роман содержит четкое отражение исторических реалий. Взяв за основу антибольшевистскую концепцию «третьей революции» левых эсеров, Замятин повествует о борьбе повстанцев за т.н. «четвертую революцию», целью которой должно быть освобождение народа от оков Единого государства.

Ключевые слова: Е.И. Замятин, роман-антиутопия «Мы», Гражданская война, левые эсеры, антиутопия, конфронтация политических сил, отражение политики в литературе; образ будущего.

A CARICATURE OF THE UTOPIAN IMAGES OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE ANTI-UTOPIA NOVEL OF Y.I. ZAMYATIN "WE". IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA THROUGH THE EYES OF THE LEFT SR

Katashov A.A.

Annotation. Evgeny Zamyatin wrote "We" in 1920. The novel contains a clear reflection of historical realities. Supporting the ideas of the Party of Left Socialist-Revolutionary Internationalists during the Civil War, Zamyatin reflects ideas in the form of struggle against the "fourth revolution", which is designed to liberate the human person no longer from the shackles of private property (this was achieved by previous revolutions), but from the power of the totalitarian state: a hint at the concept of the "third revolution", the antitotalitarian anti-Bolshevik revolution of the Left Socialist-Revolutionaries and anarchists.

Key words: E. Zamyatin; the dystopian novel "We"; the Civil war; Left SRS; dystopia; Confrontation of political forces, a Reflection of politics in literature; the image of the future.

Евгений Иванович Замятин в своем романе-антиутопии

«Мы» карикатурно показал возможный этап реализации идей Октябрьской революции. Показав предполагаемое общество далекого будущего, он высмеял утопический строй «Единого государства».

Роман-антиутопия, написанный в 1920 г., был издан в СССР лишь в годы Перестройки в журнале «Знамя». Отечественные литературные критики крайне негативно восприняли появление «Мы», посчитав произведение глумлением над идеологией молодой Советской России. Цензуре не по душе пришлось аллюзии на события Гражданской войны и Революции. Во второй половине 1920-х гг. началась травля писателя со стороны органов литературной цензуры³⁵⁴.

Концептуально роман выдержан в виде дневника главного героя – незаурядного математика и инженера, строителя сверхсовременного космического корабля «ИНТЕГРАЛ».

Карикатурное отражение в романе идей Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б))

Общественный строй в романе представлен утопическим Единым Государством – тоталитарным государственным образованием, объединившим под своим началом весь мир. В данном явлении можно увидеть прямую связь с идеями Ком-

---

³⁵⁴ ЛГ. 1929. № 42.

мунистического интернационала.

Третья революция принесла жителям Утопии полную победу над капиталистическим строем и приход к власти «избираемого» на безальтернативной основе Благодетеля, под тотальным контролем которого живет практически весь мир. Что это, если не цель марксизма-ленинизма?

Описываемое в романе абстрактное единое государство способствовало практически полной потере идентичности среди населения. У людей отсутствуют имена, замененные на т.н. номера – индивидуальные коды, по которым люди и обращаются друг к другу при общении. Одежду полностью заменила одинаковая для всех юнифа, а естественные продукты питания – искусственная пища. Часы отдыха проходят за маршем под звуки гимна Единого государства, издаваемые музыкальными заводами. Все сферы общественной жизни находятся под чутким надзором специализированных органов – «Хранителей». Даже дома сделаны стеклянными, чтобы практически целые сутки можно было следить за поведением людей. Шторы можно опустить лишь в определенные секс-часы, когда по взаимной договоренности номера разных полов заранее заполняют страницы в специальной книжке, т.к. институт семьи упразднен.

Гнет и всеобъемлющий контроль над личностью – так видел Замятин будущее Советской России. По мнению писателя замысел «машинизированного» будущего, где в пользу технического прогрессу полностью опускается нравствен-

ное и духовное развитие, сильно вредит обществу, уничтожает человечность такого общества.

В бытности инженером Е.И. Замятин был командирован в Великобританию, где на него произвело огромное впечатление механизированное производство. На основе «механического бытия, доведенного до совершенства» Е.И. Замятин и написал роман «Мы»³⁵⁵.

Соотнеся идеи марксизма-ленинизма, революционную российскую действительность и английское глобальное внедрение машин, крушащиеся на фоне этого всего нравственные и духовные ценности, Замятин смог нарисовать утопическую действительность Единого Государства, основным принципом которого стала несовместимость свободы и счастья.

Отражение идей партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов (левые эсеры)

В антитезу Единому Государству Замятин ставит повстанцев, ведущих борьбу за «четвертую революцию», которая призвана освободить человеческую личность уже не от оков частной собственности (этого добились предыдущие революции), а от власти тоталитарного государства. Тут можно

---

³⁵⁵ Михайлов О.Н. Гроссмейстер литературы (Евгений Замятин) // Замятин Е.И. Мы: Роман, рассказы, повесть. М.: Молодая гвардия, 1990.

четко проследить концепцию «третьей революции», антиталитарной антибольшевистской революции левых эсеров и анархистов. Именно в таком виде нашла отражение в романе политическая ориентация Евгения Ивановича, поддержавшего в годы Гражданской войны идеи Партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов³⁵⁶.

Приведу цитату из текста: «Запись 30-я.

Я вскочил:

– Это немыслимо! Это нелепо! Неужели тебе не ясно: то, что вы затеваете, – это революция?

– Да, революция! Почему же это нелепо?

– Нелепо – потому что революции не может быть. Потому что наша революция была последней. И больше никаких революций не может быть. Это известно всякому...

Насмешливый, острый треугольник бровей:

– Милый мой, ты – математик. Так вот, назови мне последнее число.

– То есть?.. Какое последнее?

– Ну, последнее, верхнее, самое большое.

– Но, I, это же нелепо. Раз число чисел бесконечно, какое же ты хочешь последнее?

– А какую же ты хочешь последнюю революцию? Последней – нет, революции – бесконечны. Последняя – это для детей: детей бесконечность пугает, а необходимо – чтобы дети

---

³⁵⁶ Литература и левые эсеры // Нова Искра. 2014. 10 ноября.

спокойно спали по ночам...»³⁵⁷.

Рассказчик, Д-503, талантливый инженер, живет в постоянном страхе, ощущая себя в плену атактистических желаний. Он влюбляется (а это, конечно, преступление) в некую I-330, члена подпольного движения сопротивления, которой удается на время втянуть его в подготовку мятежа. Вспыхивает мятеж, и выясняется, что у Благодетеля много противников; эти люди не только замышляют государственный переворот, но и за спущенными шторами предаются таким чудовищным грехам, как сигареты и алкоголь.

Революционеры готовят неслыханный по дерзости план – захватить только что построенный «ИНТЕГРАЛ» и направить сопла его двигателей на город. Д-503, одержимый чувствами к I, активно содействует. Однако во время первого полета, когда «ИНТЕГРАЛ» должен перейти в руки Мефи (революционеры), на борту несколько скрывавшихся Хранителей заявляют, что власти в курсе коварного плана. Как только Мефи видят, что им не удастся застать силовиков врасплох, они отменяют операцию.

Неожиданно сам Благодетель удостоивает Д-503 своей аудиенции. Впервые пообщавшись с Благодетелем, герой видит, что это достаточно пожилой и утомленный жизнью, но в принципе не слишком примечательный номер. Очевидно,

---

³⁵⁷ *Замятин Е.* «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / Сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Мирь, 2011. С. 120.

что он – такой же раб системы Единого Государства, как и любой другой, пусть даже формально именно он возглавляет Государство. Как главного инженера, героя щадят и ограничиваются картинным увещанием. Одновременно с этим Благодетель наносит убийственный удар запутавшемуся Д. для I-330 он не был возлюбленным, он использовался только в качестве главного инженера «ИНТЕГРАЛа».

В конечном счете Д-503 удастся избежать последствий своего безрассудного шага. Единое Государство наносит ответный удар, власти объявляют, что причина недавних беспорядков установлена: оказывается, ряд людей страдают от болезни, именуемой фантазия – отныне все население должно подвергнуться «Великой Операции», психосоматической процедуре по удалению (при помощи X-лучей) мозгового «центра фантазии». Прошедшие операцию фактически становятся биологическими машинами.

В свою очередь, Мефи взрывают Зеленую Стену и отключают невидимый купол силового поля. Шокированные широким вторжением дикой природы, множество нумеров впадают в массовый психоз, невообразимую эйфорию. Многие совокупаются, не опуская штор (в знак презрения к закону Сексуального Часа).

Д-503 подвергается операции, после чего ему легко совершить то, что он всегда считал своим долгом, то есть выдать сообщников полиции. В полном спокойствии наблюдает он, как пытаются I-330 под стеклянным колпаком, откачивая из-

под него воздух.

«Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла, смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда ее вытащили, с помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза – и она все-таки не сказала ни слова. Другие, приведенные вместе с этой женщиной, оказались честнее: многие из них стали говорить с первого же раза. Завтра они все взойдут по ступеням Машины Благодетеля»³⁵⁸.

Единое государство победило революционные идеи, главные бунтари были казнены, и все встало на круги своя.

Соединив в своем романе идеологию марксизма, реалии эпохи Октябрьской революции и Гражданской войны в России, а также свое ощущение от механизированной Англии Евгений Иванович Замятин написал возможный образ будущего Советской России. Его произведение восприняли как насмешку и не стали публиковать, а сам Замятин в скором времени эмигрировал.

Делая вывод, хочу сказать о том, что во все времена революционные события всегда влияли на творчество. Наша история знает множество писателей и поэтов, в творчестве которых ярким пятном отразились идеи революции.

Может быть, если бы Замятин не поддерживал в 20-е гг. XX в. левых эсеров, то он бы написал «Мы» совершенно по-другому. А был бы этот роман написан вообще? На этот во-

---

³⁵⁸ Замятин Е. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. С. 563.

прос мы не найдем ответа.

Роман-антиутопия «Мы» имел влияние на творчество и Олдоса Хаксли, и Джорджа Оруэла, создавших популярнейшие антиутопии XX в.³⁵⁹

---

³⁵⁹ Оруэлл Дж. Рецензия на «Мы» Е.И. Замятина // Оруэлл Дж. Скотный Двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии / Пер. с англ. А. Шишкина. М.: Известия, 1989.

Н. Бердяев: правда и ложь Великой русской революции

Короткий Г.А.

Аннотация. Статья посвящена рецепции русским философом Николаем Бердяевым революции 1917 г. Автор полагает, что бердяевский анализ причин революционных событий и постреволюционной ситуации представляет интерес сегодня, когда вопрос об их объективной интерпретации сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: Русская революция, Николай Бердяев, причины Октября, коммунистический проект, пост-революционная ситуация.

N. BERYAEV: THE TRUTH AND LIES OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

Korotkiy G.A.

Abstract. The article is devoted to the reception of the Revolution of 1917 by Russian philosopher Nikolai Berdyaev. The author supposes that Berdyaev's analysis of the causes of the revolutionary events and the post-

revolutionary situation is interesting today, when there is a problem of the objective interpretation of them. And this problem remains valid.

Key words: Russian revolution, Nikolai Berdyaev, Red October causes, Communist project, post-revolutionary situation.

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые
Его призывали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Тютчев Ф.И. «Цицерон»

Волей судьбы один из самых известных русских философов Николай Александрович Бердяев оказался непосредственным свидетелем и даже участником происходивших в России революционных событий. Размышления на тему русской революции впоследствии займут важное место в его творчестве. А проведенный философом исторический анализ причин, успехов и неудач Великой Революции до сих пор не утрачивает актуальности.

Осмысление Бердяевым происходящего облегчал тот факт, что со многими революционными деятелями той эпохи (А.В. Луначарским, Л.Б. Каменевым, А.А. Богдановым, Г.В. Плехановым) он был знаком лично. Много общался с ними и спорил. В разные жизненные периоды он то участвовал в марксистском движении, то вставал по отношению к

нему в непримиримую оппозицию. Частую смену своих политических взглядов он объясняет принципиальной адогматичностью своей мысли, при этом настаивая на том, что эти колебания отражают трудный путь интеллектуального исследования и духовного самопознания, замечая, что он сожалеет о людях, которым всегда «изначально все ясно»... А такие есть в каждом из политических лагерей.

Надо думать, что в сегодняшних общественных «сражениях» за интерпретацию или переинтерпретацию событий 1917 г. мнение философа тоже имеет вес.

Первоначально русская революция осуждается Бердяевым за непатриотичность и декларируемый антивоенный пафос. Красный Октябрь для него – непосредственный продукт «розового» Февраля. Торжество темной народной массы, охваченной несбыточными мечтами о всеобщем равенстве. Однако переход к такому равенству на практике означал бы крах российской культуры и государственности, которые для своего существования требуют известной доли неравенства. Культура же, вообще, – принадлежность элитарных кругов, являющихся ее творцом и хранителем.

Такая позиция высказывалась мыслителем еще до войны в знаменитом сборнике «Вехи», который уже в год своего появления выдержал три переиздания. Тогда Бердяев писал, что русская интеллигенция вместо того, чтобы народной стихии противостоять, подвела себя под «господство народолюбия и пролетаролюбия, поклонение народу, его пользе, и ин-

тересам... Атеистичность ее сознания есть вина ее воли, она сама избрала путь человекопоклонства и этим исказила свою душу, умертвила в себе инстинкт истины»³⁶⁰.

В 1917 г. «в той тирании и том абсолютном уравниении, которыми увенчалось “развитие и углубление” русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции»³⁶¹.

Впрочем, по прошествии лет, проведенных в эмиграции, революция начинает видеться Бердяеву уже в новом свете. Начинается процесс ее переосмысления. В философе пробуждаются чувства его юности, когда он преподавал в рабочих кружках. Теперь, например, он неожиданно открывает, что «трудно понять тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду ее насилия и крови и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает еще больше насилия и пролила еще больше крови»³⁶².

Постепенно он приходит к мысли, что крайне наивно полагать, что революционный переворот произошел на пустом месте и не имел под собой глубоких исторических причин.

---

³⁶⁰ Сборник «Вехи». Москва, 1909. [Электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru/bez-avtora/book/134344-vehi-sbornik-statey-o-russkoy-intelligencii/#toc2> (дата обращения: 11.11.2017).

³⁶¹ Бердяев Н. Духи русской революции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html> (дата обращения: 12.10.2017).

³⁶² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 153.

Вот главные из них, согласно Н. Бердяеву.

Российская империя веками была особой «милитаризованной» страной, в которой роль государства была крайне гипертрофированна.

Ясно осознавали это немногие. Вначале собирание русских земель в Московское царство шло под знаком сопротивления кочевникам. Затем государство сделалось хранителем истинной веры. Защитником от всяческой коррозии и порчи.

«Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования Московского царства»³⁶³. Иван Грозный рек, что царственный долг самодержца спасти души своих подданных.

Петр, в принципе, придерживался той же позиции. Народ должен жить и работать ради государства. Во имя построения великой империи, ни в чем не уступающей западным аналогам. Социальные классы же оказывались не просто подчиненными государству, но даже образовались по его велению, исходя из государственных соображений, отсюда – промышленная политика Петра, формирование Иваном Грозным дворянства, прикрепление к земле крестьян. Даже в XIX в. государственное чиновничество, в соответствии с расписанной Табелю о Рангах, а не купцы или заводчики, было истинным правящим классом.

При этом высший класс все больше «варился в своем

---

³⁶³ Там же. С. 9.

соку», отдаляясь от народа. Он быстро образовал внутреннюю продвинутую культуру, стоящую вровень с европейской, тогда как толпы простонародья в лучшем случае «образовывались» в четырехлетних церковно-приходских школах. И продолжали пребывать во тьме суеверий. «...Их [чиновно-дворянская] культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык был совершенно чужд народу-крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»³⁶⁴.

Роскошь дворянских усадеб, балы, изящный французский, пажеский и кадетские корпуса, университеты – все это крестьянам было недоступно. Их дело было – работать, работать и работать, пока последние силы не оставят тело, чтобы содержать это великолепие, плюс уже проржавевшую государственную машину, нуждающуюся в непрерывной финансовой смазке. Исключения в данном случае лишь подтверждают общее правило.

Экономические реформы царской администрации, проводившиеся С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным, сословное противостояние не ослабляли. Русский народ меньше всего был для правителей «источником власти», он был смиренным верноподданным. И такое положение рано или поздно должно было вызвать недовольство у активной его части.

Революция в большей степени была не социально-экономическая, а антисословная. Экономические трудности могли и потерпеть, лишь бы выбить верхи из господства. Ведь

---

³⁶⁴ Бердяев Н. Указ. соч. С. 158.

до революции «в жизни – если не экономически, то морально – господствовал “барин”»³⁶⁵.

В реальности революция – это бой представителей высших и низших сословий. И в ходе его симпатии народной массы в любом случае были не на стороне господ («кадетов»). Тогда как радикалов-большевиков «чернь» воспринимала как «своих» при всех эксцессах со стороны последних.

Красная диктатура, размышляет Бердяев, «оказалась также диктатурой и над крестьянством, и она совершала жестокие насилия над крестьянами, как то было при насильственной коллективизации, при создании колхозов. Но насилие над крестьянами совершалось своими людьми, вышедшими из народных низов, не барями, не привилегированной “белой костью”. Крестьянину больше не говорят “ты”, а если говорят, то и он может говорить “ты”»³⁶⁶.

Другая основополагающая причина революции – неразрешенный земельный вопрос, который, как бич, преследовал Россию со дня отмены крепостного права, когда значительная часть сельскохозяйственных угодий осталась в руках прежних владельцев. Бердяев приписывает крестьянской мысли довольно сложную логику. Крестьяне могли терпеть существование поместий, пока сами дворяне служили Государю, как это было изначально в российском милитаризованном обществе. Но уже после подписания «Указа о

---

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Бердяев Н. Указ. соч. С. 158.

вольности дворянства» дворяне от государственной службы освобождались, тогда как крестьяне продолжали оставаться в их подчинении.

Оснований, почему часть земли даже после реформы 1861 г. должна принадлежать дворянству, крестьяне не видели. «Существование огромных латифундий... – настаивает философ – принадлежащих небольшой кучке магнатов, психологически и морально вызывало в крестьянстве возмущение и протест, тем более что русские бары обыкновенно сами хозяйством не занимались»³⁶⁷.

Так рождается идея «черного передела»³⁶⁸ – изъятия уже всей помещичьей земли и раздела между теми, кто ее обрабатывает. Если первоначально эту идею принимают очень немногие, имеет малое значение. Со временем в сознании она укрепилась. Этому помогли и революционеры-народники.

Потом она «выстрелила». Крестьяне жгли помещичьи усадьбы без угрызения совести. Расправу над барями почитали чуть ли не справедливой.

Наконец, философ полагает, что революция имела и еще один, духовный исток. Она прекрасно ответила каким-то глубинным, мистическим чаяниям народа. Это тема наиболее тонкая, но о ней тоже стоит упомянуть. Без нее русская революция теряет свой объем и размерность.

---

³⁶⁷ Там же. С. 159.

³⁶⁸ Там же.

Русская революция в воображении тех, кто ее делал, должна была принести на землю Высшую Правду. По вдохновению замысла она сопоставима только с Французской. Единственное исключение – «русским несвойственна риторика и театральность, которых так много было во Французской революции»³⁶⁹. Вся описанная русскими писателями-классиками пошлость и мерзость старой России должна быть смыта, и на очищенном пространстве построено светлое общество будущего, в котором о прошлом будут вспоминать лишь с содроганием.

Как видим, тут речь уже не идет о человеческой истории как борьбе экономических классов, к которой марксисты все редуцируют... Не о низкой прозе жизни... О чем-то большем... Почти религиозном... Бердяев настаивает: именно религиозном: «Миссия русского народа сознается как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире»³⁷⁰. Все это вполне соответствовало мессианским устремлениям Русского Духа.

В практическом плане справедливость понималась так, что «пролетариат должен бороться против овеществления человека, против дегуманизации хозяйства, должен обнаружить всемогущество человеческой активности»³⁷¹. По крайней мере, так декларировалось.

---

³⁶⁹ Бердяев Н. Указ. соч. С. 160.

³⁷⁰ Там же. С. 172.

³⁷¹ Там же. С. 114.

Суммируя все это, становится понятным, – пишет Бердяев – что Временное Правительство имело мало шансов удержаться у власти.

Керенский был человеком умеренных принципов и не чувствовал настроения масс. Их возрастающего недовольства теми робкими изменениями, которые произошли в феврале. Масса хотела намного большего. Окружение Керенского же возлагало надежды на Учредительное собрание, идее которого было доктринерски предано. И в нарастающей атмосфере разложения и хаоса желало из благородных чувств продолжать войну до победного конца. (Фактически оно и продолжало войну «до конца», но конца своего).

Бердяев: «Солдаты готовы были бежать с фронта и превращать войну национальную в войну социальную»³⁷².

Шли непрерывные митинги. Народное сознание было настолько «разогрето» в течение 1917 г., что просто так успокоиться оно не могло. Жизнь не могла просто так вернуться в привычное русло.

В таких условиях восстановить в стране порядок могла только диктатура. Но диктатура: какая? Правая или левая?

Правая диктатура могла только обуздать массы. Так сказать, «загнать разнузданную чернь обратно в подвалы». Воодушевить народ и возглавить правая диктатура не могла.

Ленинская диктатура же парадоксальным образом оказывается способной «дать взбунтовавшимся массам... лозун-

---

³⁷² Бердяев Н. Указ. соч. С. 163.

ги, во имя которых эта масса согласилась бы организовать-ся и дисциплинироваться»³⁷³. Эти лозунги становятся теми «магическими» символами, способными воздействовать на народное сознание. Другие слова в тот момент не действовали. А о «сбыточности» или «несбыточности» большевистских лозунгов говорить уже не приходилось... Они – работали.

Главный вопрос вызывают не причины, а итоги революции. Они – действительно неоднозначны.

Улыбка истории заключается в том, что весь более чем вековой революционный освободительный дискурс завершился созданием еще одного супер-жесткого бюрократического государства, по суровости внутреннего распорядка даже кое в чем превосходящего монархию.

Основная проблема этого режима – полагает Бердяев – даже не экономическая или политическая, но духовная. Свобода духа, права личности здесь так легко отрицаются, словно экономические успехи, сытость, возрастание державного могущества могут их заменить. Особенно это воспевание великого государства усилилось в сталинское время, когда оно стало воспеванием в буквальном смысле.

Сталин – как это выглядит из заграницы – действительно добивается экономических и социальных успехов. Реализует пятилетний план, проводит индустриализацию, элементарно цивилизует жизнь рабочих и крестьян, открывая им до-

---

³⁷³ Там же.

ступ к образованию, к занятию государственных и партийных должностей.

«Аграрная революция означает конец цивилизации, основанной на господстве дворян в бытовой жизни, дворянского стиля»³⁷⁴.

Но отныне «индивидуальный человек рассматривается как кирпич, нужный для строительства коммунистического общества;

он есть лишь средство»³⁷⁵.

Вполне верная идея, что человек призван в соединении с другими организовывать социальную и космическую жизнь, грубо искажается. Конкретный человек становится орудием в руках государства, которое обучает его для своих целей, формирует сознание, а потом задействует на том фронте работ, который почтет нужным.

В итоге Человек, как независимая мыслящая единица, становится единицей, полностью от государства зависящей и полностью ему подчиненной. (Его «освобождение от экономического рабства» оборачивается еще более тотальным подчинением. Теперь он уже должен не только послушно работать, но и послушно чувствовать и думать.) В таком советском подходе к человеку нет ничего нового. Все это Россия хорошо знает, и все это она уже не раз проходила.

Коммунизм периода так называемой «реконструкции» –

---

³⁷⁴ Бердяев Н. Указ. соч. С. 158.

³⁷⁵ Там же. С. 179.

вполне правомерное продолжение абсолютизации государства Иваном IV и петровской насильственной модернизации старой Руси. «Ленин не был еще диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном, фашистском смысле... Одна безобразная инсценировка советских процессов, на которых обыкновенно всегда в одной и той же форме каются, может внушить отвращение ко всей системе»³⁷⁶.

Но ошибка думать, что Сталин внес в марксизм-ленинизм какую-то аберрацию... Отнюдь нет. Он всего лишь верный продолжатель ленинского дела, как он и сам не раз заявлял. «Коммунистическая революция воспользовалась в свое время анархическими инстинктами, но она пришла к крайнему этатизму...»³⁷⁷. И этот этатизм совпадает с ленинскими планами, с его учением о диктатуре пролетариата, от которого он не собирался ни сном, ни духом отказываться. То есть Сталин действительно продолжатель. Вершитель и надзиратель коммунистического проекта, в котором главное – «учет и контроль»³⁷⁸.

Ленинская тайна (почему он направил страну именно по такому пути?) – полагает Бердяев – заключается в том, что в глубине души знаменитый марксист никогда не верил в

---

³⁷⁶ Бердяев Н. Указ. соч. С. 172–173.

³⁷⁷ Там же. С. 167.

³⁷⁸ Ленин В. Государство и революция. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/lenin/lenin007.htm> (дата обращения 12.10.2017).

человека. Философ пишет: «Ленин не верил в человека, не признавал в нем никакого внутреннего начала, не верил в дух и свободу духа. Но он бесконечно верил в общественную муштровку человека, верил, что принудительная общественная организация может создать какого угодно нового человека, совершенного социального человека, не нуждающегося больше в насилии»³⁷⁹.

При внимательном чтении это можно вычитать уже в его первой программной работе «Что делать?».

Но можно ли такими темными методами сотворить нечто светлое?

---

³⁷⁹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 149.

Современное восприятие революционных событий 1917 г

Лавицкая М.И., Буреев А.А.

Аннотация. В статье авторами констатируется актуальность революционных событий 1917 г. для российского общественного сознания и преждевременность заявлений о национальном примирении по этому вопросу. Сделан вывод о некорректности использования методов экстраполяции и моделирования при применении пропагандистского подхода к исследованию революции 1917 г. и о необходимости эволюционного развития страны, базирующегося на историческом опыте, осмысленном в рамках научного подхода, что позволит принимать более эффективные политические решения в современной России.

Ключевые слова: революция 1917 г., историческое моделирование, экстраполяция, научный подход, пропаганда, эволюционное развитие, альтернативная история.

MODERN PERCEPTION OF REVOLUTIONARY EVENTS 1917

Lavitskaya M.I., Bureev A.A.

Abstract. In the article the authors state the relevance of the revolutionary events of 1917 for the Russian public consciousness and the prematureness of statements on national reconciliation on this issue. There is the conclusion that the use of extrapolation and modeling methods, which are applied to the propagandistic approach to the investigation of the 1917 revolution, is incorrect. There is a need for an evolutionary development of the country based on historical experience that is meaningful within the framework of a scientific approach that will allow making more effective political decisions in modern Russia.

Keywords: Revolution of 1917, historical modeling, extrapolation, scientific approach, propaganda, evolutionary development, alternative history.

Столетие революционных событий в России, актуализировавшее интерес российского социума к периоду правления последнего русского императора, дает основание полагать, что далекими событиями прошлого, вызывающими нейтральную реакцию, они так и не стали. Судя по эмоциональному накалу, сопровождающему рассуждения на эту тематику, обилию сетевых публицистических материалов, ряд

из которых весьма высокого уровня³⁸⁰, антагонизм в современном российском обществе по поводу причин и последствий крушения Российской империи, республики и установления советской власти по-прежнему сохраняется, а все попытки его преодоления на данный момент не являются удачными. В этой связи нам кажутся преждевременными заявления о «восстановлении связи времен, примирении бывших классовых противников и политических антиподов»³⁸¹ (В.А. Михайлов).

Усиление и поддержание неослабевающего интереса представителей исторической науки и общественности к революционным событиям 1905 г. и особенно 1917 г. обусловлено несколькими факторами, перекликающимися с харак-

---

³⁸⁰ Это было отмечено представителями академической науки: М.А. Липкин и Д.С. Секиринский пришли к выводу, что «развитие публичной (популярной) истории в сети интернет является естественным процессом, отражающим рост интереса к этой области знаний, и требует не противопоставления, а установления диалога между сетевым сообществом энтузиастов-блогеров и академическим сообществом историков». См.: *Липкин М.А., Секиринский Д.С. История и киберпространство: расцвет цифровой культуры или «конец истории»? // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2015. № 5 (38). [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24398903> (дата обращения: 20.09.2017).*

³⁸¹ Данный тезис был высказан д.и.н., профессором, лауреатом премии президента РФ «За вклад в укрепление единства российской нации» В.А. Михайловым в ответной речи при награждении. См.: Владимир Путин вручил госнаграды в Кремле // Российская газета. 2017. 4 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/11/04/v-den-narodnogo-edinstva-vladimir-putin-vruchil-gosnagrady-v-kremle.html> (дата обращения: 04.11.2017).

терными мотивами, лежащими в основе фундаментальных и прикладных исследований. Многие специалисты-историки руководствуются научным интересом, желанием узнать взаимосвязи исследуемой эпохи, которая для них привлекательна безотносительно к возможному утилитарному приложению этого знания; постановка учеными задач исследования в этом случае выводится из проблемных вопросов, возникших в контексте предыдущего изучения эпохи. Однако в рамках прикладного анализа революций, происходивших в Российской империи, и профессиональными историками, и активными энтузиастами обычно движет определенная мотивация, в которой первым мотивом будет «технологический»: желание извлечь из произошедших событий уроки, важные в контексте сегодняшней повестки дня, а также вынести из этих уроков рекомендации для политической практики, найти правильный способ действий в современный период. Второй мотив – «пропагандистский», который призван воздействовать на эмоциональную сферу адресатов и не лишен нелюбви со стороны самих авторов, использующих его (стремление обосновать «правоту» или «преступный характер» той политической силы настоящего или прошлого, к которой исследователь питает симпатии или которую ненавидит). В этом случае симпатии или мнение о предмете у исследователя складывается еще до начала исследования, и он чаще всего «подбирает» удобные ему факты, лучше укладывающиеся в заранее готовую концепцию.

Следует отметить некоторую условность приведенной классификации: ввиду невозможности полного отстранения автора от субъективных пристрастий, даже фундаментальное историческое исследование может вестись им с подсознательным стремлением представить в выгодном свете одну из сторон давнего противостояния и осудить другую. В то же время максимальная добросовестность и тщательное тестирование гипотез позволяют минимизировать ущерб принципу объективности исторического познания, который наносит наличие личных симпатий; с другой стороны, имеющееся позитивное восприятие одной из противоположных сторон прошлого, наличие эмоциональной вовлеченности исследователя могут сыграть и положительную мотивирующую роль, заставляя его углубляться в тему намного больше, чем он бы это делал без эмоционального подтекста.

Видится, что задача современной исторической науки в исследовании революционных событий 1905–1917 гг. в России состоит в максимально возможном преодолении «пропагандистского» эмоционально насыщенного подхода к событиям вековой давности, когда изначальной целью ставится не получение всестороннего объективного знания, а оправдание какой-либо позиции, актуальной применительно к событиям в наши дни.

К сожалению, на настоящий момент говорить об успешном уходе от пропагандистского подхода не приходится. Это связано, на наш взгляд, с высокой востребованностью про-

пагандистских псевдоисторических материалов в средствах массовой информации, актуальной публицистике, аналитике и т.д. Левые политические силы, позиционирующие себя как наследники революционеров 1917 г., пытаются дополнительно легитимизировать себя через оправдание и восхваление революционеров, обоснование их «правоты» и неизбежности иного выхода для них в конкретной исторической ситуации. Их оппоненты или конкуренты, напротив, делегитимизируют современных левых через разоблачение «порочных практик» их предшественников. При этом сложно говорить не только об объективности, но и о достоверности полученных выводов, поскольку ангажированный подход приводит к методологически грубым ошибкам.

Так, очень частым явлением стало некорректное моделирование в рамках «альтернативной истории», основанное на экстраполяции субъективно выбранных краткосрочных тенденций дореволюционных лет. Современные критики революционеров экстраполируют подобранные ими позитивные показатели быстрого промышленного и образовательного роста в Российской Империи в предвоенный период, делая выводы о якобы неизбежном выходе Российской империи на роль самой развитой и мощной державы к середине XX в. в случае, если бы революции удалось избежать. Чтобы опровергнуть их, сторонники революционеров, напротив, подбирают свои показатели, по которым положение России оставалось неудовлетворительным, и тоже их экстрапо-

лируют, уверенно говоря о гипотетически неизбежном крахе России, если бы не было революции 1917 г.

Анализ обоих подходов показывает, что и тот, и другой — очевидно некорректны. Так, короткий период бурного промышленного роста, тем более с минимальных стартовых позиций и после нескольких циклических кризисов, отбросивших страну назад, не позволяет сделать выводы о дальнейшем развитии в том же темпе, особенно с учетом известных на данный момент ограничений дореволюционной России (низкая товарность и медленная реформируемость сельского хозяйства, технологическое отставание, слабость национального капитала и пр.). Разумеется, если бы Российская империя не решила аграрные проблемы и сохранила отсталые институты, то промышленность не смогла бы и дальше расти экспоненциальными темпами.

С другой стороны, предположения современных сторонников революции, что все «болезни» страны остались бы и усугубились, также не имеют под собой достаточных оснований. Эти презумпции приписывают сложной структуре страны свойства неживой, чисто механической системы, не способной к сознательному изменению своих параметров. Поскольку в стране было много людей, нацеленных на устранение существующих социальных недостатков, у страны была элита, осознававшая насущные проблемы и необходимость промышленного и аграрного развития, в Российской империи работала система общественного диалога, то нет ника-

ких поводов для утверждения, что все социальные болезни Российской империи, тормозившие ее развитие, остались бы в изначальном виде и даже усугубились. Сторонники революционеров часто приводят аргументы, в которых провал тех или иных дореволюционных начинаний, связанный со сломом жизнеустройства в ходе революции, подается как неизбежный результат дореволюционного устройства, а не революции (например, столыпинская реформа). Однако, на наш взгляд, нет достаточных оснований говорить о полном провале столыпинской реформы, поскольку эксперимент был прерван в связи с революцией. Впрочем, как нет и оснований утверждать, что она смогла бы улучшить положение в сельском хозяйстве достаточно быстро. Любая из выбранных стратегических линий, как правило, поддавалась корректировке, и в худшем случае власти вполне могли изменить или скорректировать ход реформы в соответствии с новым пониманием, следующим из недостаточной успешности исходного замысла.

Как уже говорилось, некорректные исторические экстраполяции описанного типа не связаны с добросовестным и беспристрастным добыванием объективного знания и преследуют цель политической дискредитации оппонентов, которые считают себя наследниками либо дореволюционной, либо постреволюционной традиции. Следует заметить, что точно такие же экстраполяции применяют сейчас сторонники и противники СССР, при этом первые экстраполируют

в будущее наиболее успешные десятилетия экономического развития страны, а вторые – 80-е гг. XX в. Очевидно, что в одном случае игнорируется невозможность постоянного превышения в промышленной экономике темпов роста над мировыми, а в другом – невозможность постоянной стагнации. Нам представляется, что в таком контексте эти обсуждения, даже будучи публичными, бессмысленны, поскольку аналитических инструментов, которые бы помогли в поиске решения сегодняшних проблем, эти упражнения не дают, а досужие категоричные рассуждения неспециалистов по вышеуказанной проблематике (с переходом в полемику) – вредны, поскольку способствуют дальнейшей фрагментации общества, и без того расколотого по иным основаниям.

Если вместо пропагандистского избрать «технологический» подход «извлечения уроков», это, на наш взгляд, снизит эмоциональный накал восхваления или осуждения деятелей прошлого, но при этом позволит, с учетом исторического опыта, осознанно принимать более удачные политические решения. С точки зрения национальных интересов не приходится говорить, что революции 1917 г. (или события 1991 г., которые тоже называют революционными/контрреволюционными) были удачным решением. В частности, в первом случае страна потеряла стратегически важные территории и возможность дальнейшего расширения, миллионы человек погибли, остались за границей или были изгнаны, общественный диалог стал существовать в узких рам-

ках марксистской парадигмы. Сказанное никак не отрицает такие бесспорные заслуги советской власти, как повышение социальной мобильности, сокращение дифференциации, общей гуманизации отношения к беднейшим слоям, принятие эффективных государственных программ в области образования, медицинской помощи, аграрного и промышленного развития. В этой связи уместно процитировать Президента РФ В.В. Путина, высказавшегося в аналогичном ключе: «Сегодня, обращаясь к урокам столетней давности, к русской революции 1917 г., мы видим, какими неоднозначными были ее результаты, как тесно переплетены негативные и, надо признать, позитивные последствия тех событий»³⁸².

Солидаризируясь с руководителем страны, отметившим: «Разве нельзя было развиваться не через революцию, а по эволюционному пути, не ценой разрушения государственности, беспощадного слома миллионов человеческих судеб, а путем постепенного, последовательного движения вперед?»³⁸³, мы вправе сказать, что потери страны от революции и гражданской войны были слишком дорогой платой за ускорение социальных реформ в отдельных сферах, поскольку все это было бы возможно и в рамках Российской империи при условии реализации соответствующих планов, толь-

---

³⁸² Путин неоднозначно оценивает итоги революции 1917 года // Информационное агентство России (ТАСС). 2017. 19 октября. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/4661166> (дата обращения: 20.10.2017).

³⁸³ Там же.

ко несколько позднее, и этот процесс не был бы столь форсированным.

Эволюция меньшевизма в 1917 г.: к постановке вопроса

Чураков Д.О.

Аннотация. Юбилей Великой Русской революции 1917 г. актуализировал в отечественной исторической науке проблему развития в нашей стране многопартийной политической системы и партийного строительства. Революция дала возможность заявить о себе различным политическим партиям, в том числе социал-демократической ориентации. В российской действительности в тот период развивалось несколько социал-демократических течений, важнейшими из которых являлись большевики и меньшевики. Если о большевиках в литературе прочно закрепилось представление как о радикальной, левой политической силе, то их оппоненты внутри российской социал-демократии – меньшевики – традиционно воспринимаются как правое, умеренное, реформистское направление. В статье ставится вопрос о том, что подобный одномерный подход к меньшевикам уже не достаточен. Внутри меньшевизма существовало несколько влиятельных групп, часть из которых стремилась уловить настроения страны и революционного народа. Однако реалистам внутри меньшевизма не удалось закрепить тенденции к

полевению партии в качестве основной стратегии ее эволюции, что стало важной причиной исторического поражения меньшевиков в условиях революционного кризиса.

Ключевые слова: революция, меньшевизм, большевизм, социализм, политический радикализм, Учредительное собрание, правительственная коалиция, советы.

THE EVOLUTION OF MENSHEVISM IN 1917: TO THE FORMULATION OF THE QUESTION

Churakov D.O.

Abstract. The history of the Great Russian revolution of 1917 actualized in the domestic historical science development in our country a multiparty political system and party building. The revolution gave the opportunity to Express themselves in various political parties, including the social-democratic orientation. In the Russian reality during that period there were several social democratic movements, the most important of which were the Bolsheviks and the Mensheviks. If the Bolsheviks in the literature is firmly entrenched, the idea of radical left political force, their opponents within the Russian social democracy – the Mensheviks – are traditionally seen as

right, moderate, reformist direction. The article raises the question of what such a one-dimensional approach to the Mensheviks already not sufficient. Inside of the Mensheviks there were several influential groups, some of which sought to capture the mood of the country and the revolutionary people. However, the realist inside of the Mensheviks failed to consolidate the tendency to shift to the left of the party as the main strategy of its evolution that has become a major cause of the historic defeat of the Mensheviks in conditions of revolutionary crisis.

Keywords: Revolution, Menshevism, Bolshevism, socialism, political radicalism, the Constituent Assembly, the coalition government tips.

Нынешний год стал годом, когда отмечается сразу несколько юбилеев, связанных со столетием Великой Русской революции 1917 г. Недавно были отмечены юбилеи февральских событий в Петрограде, апрельской конференции большевиков, появления ноты Милюкова и последовавшего за ним кризиса Временного правительства. Наконец, позади юбилей создания в России коалиционного правительства, в которое, помимо 10 «министров-капиталистов», впервые в отечественной истории вошли представители правого крыла социалистического движения. Как показала история, ничего результативного из этого не получилось. Кризис не только не был преодолен, но и усугубился. И вот в эти дни отмечается следующий юбилей – столетие Красного Октября, который подвел черту под периодом, когда у власти в

России находились представители умеренных социалистов, так и не сумевших ничего сделать ни для своих сторонников, ни вообще для страны.

Закономерность такого исхода попыток правых социалистов сотрудничать со своими оппонентами из торгово-промышленного, говоря языком того времени, лагеря очевидна. В этом смысле роль умеренных социалистов в обострении гражданской войны в России – тема особого, глубокого разговора. Сегодняшняя наша задача хотя бы коротко остановиться на других закономерностях, определивших лицо событий того памятного года.

В наши дни в обществе существует множество различных оценок революции 1917 г. и ее развития: от весьма положительных до катастрофически отрицательных. Историки обращаются к изучению самых разнообразных течений революционного времени: от крайне правых до крайне левых, не обходят они стороной и меньшевиков³⁸⁴. И это закономерно для такого противоречивого времени, как наше сегодняшнее. Но мало кто, даже среди нынешних критиков революции 1917 г., всерьез утверждает тезис о ее случайном ха-

---

³⁸⁴ *Юрьев А.И.* Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М.: Кучково поле, 2011; *Фельштинский Ю., Чернявский Г.*, Большевики в революции. Статьи и воспоминания социал-демократических деятелей. М.: КН Книковек, 2016; *Акопянц А.С.* Программа РСДРП: история создания: историография. СПб.: Лема, 2014; *Матвеева А.М.* Геополитическая концепция истории России П.Н. Савицкого. М.: Прометей, 2016; *Стогов Д.* Черносотенцы. Жизнь и смерть за великую Россию. М.: Институт русской цивилизации: Алгоритм, 2012 и др.

рактуре. Закономерность революции постепенно становится общепризнанным компонентом любой, положительной или негативной, оценки Октября и предшествующих ему этапов развития революции.

И это тоже не случайно. Методы сегодняшней науки позволяют значительно глубже посмотреть на причины и предпосылки революции 1917 г. Сегодня, помимо называвшихся всегда таких ее причин, как война, постепенно усиливающейся в стране государственно-капиталистический уклад, рост классового противоборства, бессилие властей можно говорить и о других, не менее глубинных причинах.

Речь идет о вызревании в обществе коллективистских форм отношений в процессе производства. Во-первых, сегодня можно более комплексно, чем прежде, проанализировать развитие рабочего движения в 1917 г. Если сам Ленин оценивал рабочий контроль над производством только как предпосылку социализации, но не сам социализм, то сегодня можно говорить о происходивших переменах с точки зрения современных теорий систем и системности. И тогда получается, что в предоктябрьский период формально собственность все еще принадлежала старым владельцам, но фактически – через фабзавкомы в сфере производства, через профсоюзы в сфере распределения, через рабочую кооперацию в сфере обмена – рабочее самоуправление все решительнее создавало условия для победы коллективных, некапиталистических форм собственности. Система рабочего са-

моуправления имела и соответствующую политическую надстройку – Советы.

По-новому можно взглянуть сегодня и на потрясшую страну аграрную революцию. В частности, существенной корректировке необходимо подвергнуть укоренившуюся со времени марксистов типа Г.В. Плеханова и Л.Д. Троцкого точку зрения на «несоциалистичность» русского крестьянства. В этом смысле названные авторы не только серьезно искажали действительность, но и подвергали существенной ревизии своего учителя – К. Маркса, видевшего путь России к новому, более справедливому обществу именно через поземельную крестьянскую общину и существовавшие в стране традиции трудовой демократии и социальной справедливости.

Вряд ли стоит преувеличивать значение названных выше явлений, но и не учитывать их при анализе причин и предпосылок Октября будет ошибочно.

Но если закономерность революции и ее октябрьского этапа сегодня мало кто подвергает сомнению, то все еще нерешенным остается другой, так же весьма научно значимый вопрос. Уже в 1917 г. и сразу после него некоторые участники событий утверждали, что если бы не приезд Ленина, если бы не его радикализм, русская революция не зашла бы так далеко, не приняла такие широкомасштабные формы. В качестве альтернативы позиции большевиков называют умеренность их собратьев по социал-демократическому

цеху – меньшевиков.

Так что же все-таки породило большевистский радикализм: их партийные установки или сама эпоха, требовавшая от политиков и участников событий все более смелых, радикальных и нетривиальных подходов? Вот на этот вопрос мы и постараемся коротко ответить, или, точнее в самых общих чертах предложим направление поиска ответов на него.

С одной стороны, истоки позиции большевиков в 1917 г. можно изучать с точки зрения эволюции самого большевизма. Но можно поступить и по-другому, а именно пойти по пути выявления общих закономерностей той эпохи. В частности, логично предположить, что если сама эта эпоха диктовала политикам стиль и методы их политической борьбы, то это должно было отразиться и в установках всех партий, а не только большевиков, например в установках все тех же «антиподов большевизма – меньшевиков». Так ли происходило в действительности? Вот об этом мы и выскажем несколько замечаний сегодня.

В прежние годы принято было подчеркивать пассивность меньшевиков и умеренность их позиции. На самом деле, в меньшевизме существовало несколько платформ от крайне правых до таких, которые мало чем отличались от большевиков, по крайней мере – их умеренного крыла, которое связывают с именами Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова и др. Но даже меньшевики, стоявшие на самом правом фланге отнюдь не соответствовали тому образу, который формировался в

учебниках по истории в прежние годы.

«Само правительство, – читаем мы в одном из документов меньшевиков, выпущенных ими до момента февральской революции, – делая вид, что борется с дороговизной и недостатком продуктов, на деле своей продовольственной политикой, нелепыми и несогласованными действиями тупой и продажной администрации лишь вносит путаницу, ухудшает положение»³⁸⁵. И еще более митингово: «Режим самовластия душил страну... Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны является теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса»³⁸⁶. Первый текст принадлежит Петербургской инициативной группе социал-демократов меньшевиков. А второй документ – еще более правому меньшевистскому течению – рабочей группе в Центральном Военном Промышленном Комитете, которую возглавляли известные антагонисты Ленина М.И. Бройдо, К.А. Гвоздев, Б.О. Богданов.

Этот сдвиг влево, постепенная радикализация некоторых течений внутри меньшевизма, а по некоторым проблемам и всей меньшевистской партии, углублялись по мере разрастания гражданского конфликта в обществе. Процесс этот был,

---

³⁸⁵ Меньшевики в 1917 году / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймонса. В 3 т. М.: Прогресс-академия, 1994–1997. Т. 1. С. 119.

³⁸⁶ Там же. С. 120–124.

конечно, непростым, противоречивым. Известно, что в области государственного строительства меньшевики стояли на достаточно консервативных позициях. В первые же дни революции они поддержали передачу власти Временному правительству. Позже, вопреки всем канонам революционного марксизма, направили своих представителей в буржуазное по сути, хотя и коалиционное по названию правительство. Но то, что в области экономики позиция меньшевиков являлась чуть ли не более левой, чем у большевиков, об этом мало кто знает.

Но радикализм, даже по меркам большевиков, меньшевистской программы признавал сам В.И. Ленин. Вот что он писал по поводу экономической программы министра-меньшевика М.И. Скобелева: «Программа сама по себе не только великолепна и совпадает с большевистской, но в одном пункте идет дальше нашей, именно в том пункте, где обещается “забрать прибыль из касс банков” в размере “100 процентов прибыли”. Наша партия – гораздо скромнее. Она требует в своей резолюции меньшего, именно: только установления контроля и “постепенного” (слушайте! слушайте! большевики за постепенность!) “перехода к более справедливому прогрессивному обложению доходов и имущества”. Наша партия умереннее Скобелева»³⁸⁷.

И это не было исключением. Программы всеобъемлющего государственного контроля разрабатывала большая груп-

---

³⁸⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 106–107.

па меньшевиков, объединявшаяся вокруг Экономического отдела Петроградского Совета, Министерства Труда Временного правительства, различного рода структур рабочей кооперации. Наиболее широкомасштабные и выверенные планы глубинных преобразований народного хозяйства воюющей России принадлежали меньшевистскому теоретику В.Г. Громану.

Оценивая систему управления российской экономикой в годы войны, он окончательно убедился в том, что любая попытка «выборочного регулирования», т.е. выборочно регулировать отдельные сферы экономики, например, железнодорожный транспорт, сырьевые и оборонные предприятия, лишь усилит диспропорции в и без того гниющем рыночном хозяйстве. Как отмечает американская исследовательница З. Галили, с радикальной программой экономических реформ выступили экономисты Петроградского Совета – меньшевики П.А. Гарви, Б.О. Богданов и другие. Например, тот же Громан, взяв за основу опыт воюющих держав, прежде всего Германии, пришел к важным выводам. Он полагал, что только всеобъемлющее государственное регулирование способно спасти экономику страны. По сути, это было одним из первых обоснований негодности полурыночных–полуплано-вых методов ведения хозяйства в условиях кризиса. В чрезвычайных условиях государственный контроль, полагал Громан, не должен быть половинчатым, а должен касаться всех

сфер народного хозяйства³⁸⁸.

Возникала дилемма: либо умеренность в политической сфере нивелирует революционность меньшевистской экономической платформы, либо, наоборот, революционность планов в области экономики вынудит отказаться от соглашательства в политической сфере. Окончательно эта дилемма решена не была. Большевики, гораздо более точно реагирующие на изменение ситуации в стране, опередили меньшевиков, и пришли к власти. Но, несмотря на зигзаги линии меньшевизма в 1917 г., отчетливо прослеживалось их смещение влево вслед за левейшими массами. Процесс этот шел медленно, но шел. Доказательством тому – позиция меньшевиков в период Корниловского мятежа, когда они пошли на коалицию в революционных комитетах с большевиками. Именно это временное полевение меньшевиков во многом повлияло на позицию Ленина, решившего в этот момент предложить правым социалистам формулу коалиции всех социалистических сил на платформе бойкота буржуазных партий.

Но тенденции к полевению меньшевиков были непрочными. Их стремление к сотрудничеству с большевиками – непоследовательным. Вскоре после поражения корниловского выступления некоторые лидеры меньшевиков попытались вернуться к прежней тактике соглашательства, союза не с социалистическими, а с буржуазными партиями. В результате

---

³⁸⁸ Галили З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. М, 1993. С. 126.

меньшевистская партия, только-только пришедшая к своему объединительному съезду, вдруг вновь оказалась на грани раскола. Даже те, кто вчера выступал за коалицию с буржуазией, засомневались в правильности продолжения прежней тактики. Кабинетные соглашения уже не устраивали многих меньшевиков, да и не только их – по принципиальным соображениям в новое правительство не вошел лидер партии эсеров В.М. Чернов. Резче всех сформулировал начинавшие набирать вес настроения Ю.О. Мартов, заявивший на Демократическом совещании в конце сентября 1917 г.: «Я не знаю ... других способов творения власти, кроме двух: или жест гражданина, бросающего бюллетень в избирательную урну, или жест гражданина, заряжающего ружье»³⁸⁹.

Смысл этого его выступления сводился к передаче власти однородному социалистическому министерству. Однако тогда это предложение Мартова, так же как и готовность к компромиссу со стороны Ленина, оказалось не востребованным. Результат последовал довольно скоро – уже в конце октября меньшевики уступили большевикам инициативу и окончательно потеряли возможность влиять на власть в стране. Поэтому вовсе не удивляет, что и некоторое время после победы большевистской революции отдельные течения внутри меньшевизма продолжали отстаивать именно левую альтернативу. Ярким подтверждением этого может служить по-

---

³⁸⁹ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. В 3 т. М.: Республика, 1992. Т. 3. С. 231–232.

зиция меньшевиков и их союзников эсеров на Учредительном собрании, в том числе и то, что практически все предложенные ими законопроекты в чем-то «дублировали» Декреты Октябрьской революции, принятые на II Всероссийском съезде Советов. Единственно, что политический эгоизм помешал этим партиям умеренных социалистов признать приоритет в этих вопросах большевиков, но общее направление революции, тем не менее, очевидно. Непоследовательность меньшевиков в том, что называется следованием духу эпохи, стоила им очень дорого.

Реформы или революции? Альтернативы политического и социального развития России в начале XX в

Трансформация русской триады в национальном культурном самосознании творческой личности: М. Волошин о вселенском значении Русской революции

Архипова Л.М.

Аннотация. Статья отражает результат исследования в русле интеллектуальной истории индивидуального опыта переживания М.А. Волошиным гибели русской цивилизации. В условиях агрессивной социальной среды он нашел способ самосохранения личности в творчестве, в создании оригинальной и эпически возвышенной мифологии Русской революции.

Ключевые слова: интеллектуальная история, М. Волошин, национальное культурное самосознание, «Русь – Третий Рим», жертвенность.

TRANSPHORMATION OF THE RUSSIAN TRIAD IN THE NATIONAL CULTURAL IDENTITY OF THE CREATIVE PERSONALITY: M. VOLOSHIN ABOUT UNIVERSIAL SIGNIFICANCE OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Arkhipova L.M.

Abstract. The article reflects the result of the study in line with the intellectual history of the individual experience of M.A. Voloshin destruction of Russian civilization. In the harsh social environment he found a way of self-preservation of the individual in creativity, in creating original and epically sublime mythology of the Russian revolution.

Keywords: intellectual history, M. Voloshin, national cultural identity, «Russia – Third Rome», the sacrifice.

*Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.*

Социальная функция творческой личности заключается в интенсивной рефлексии духовных смыслов происходящих событий и своего места в изменяющемся потоке бытия сквозь призму национального культурного самосознания. В этом процессе личность проявляет как индивидуальные свойства собственного мировосприятия, так и характерные черты самоопределения особой социальной группы – творческой интеллигенции, и, наконец, еще более глубоко укорененные в ее сознании общенациональные архетипы, мифологемы и идеологемы³⁹⁰. В условиях агрессивной социальной среды эта сложная система мышления претерпевает изменения. Личность стремится к переосмыслению ценностных приоритетов с целью самозащиты, самосохранения и достижения большей психологической устойчивости в драматических жизненных перипетиях. Образы революции, созданные воображением творческой личности, позволяют проследить трансформацию наиболее значимого концепта русской культуры «Москва – Третий Рим» в условиях антигуманитарной катастрофы. М. Волошин «исторически и апокалиптически»³⁹¹ осмыслил разнообразные собы-

---

³⁹⁰ *Прохоров Г.М.* Древняя Русь как историко-культурный феномен. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...». СПб.: Пальмира, 2017. С. 32–33.

³⁹¹ *Купченко В.[П.]* Жизнь Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 188.

тия 1917–1924 гг., что обеспечило целостность его поэтической версии и обусловило активное внимание к ней со стороны исследователей³⁹².

Представление о Русской революции складывалось в сознании М. Волошина постепенно – по мере изменявшихся жизненных обстоятельств и знакомства с историографическими источниками, агиографической литературой, религиозно-философскими трудами соотечественников³⁹³. Особое место в его личной библиотеке занимали труды В. Соловьева³⁹⁴.

Вследствие ярко выраженной концептуальности поэзии М. Волошина тех лет, она оказалась насквозь пронизана моральными императивами – с той только особенностью, что они своеобразны по духу и не дидактичны, несмотря

---

³⁹² Бужор Е.С. Осмысление русской революции в творчестве М. Волошина // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2012. Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%202%20Vip%201/rubr11-simvol-epohi-st1-buzhor-2013.pdf> (дата обращения: 31.01.2018); Менделевич Э.С. История в поэтическом мире Максимилиана Волошина. Орел: Труд, 2004; Павлова Т.А. «Всеобщий примиритель»: тема войны, насилия и революции в творчестве М. Волошина // Долгий путь российского пацифизма. М.: ИВИ РАН, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0440.shtml (дата обращения: 31.01.2018).

³⁹³ Волошин М.А. Из литературного наследия / Отв. ред. А.В. Лавров. Вып 2. СПб.: Алетейя, 1999. С. 208, 212–213. (далее – *Волошин М.А. Из литературного наследия*).

³⁹⁴ Мирошниченко Н.М., Рычков А.Л. Вл. Соловьев в личной библиотеке и в творчестве М. Волошина // Соловьевские исследования. Вып. 2 (34). 2012. С. 124–161.

на активное использование поэтом библейских образов для их передачи. Это объясняется содержанием телеологической концепции Русской революции М. Волошина, которая обладала всеми признаками мифа. В ней отразился символический универсум русской культуры. Она наделила высоким религиозно-духовным смыслом повседневность, преобразив безысходную обыденность разворачивавшейся исторической драмы. Из не связанных причинно-следственными отношениями событий прошлого и настоящего поэт создал целостный образ России, в котором бессмысленные жертвы приобрели достойное значение.

Безусловно, сам факт создания поэтической мифологии Русской революции и Гражданской войны служит убедительным свидетельством интеллектуальной силы и психологической зрелости ее автора. Между тем, это еще не влечет за собой такого же безусловного признания его православной идентичности и культурной близости русскому национальному самосознанию, несмотря на то, что сам поэт считал себя выразителем Русской идеи прямо или опосредованно – через культурного героя поэтических произведений. В качестве обязательной ценностной основы для анализа современности М. Волошин указывал на «глубокую религиозную веру в предназначенность своего народа и расы. Потому что у каждого народа есть свой мессианизм, другими словами представление о собственной роли и месте в общей трагедии

человечества»³⁹⁵. Русская идея, как ее увидел поэт в Революции и Гражданской войне, при заметном внешнем сходстве с культурным концептом русского национального самосознания «Москва – Третий Рим», все же принципиально иная как в своих духовно-религиозных истоках, так и историко-философских смыслах.

Русская триада зародилась и развивалась в церковной традиции, откуда перешла в политическую консервативную мысль и, наполняясь новой аргументацией и содержанием, неизменно включала в себя православный религиозный мессианизм, самодержавную модель власти и народность³⁹⁶. При этом, независимо от «формата» проявления триады – церковного, политико-идеологического или литературно-художественного – подразумевались особенности психологии русского народа. Наиболее ярко они сформулированы в работах Г.П. Федотова по проблемам национального самосознания. Он отмечал, что архетип духовной жизни народа был создан русскими святыми, в великом сонме которых заметна многочисленность мирян – мучеников и праведников, следовавших евангельскому образу Спасителя, что свидетельствовало о живой вере русского народа. Г.П. Федотов выявил в русской религиозности особый кенотический тип свя-

---

³⁹⁵ *Волошин М.А.* Россия распятая. [Электронный ресурс]. URL: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_russia.htm (дата обращения: 31.01.2018).

³⁹⁶ *Архипова Л.М.* Историко-культурные дискурсы русской триады // Ярославский педагогический вестник. Серия: Культурология. 2016. № 1. С. 219–224.

тости, отличавшийся евангельской любовью к Богу, аскетизмом и жертвенностью, что и позволило народу преодолеть все трудности его исторического бытия³⁹⁷.

Именно идея спасительной жертвенности русского народа находится в основании революционной мифологии М. Волошина, но ее интерпретация принципиально отличается от церковно-религиозной и более соответствует духовным поискам и заблуждениям творческой интеллигенции Серебряного века³⁹⁸. Поэт и сам признавался, например, при обращении к образу святого преподобного Серафима в 1919 г., что не будет писать «ни ортодоксально, ни церковно», но и «шутить, ... кощунствовать» также не собирается³⁹⁹. От последнего удержаться было сложно, поскольку влияние антропософии на творчество М. Волошина признается очевидным⁴⁰⁰.

Впервые жертвенный рок России был раскрыт М. Волошиным в докладе «Россия – священное жертвоприношение», прочитанном братьям-масонам еще в июле 1905 г. в Париже⁴⁰¹. Спустя два года М. Волошин в лекции «Пути

---

³⁹⁷ Федотов Г.П. Святые древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.

³⁹⁸ Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

³⁹⁹ Волошин М.А. Из литературного наследия. С. 213.

⁴⁰⁰ Бужор Е.С. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%202%20VIP%201/rubr11-simvol-epohi-st1-buzhor-2013.pdf> (дата обращения: 31.01.2018).

⁴⁰¹ Купченко В.[П.] Указ. соч. С. 71.

Эроса» представил свою интерпретацию христианства в вопросах добродетели и порока, квинтэссенция которой выразилась в утверждении: «Ближе к Христу тот, кто глубже погружен в грех, кто больше и униженнее распят в материи... Отпавший Ангел ближе к Христу, чем Элоим-Егова. Человек ближе, чем Ангел...»⁴⁰². В ее основе был синтез оккультно-теософских и платоновских источников, идеи В. Соловьева о Софии – Премудрости Божией.

Евангельская тема предательства Иуды получила в лекции М. Волошина парадоксальную трактовку, как «подвиг высшей жертвы и высшего смирения», так как «Иуда должен предать Христа, чтобы Христос мог умереть и воскреснуть»⁴⁰³. Поэт поставил «рядом с жертвой Христа подвиг Иуды» как жреца с чистыми руками, «самого посвященного из Апостолов», принявшего на себя «великую жертву уничтожения, смирения, и позора». Равенство их подчеркивалось характерным именовани^{ем} Сына Божия человеком («рядом с человеком Христом стоит человек Иуда»). В том же антропософском ключе иудино причастие (кусоч хлеба, омоченный солью) и призыв Христа «исполни, что задумал» приобретает двусмысленный характер фатальной избранности Иуды. Весь сюжет заключен в историософский контекст: «Христос – Эрос. Иуда – Материя», Материя подчиняется Духу. По убеждению поэта, «человечеству предстоит понять

---

⁴⁰² *Волошин М.А.* Из литературного наследия. С. 30–31.

⁴⁰³ Там же. С. 34.

и принять подвиг Иуды: высшее смирение физической природы перед преступлением, перед грехопадением, во имя единения в духе, во имя Эроса – Воскресителя, во имя Христа»⁴⁰⁴.

В 1917–1923 гг. исключительную актуальность приобрела мысль о предпочтительности греха – стихии, природной страсти, хаоса, мятежа, «дионисова огня» (в идеологии М. Волошина) по сравнению с добродетелью – мещанским комфортом, машинным демонизмом, технической организацией и «апполиническим духом» соответственно. Верх брала также идея смирения физической природы перед преступлением для «преосуществления» человека. Своеобразным ключом к пониманию образа революционной России служит строчка из той же лекции 1907 г.: «Путь порока труднее, мучительнее и страшнее, но он более быстро и более прямо ведет к конечной цели и к слиянию с Божеством»⁴⁰⁵.

Сопоставление антропософского толкования Евангелия М. Волошиным с его революционной мифологией позволяет заметить, что в истории человечества именно России поэт отводил роль Иуды в грядущем преображении мира. В 1918 г. было написано стихотворение «Апостол Иуда», где сюжет с иудиним причастием получил развитие и определенность: «Тот же, съев кусок, тотчас вышел: / Дух земли – Сатана – вошел в Иуду – / Вещий и скорбный. / Все двенадцать вина

---

⁴⁰⁴ Там же. С. 27.

⁴⁰⁵ *Волошин М.А.* Указ. соч. С. 27.

и хлеба вкусили, / Причастившись Плоти и Крови Христовой, / А один из них земле причастился / солью и хлебом. / И никто из одиннадцати не понял, / Что сказал Иисус, / Какой Он подвиг возложил на Иуду / Горьким причастием»⁴⁰⁶.

Антинациональные и потрясающие по обличающей энергетике, негативные образы России в стихах М. Волошина могут объясняться только тем, что ей суждено принять иудино причастие, ей «Искус дан суровый: / Благословить свои оковы, / В темнице простираясь ниц, / И части воспрять Христовой / От грешников и от блудниц...»⁴⁰⁷. В «Красной Пасхе» (1921) автор отступил от своего творческого принципа: не подменять искусство натурализмом, дабы не спекулировать на человеческих инстинктах. Образы этого стихотворения отличаются особой визуальностью, складываются в жуткую картину человеческого падения, мерзости запустения и одичания: «Зимою вдоль дорог валялись трупы / Людей и лошадей. И стаи псов / Вьедались им в живот и рвали мясо, / Восточный ветер выл в разбитых окнах. / А по ночам стучали пулеметы, / Свистя как бич, по мясу обнаженных / Мужских и женских тел...»⁴⁰⁸. Заключительные строчки противоречат христианскому устройению души: «Зима была в тот

---

⁴⁰⁶ Волошин М.А. Пути России: Стихотворения и поэмы / Сост., авт. послесл. и примеч. А. Зорин. М.: Современник, 1992. С. 106. (далее – *Волошин М.А. Пути России*).

⁴⁰⁷ Там же. С. 26.

⁴⁰⁸ Там же. С. 93.

год Страстной неделей / И красный май сплелся с кровавой Пасхой, / Но в ту весну Христос не воскресал»⁴⁰⁹, если только не принять во внимание то, что ужас Гражданской войны сравним, по мысли поэта, только со вселенской катастрофой – с Апокалипсисом.

Стихотворения 1920–1921 гг. по названиям – «Террор», «Бойня», «Голод», «На дне преисподней», «Терминология» и др. – и по натуралистичности образов составляют важную часть общей революционной мифологии М. Волошина. Он видел предназначение России в жертвенной гибели в военно-революционных мировых катаклизмах, последующем воскресении в Славии для того, чтобы стать оплотом славянства и «нести свой крест – всемирное служение»⁴¹⁰.

В стихотворениях «Родина», «Преосуществление», «Ангел времен», «Видение Иезекииля» (1918), «Заклинание» (1920), «Готовность» (1921) М. Волошин интерпретирует постигшее страну зло как избранничество России для принятия ею «иудина подвига» во имя воскресения человечества в Царстве Божиим. «Из крови, пролитой в боях, / Из праха, обращенных в прах, / Из мук казненных поколений, / Из душ, крестившихся в крови, / Из ненавидящей любви, / Из преступлений, исступлений – / Возникнет праведная Русь»⁴¹¹.

---

⁴⁰⁹ Волошин М.А. Указ. соч. С. 94.

⁴¹⁰ Там же. С. 29.

⁴¹¹ Там же. С. 101.

Россия призвана защитить Европу от «тончайшей изо всех зараз» – мечты социализма, к которой М. Волошин чувствовал «неприязнь» и которую воспринимал как «самую страшную отраву машинного демонизма Европы», как «то же, что германизм» – «обожествление здорового комфортабельного эгоизма»⁴¹². «Не нам ли суждено изжить / Последние судьбы Европы, / Чтобы собой предотвратить / Ее погибельные тропы»⁴¹³.

Спасительная миссия России выстраивается в концепции М. Волошина одновременно сквозь общую призму устойчивых русских национальных идеологем и антропософскую периодизацию всемирной истории Р. Штейнера, «прозревавшего» смену эпохи главенства германской расы главенством славянской как эпохой последних времен – тысячелетнего торжества Духа. «Русь – Третий Рим – слепой и страстный плод: / Да зачатое в пламени и в гнев / Собой восток и запад сопряжет»⁴¹⁴.

Германия олицетворяла дух внешнего, материального прогресса, идеальной организованности, так необходимой «демонам машин» для перестройки человеческого общества «по своему образцу», превратив его, добавим, в тот самый сытый и послушный муравейник, о котором писал Ф.М. Достоевский в легенде об Инквизиторе. В 1915 г., размыш-

---

⁴¹² Волошин М.А. Из литературного наследия. С. 159.

⁴¹³ Волошин М.А. Пути России. С. 37.

⁴¹⁴ Волошин М.А. Указ. соч. С. 29.

ля о характере мировой войны, М. Волошин отмечал, что государственный строй не только Германии, но и Англии, Франции, а также России как европейской страны не способен оказывать сопротивление власти «демонов», разлагающему духовную основу культуры влиянию цивилизации. «Одно славянство несет в себе силы, которые смогут преобороть соблазн машинной и технической культуры»⁴¹⁵. В отличие от других европейцев, уже подчинившихся соблазну индустриального комфорта, «народ России не принял печати антихристовой» и поэтому «в ней одной может быть спасение для Европы. Она одна может выработать ту новую мораль, которой победятся демоны машин». Ее спасение придет «только изнутри – из религиозного сознания». «Ценности России ... вне материального мира...», – писал М. Волошин. При этом он повторял и слова Ф.И. Тютчева: «У ней особенная статья»⁴¹⁶.

В годы мировой войны поэт считал завоевание Константинополя необходимым условием и символом духовного возрождения России, завершения в ее истории петербургского периода и возвращения к московским и даже киевским истокам концепта «Русь – Третий Рим». В нем, как в религиозном центре «морального кипения», «выплавится нравственный лик Славянства»⁴¹⁷. В 1918 г. М. Волошин

---

⁴¹⁵ Волошин М.А. Из литературного наследия. С. 136.

⁴¹⁶ Там же. С. 133, 141.

⁴¹⁷ Там же. С. 136–137.

рассматривал «астральные аспекты» положения стран на политической карте Европы и заметил взаимосвязь переживаемых народом революционных событий с всемирно-исторической миссией России⁴¹⁸. Провидение сулило ей пройти сквозь испытания Гражданской войны как через чистилище, приняв «чужих страстей, чужого зла / Кровоточивые стигматы»⁴¹⁹, «преосуществить» зло мира, в котором господствуют Материя и эгоизм, в победу Духа: «Так семя, дабы прорасти, / Должно ислеть... / Ислей, Россия, / И царством духа расцвети!»⁴²⁰. Герои М. Волошина – носители христианского анархизма, мятежники: протопоп Аввакум, Бакунин, Стенька Разин да Емелька Пугачев. В них он видел истинную Русь. Его антигерои – выразители порядка и организованности, олицетворявшие государственность. Это, прежде всего, русские цари и императоры, что и отражено М. Волошиным в поэме «Россия» (1924). Самодержавная модель власти не рассматривалась поэтом как положительный фактор русской истории и условие реализации идеи «Москва – Третий Рим».

---

⁴¹⁸ Волошин М.А. Указ. соч. С. 196–197.

⁴¹⁹ Волошин М.А. Пути России. С. 36–37.

⁴²⁰ Там же. С. 28.

Отношение солдатских масс к Октябрьской революции в свете выборов в Учредительное собрание в действующей армии в ноябре 1917 г

Базанов С.Н.

Аннотация. Статья посвящена особенностям выборов в Учредительное собрание на каждом из пяти фронтов русского театра военных действий в ноябре 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, действующая армия, Октябрьская революция, выборы в Учредительное собрание, большевики, эсеры.

THE ATTITUDE OF THE SOLDIER MASSES TOWARDS THE OCTOBER REVOLUTION IN THE LIGHT OF ELECTIONS TO THE CONSTITUENT ASSEMBLY IN THE ACTIVE ARMY IN NOVEMBER 1917

Bazanov S.N.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of elections to the Constituent Assembly on each of the five fronts of the Russian theater of military operations in November 1917.

Keywords: First World War, active army, October revolution, elections to the Constituent Assembly, Bolsheviks, Socialist-Revolutionaries.

Как известно, идея Учредительного собрания – органа, созданного на основе всеобщего избирательного права для выработки конституции страны, берет начало в Великой французской революции. Претворение в жизнь этого лозунга представляет собой максимальное проявление народовластия (как писал В.И. Ленин, «в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демо-

кратизма») ⁴²¹. Не случайно его сторонниками были все российские политические партии, развернувшие в начале XX в. борьбу с самодержавием, в том числе и большевики.

Однако после свержения самодержавия отношение большевистской партии к идее Учредительного собрания изменилось. Вернувшись из эмиграции, Ленин 4 апреля 1917 г. заявил: «Жизнь и революция отводят Учредительное собрание на задний план» ⁴²². С ростом влияния Советов нарастало и неприятие Лениным парламентаризма, как буржуазной формы государственности: «Советы выше всяких парламентов, всяких Учредительных собраний» ⁴²³. Две другие крупные социалистические партии – эсеры и меньшевики, занявшие после Февральской революции центристские позиции, сохраняли приверженность идее Учредительного собрания. А кадеты даже немало сделали для разработки его статута.

Против созыва Учредительного собрания выступили лишь крайние политические группировки. На правом фланге это были ультрамонархисты, не желавшие поступаться принципами «самодержавия, православия и народности», на левом – вели пропаганду анархисты. «Чего народ не осуществил фактически, – писала накануне выборов газета “Анархия”, – того не даст ему никакое правительство, никакой

---

⁴²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162.

⁴²² Там же. Т. 31. С. 110.

⁴²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 140.

парламент, никакое Учредительное собрание»⁴²⁴. Так в целом выглядели позиции наиболее влиятельных политических партий и течений, впоследствии легшие в основу их предвыборных платформ.

Российское общество с пониманием отнеслось к предстоящим выборам. Как писал секретарь Всероссийского Учредительного собрания М.В. Вишняк, «к Учредительному собранию основная толща русского народа относилась со своеобразной мистической верой, и день выборов в деревнях и провинциальных городах был днем праздника и гражданского торжества»⁴²⁵. А по словам А.М. Горького, «лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания... В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, ссылке и на каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови»⁴²⁶. Пафос приведенных строк легко объяснить: они написаны в январе 1918 г. – всего через несколько дней после разгона большевиками Учредительного собрания и расстрела манифестации его сторонников.

О созыве Учредительного собрания Временное правительство официально заявило 2 марта 1917 г. Созданное

---

⁴²⁴ Анархия [газета]. Москва. 1917. 6 ноября.

⁴²⁵ Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 93.

⁴²⁶ Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 110.

13 марта Особое совещание по подготовке закона о выборах начало работу 25 мая, а закончило в начале сентября. В этот орган входили представители различных политических партий, местных Советов и общественных организаций. 14 июня Особое совещание объявило дату выборов в Учредительное собрание – 17 сентября, а также его созыва – 30 сентября. Однако 9 августа эти сроки были перенесены соответственно на 12 и 28 ноября.

Положение о выборах в Учредительное собрание, утвержденное Временным правительством, предусматривало пропорциональную систему выборов, основанную на всеобщем избирательном праве. С 7 августа начались заседания Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, задачами которой были их подготовка и проведение. В сентябре управы городских дум и земств, составившие ранее списки избирателей в органы местного самоуправления, приступили к аналогичной работе по выборам в Учредительное собрание. Процедура выборов для армии и флота была утверждена Временным правительством 30 сентября, но под давлением разных обстоятельств (менялись сроки выборов, представительские квоты и т.д.) до последнего дня постоянно корректировалась.

Порядок голосования в действующей армии и военных округах не был одинаковым. Из войск действующей армии были образованы Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский и Кавказский фронтовые избирательные округа, а

также округ русских экспедиционных войск во Франции и на Балканах. В отдельные округа были выделены Балтийский и Черноморский флоты. Все эти округа делегировали в Учредительное собрание своих депутатов. Вместе с фронтовиками должны были голосовать служащие Союза земств и городов, обеспечивавшие разнообразные нужды фронта. Всего действующая армия, согласно положению, избирала 80 депутатов. Военнослужащие тыловых гарнизонов должны были голосовать вместе с местным населением за общие списки кандидатов. Но в крупных гарнизонах создавались отдельные избирательные участки. Военнослужащие, по разным причинам оказавшиеся в период выборов вне своих воинских частей, могли голосовать на гражданских участках, если своевременно были внесены в списки избирателей.

Вначале установили очень сжатые для фронтовых условий сроки составления списков для голосования – за 10 дней до начала выборов. Еще два дня отводилось на их уточнение. И если в гражданских округах военнослужащие должны были голосовать одновременно с местным населением, то во фронтовых выборы должны были начаться 8 ноября и продолжаться семь дней, а на самом удаленном фронте – Кавказском – с его особо сложными природными условиями выборы намечались на неделю раньше, т.е. на 1 ноября, и должны были длиться до 15 ноября. Однако в установленные Комиссией сроки армия не уложилась. Так, на Румынском фронте голосование завершилось только 17 ноября, на

Северном – 21-го, на Западном и Юго-Западном – 22-го, на Кавказском – 24-го. Но, несмотря на такую задержку, вызванную, в основном, фронтовой спецификой, в целом выборы в действующей армии прошли успешно. Причем явка фронтовиков на избирательные участки была достаточно высокой: в общефронтовом масштабе (без Кавказского фронта) в выборах участвовало не менее 72% солдат и офицеров⁴²⁷.

Подобная активность фронтовиков сама по себе служит мерилom социальных ожиданий от созыва Учредительного собрания и подтверждением его популярности в действующей армии. Политическая активность фронтовиков отчетливо проявилась и в том, что они явочным порядком увеличили свое представительство в Учредительном собрании. Так, уже в разгар выборов фронтовые окружные комиссии по инициативе Юго-Западного фронта изменили норму представительства со 100 тыс. человек до 75 тыс. Такое решение подтвердил Съезд представителей фронтовых избирательных комиссий, проходивший 15 ноября в Ставке Верховного главнокомандующего – в Могилеве⁴²⁸.

Все пять фронтов и два действующих флота суммарно избрали 80 депутатов: 35 эсеров, 34 большевика, 7 украинских эсеров, 1 меньшевика, 1 украинского социал-демократа, 2

---

⁴²⁷ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. С. 241.

⁴²⁸ Там же. С. 242.

украинских социалистов. Таким образом, все депутаты были избраны по спискам социалистических партий, т.е. солдаты-фронтовики фактически поддержали социалистическую революцию. Депутатом на Северном фронте и Балтийском флоте был избран В.И. Ленин. Как известно, он отдал свой мандат в округе Северного фронта следующему в списке кандидатов большевику А.Г. Васильеву, а сам стал депутатом от Балтийского флота. Если среди моряков-балтийцев (114 433 избирателя) большевики собрали 57,4% голосов, а эсеры 38,8%, то на Черноморском флоте (52 629 избирателей) за большевиков голосовало только 20,5%, а за эсеров – 42,3%⁴²⁹.

Северный фронт из-за близости к Петрограду был наиболее большевизирован. Не случайно здесь из 780 тыс. избирателей за большевиков голосовало 480 тыс. (56,1%). На соседнем Западном фронте их победа была еще внушительнее: из 976 тыс. избирателей большевикам отдали голоса 653 430 человек (67%). На дальних же фронтах – Юго-Западном и Румынском – победили эсеры. Несмотря на то, что здесь, как и на ближних к столицам фронтах, имели место частые антивоенные выступления, большевистское влияние было все же недостаточным. Отсутствовали крупные большевистские организации и в тыловых районах этих фронтов, а солдатские комитеты почти везде находились в руках эсеров и меньше-

---

⁴²⁹ *Стирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1967. С. 424–425.

виков. К тому же местным большевикам не удалось создать свои ревкомы и взять власть, как это они успели сделать на Западном и Северном фронтах. На Юго-Западном фронте из 1 007 423 избирателей – 463 тыс. (41%) отдали голоса за эсеров, а за большевиков – 300 тыс. (31%). На Румынском фронте (1 128 600 избирателей) голосование дало эсерам 679,4 тыс. (60%), а большевикам – 167 тыс. (15%)⁴³⁰.

На самом периферийном фронте – Кавказском – политическая обстановка в целом была такой же, как на Юго-Западном и Румынском, что принесло победу эсеровской партии. Из 420 тыс. избирателей ей отдали предпочтение 360 тыс. (69,6%), а большевикам – 60 тыс. (18,4%)⁴³¹.

Всего из общего числа военнослужащих действующей армии, участвовавших в выборах (4 479 085 человек), 2 741 698 избирателей (61,2%), по нашим подсчетам, проголосовало, в основном, за эсеров, меньшевиков и национальные социалистические партии; остальные 1 737 387 (38,8%) – за большевиков. Иными словами, последние набрали среди фронтовиков голосов больше, чем по стране в целом (24,6%).

Позже, в декабре 1919 г., Ленин в статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», обратившись к итоговым цифрам по действующей армии, сделал вывод: «большевики получили *немногим менее*, чем эсеры.

---

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ *Спирин Л.М.* Указ. соч.

Армия была, следовательно, уже к октябрю-ноябрю 1917 года *наполовину большевистской*»⁴³². Однако если бы это было так, то советскому правительству, возможно, не потребовалось бы ее срочно демобилизовывать и создавать новую Красную Армию.

Почему же большинство действующей армии не проголосовало за большевистскую партию? Видный эсеровский лидер, один из организаторов партийной работы в действующей армии Б.Ф. Соколов писал: «Благоприятная почва позволила весьма широко и полно развить партийную работу в армии. Уже с апреля месяца мы начали готовиться к выборам, поставив себе неотложной задачей организацию непременно во всех, даже в самых малых, воинских частях партийных ячеек. Эта организационная работа дала чрезвычайно продуктивные результаты во время выборной кампании»⁴³³.

Правда, в то время, когда местные армейские эсеры всецело занимались предвыборной агитацией (конец октября – середина ноября), большевики вели ожесточенную борьбу за власть в действующей армии – создавали ревкомы, брали под контроль командование, смещали комиссаров Временного правительства, заменяя их советскими, обеспечивали выполнение на фронте первых декретов новой власти – о мире, демократизации, демобилизации и т.д. Таким образом,

---

⁴³² Ленин В.И. Указ. соч. Т. 40. С. 9–10.

⁴³³ Соколов Б.[Ф.] Защита Всероссийского Учредительного собрания // Октябрьская революция: Мемуары. М.: Мемуары, 1991. С. 334–336.

для серьезной агитации у большевиков просто не хватало ни людей, ни времени. К тому же, напомним, еще с весны 1917 г. большевистское руководство отдавало предпочтение Советам, рассматривая Учредительное собрание лишь как один из институтов буржуазной демократии.

Архив Заграничной агентуры Департамента полиции: формирование источникового комплекса в контексте революционных событий 1917 г

Бибикова Л.В.

Аннотация. В статье отражена судьба архива Заграничной агентуры Департамента полиции после событий Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Ключевые слова: Департамент полиции, заграничная агентура, архив, революция, Временное правительство, большевики, эмиграция.

ARCHIVE OF THE FOREIGN AGENCY OF THE POLICE DEPARTMENT: FORMATION OF THE SOURCE COMPLEX IN THE CONTEXT OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917

Bibikova L. V.

Abstract. The article describes the fate of the archives of the Foreign agents of the police Department after the events of the February and October revolutions of 1917.

Keywords: the police Department, overseas agents, archive, revolution, Provisional government, Bolsheviks, emigration.

Делопроизводственные материалы Департамента полиции – структуры, которая отвечала за борьбу с революционным движением в Российской империи – представляли особый интерес для тех, кто пришел к власти в 1917 г. в ходе Февральской революции, а затем и для большевиков. В секретной переписке политической полиции надеялись найти различного рода «компромат» на «царский режим». Однако у тех, кто до 1917 г. находился в подполье, был свой особый интерес к этой документации – надежда найти там имена тех, кто, будучи революционером, тайно сотрудничал с полити-

ческим сыском, т.е. разоблачить секретную агентуру – «предателей» в своих рядах. В пределах России официально велась тщательная работа с бумагами, хранившимися в здании Департамента полиции в Санкт-Петербурге и помещениях охранных отделений в других крупных городах. Эти бумаги, ставшие «архивными», находились в распоряжении Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После прихода к власти большевиков архив Департамента полиции достался им – как ценный архивный комплекс.

Заметно иной была ситуация с Заграничной агентурой Департамента полиции, которая на протяжении всего периода существования Департамента полиции (1881–1917 гг.) располагалась в Париже. Заграничная агентура была важным подразделением в политической полиции дореволюционной России – ведь это была единственная структура, следившая за революционной эмиграцией. Именно из заграницы в Россию завозилась нелегальная литература, там создавались типографии, печатались журналы, возникали многочисленные революционные группы, динамитные мастерские и т.п. Центр русского революционного подполья в конце XIX – начале XX вв. находился в Европе.

Поэтому неудивительно, что сразу после Февральской революции те революционеры, которые в предыдущие годы пытались «разоблачить» секретных сотрудников Заграничной агентуры (примером их успешной деятельности является «дело Азефа»), но это лишь самый известный случай

из ряда других), моментально попытались проникнуть в ее помещение. Временное правительство пыталось поставить под контроль «разоблачительную» деятельность революционеров-эмигрантов. Но, из-за физической удаленности архива Заграничной агентуры от Санкт-Петербурга и нараставшего хаоса в управлении в целом, эмигранты, искавшие в бумагах Заграничной агентуры имена «предателей» в своих рядах, оказались, по сути, предоставлены сами себе.

Современное состояние архива Заграничной агентуры Департамента полиции, практически не введенного в научный оборот и мало известного исследователям, показывает, насколько произвольной и непрофессиональной была «работа» эмигрантов, объединившихся в «Комиссию по разбору бумаг Заграничной агентуры», с бумагами «царского режима» в Париже. Эмигранты произвольно выдергивали документы из переписки, делали на них отметки, перерывали картотеки с фотографиями и списками наблюдения, нарушая их внутреннюю структуру, путали эти документы со своими личными бумагами. Некоторые бумаги были изъяты из помещения Заграничной агентуры и в дальнейшем оказались в архивах деятелей этой комиссии (В.К. Агафонов, С.Г. Сватиков).

Однако их непрофессионализм состоял не только в этом. Плохо разбираясь в специфическом языке делопроизводства политической полиции, члены Комиссии по разбору бумаг Заграничной агентуры записали в число «секретных сотруд-

ников» тех, кто таковыми не являлись. После Октябрьской революции 1917 г. некоторые члены комиссии, к этому моменту уже приехавшие из Парижа в Санкт-Петербург, оказались в оппозиции новой власти. Поначалу они еще могли посещать архив Департамента полиции, но вскоре доступ к нему оказался для них закрыт. В 1918 г., независимо друг от друга, два наиболее активных участника работы с архивом Заграничной агентуры – Агафонов и Сватиков – написали работы, посвященные разоблачению секретной агентуры. В своих работах они привели списки выявленных «провокаторов». Обе эти книги остаются до сих пор единственными, где содержится справочная информация о секретных сотрудниках Заграничной агентуры. Несмотря на произвольный характер составленных авторами списков, историография до сих пор обильно цитирует именно эти работы. Эти книги активно использовались и в 1920–1930-е гг., причем как в Советском Союзе, так и в среде «белой эмиграции». И использовались они с одинаковой целью – для выявления «предателей». В 1929 г. при разгроме Академии наук СССР в ее архиве были обнаружены и бумаги Агафонова с некими списками. Эти списки незамедлительно были «пущены в дело» – ОГПУ проверило поименованных в этом списке людей, сравнило полученные из бумаг Агафонова сведения с данными книги того же автора и подготовило отчет о местонахождении этих лиц. Не позднее 1930 г. все эти люди уже были осуждены и оказались в лагерях.

Для «белой эмиграции» же эти книги были вообще единственным источником, проливающим свет на материалы Заграничной агентуры. Если большевики могли сверять сведения книг с имевшимся в их распоряжении архивом Департамента полиции, то архив Заграничной агентуры был запечатан в 1920 г. последним послом Временного правительства в Париже В.А. Маклаковым. Попытки эмигрантов добраться до этого архива Маклаков жестко пресекал, а в середине 1920-х гг. письменно заявил о том, что сжег архив. В действительности он вывез опечатанный архив в США и сдал его в Гуверовский институт войны, мира и революций с условием, что о существовании этого архива будет объявлено через три месяца после смерти самого Маклакова. Так и было сделано в 1957 г.

В данный момент микрофильмированные копии материалов, содержащихся в архиве Заграничной агентуры, хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и, по большому счету, еще ждут своего исследователя.

Реформа или революция? Идея Учредительного собрания в контексте планов радикального обновления государственного строя России в начале XX в

Воронин В.Е.

Аннотация. В статье дан анализ эволюции идеи Учредительного собрания в радикальных общественно-политических кругах России начала XX в. Показана роль идеи Учредительного собрания в контексте трансформации российской государственности от самодержавия к Думской монархии, а затем – к революционно-социалистическим моделям политического строя.

Ключевые слова: Россия, реформа, революция, государственный строй, самодержавие, конституция, Учредительное собрание.

THE REFORM OR THE REVOLUTION? THE IDEA OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY IN THE CONTEXT OF PLANS FOR A RADICAL RENEWAL OF THE STATE SYSTEM IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

Voronin V.E.

Abstract. In the article the analysis of the evolution of the concept of the Constituent Assembly in the radical political circles of Russia the beginning of XX century. The role of the idea of the Constituent Assembly in the context of transformation of the Russian state from autocracy to a parliamentary monarchy, and then to the revolutionary socialist models of political system.

Keywords: Russia, reform, revolution, political system, autocracy, Constitution, Constituent Assembly.

В последние два десятилетия XIX в. «всесильный» обер-прокурор Синода, стойкий консерватор и апологет незыблемого самодержавия К.П. Победоносцев порой представлял перед своими высокопоставленными современниками в необычной для себя роли *чиновного нигилиста*. По свидетельству Е.М. Феоктистова – главного цензора Российской

империи тех лет, когда Победоносцеву «возражали, что бездействие правительства должно привести Россию к страшным бедствиям, – в ответ на это он приводил странный аргумент, он указывал на то, что никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу»⁴³⁴. Иными словами, один из ключевых деятелей правительственного лагеря давал понять, что предпочитает революцию любым иным попыткам усовершенствования самодержавного строя. В ответ один из собеседников обер-прокурора «весьма основательно заметил ему на это, что если все государства подвергались революционным потрясениям, то не было еще примера, чтобы правительство, так сказать, включало революцию в свою программу...»⁴³⁵.

По грустной иронии судьбы, дальнейшие шаги монархической власти во внутренней политике способствовали успешному воплощению этого «программного» принципа. 17 января 1895 г. император Николай II в речи перед земскими депутациями назвал «бессмысленными мечтаниями» звучавшие «в некоторых земских собраниях» призывы допустить участие земцев «в делах внутреннего управления» и заверил общество, что, подобно своему отцу, будет «охра-

---

⁴³⁴ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М.: Новости, 1991. С. 219.

⁴³⁵ Там же.

нять начала самодержавия»⁴³⁶. Тем самым царь в конце XIX в. официально отрекся от обещания даровать стране конституцию, данного его предшественником – императором Александром I еще в начале того столетия. Есть версия, что царь допустил «досадную» оговорку, сказав о «бессмысленных мечтаниях» вместо «беспочвенных», как это было в заготовленном тексте речи. Историк-эмигрант С.С. Ольденбург, однако, обосновывал правомерность царских слов стремлением Николая II подтвердить преемственность курса на укрепление самодержавной власти, провозглашенного в манифесте Александра III 29 апреля 1881 г.⁴³⁷ Но данная параллель представляется не вполне уместной. Александр III вступал на престол после цареубийства – в условиях жестокого противоборства между правительством и революционной партией, и манифест о незыблемости самодержавия, подчеркивавший твердую и непреклонную волю верховной власти, способствовал успокоению умов. В свою очередь, воцарение Николая II пришлось на относительно мирный период, но царская речь о «бессмысленных мечтаниях» быстро привела к сплочению всех антиправительственных – революционных и либерально-оппозиционных – сил, открыто провозглашавших свой главный политический девиз: «Долой самодержавие!».

---

⁴³⁶ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. В 2 т. М.: Феникс, 1992. Т. 1. С. 49.

⁴³⁷ *Ольденбург С.С.* Указ. соч.

Совещание оппозиционных и революционных партий в Париже 30 сентября – 9 октября 1904 г. высказалось за ликвидацию самодержавия и его «замену свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов», а также за прекращение «насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям» и «право национального самоопределения»⁴³⁸. Так была сформулирована общая идейно-политическая платформа революционеров и либеральной оппозиции, отстаивавшаяся ими в ходе революции 1905 г. Земский съезд в Петербурге 6–9 ноября 1904 г. отверг идею законосовещательного представительства и проголосовал за создание выборной «законодательной власти» с правами принимать государственный бюджет и осуществлять «контроль за законностью действий администрации». Часть земцев высказывалась за создание «учредительного органа», которому предстояло бы разработать «политическую реформу». Будущий лидер кадетской партии П.Н. Милюков был доволен тем, что съезд одобрил этот замысел «в завуалированной форме»⁴³⁹. Так планы принятия конституции посредством Учредительного собрания стали неотъемлемой, хотя и несколько «завуалированной» частью программы земско-либерального движения. Более радикальная и близкая как к леволлиберальным, так и к революционно-социалистическим силам, «демократическая» интеллигенция

---

⁴³⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. С. 170.

⁴³⁹ Там же. С. 171.

рубежа XIX–XX вв. изначально признавала Учредительное собрание и республику вполне приемлемыми формами переустройства России. Представители «демократической» интеллигенции – составители гапоновской «Петиции рабочих и жителей Петербурга», предназначенной для подачи Николаю II 9 января 1905 г., – включили в нее, наряду с социальными чаяниями пролетариев, требования проведения «выборов в Учредительное собрание» посредством «всеобщей, тайной и равной подачи голосов», политических свобод и «ответственности министров перед народом»⁴⁴⁰.

В 1905–1906 гг., пойдя на крупные политические уступки, Николай II, тем не менее, удержал за собой учредительные права. Манифест 17 октября 1905 г. даровал народу «незыблемые основы гражданской свободы», а учреждаемой Государственной думе – законодательные и контрольные функции⁴⁴¹. Основные государственные законы Российской империи, подписанные царем 23 апреля 1906 г., превращали Россию в конституционную («Думскую») монархию. Законодательная власть принадлежала отныне не только государю императору, но и законодательным палатам – выборной Государственной думе и наполовину выборному Государственному совету. Выборы производились на кури-

---

⁴⁴⁰ Начало первой русской революции: январь – март 1905 года / Под ред. Н.С. Трусовой. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 26–32.

⁴⁴¹ Государственная дума в России в документах и материалах / Сост., авт. вступ. статьи и ввод. статей к разд. Ф.И. Калинычев. М.: Госюриздат, 1957. С. 90–91.

альных началах. Наиболее «цензовыми» были выборы в Государственный совет. Роль Сената соответствовала статусу конституционного суда; Сенат не должен был допускать издания актов, противоречивших Основным законам. Но в то же время в руках государя императора оставалась вся полнота исполнительной власти, ему подчинялось высшее военное командование. Кроме того, власть царя по-прежнему именовалась «самодержавной» (ст. 4)⁴⁴², хотя и не считалась более «неограниченной».

Вопреки изданной монархом новой редакции Основных законов, оппозиционное большинство I Государственной думы во главе с кадетами настаивало на наделении Думы «учредительной властью». Оно добивалось от императора:

- одобрения аграрной программы, которая предусматривала бы «принудительное отчуждение» помещичьей земли;
- «образования ответственного министерства из думского большинства»;
- всеобщей политической амнистии;
- введения всеобщего избирательного права;
- принятия «учредительной властью Думы», с согласия царя, «новой конституции»;
- «отмены Государственного совета».

Доверенное лицо Николая II – дворцовый комендант ге-

---

⁴⁴² Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сборник законодательных актов / Сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 15.

нерал Д.Ф. Трепов, который в июне 1906 г. обсуждал политические требования оппозиции на переговорах с П.Н. Миллюковым, не высказал возражений ни по одному из пунктов, касающихся собственно реформы политического строя. Он лишь пожелал, чтобы «дополнительный надел» дал крестьянам «царь, а не Дума», и протестовал против помилования «цареубийц»⁴⁴³. Однако бескомпромиссная позиция Думы, избравшей тактику «штурма власти», привела к ее роспуску в июле 1906 г. Это решение царя полностью соответствовало Основным законам.

Правда, при роспуске II Думы 3 июня 1907 г. Николай II и премьер П.А. Столыпин решились на «государственный переворот», так как, в нарушение ст. 87 Основных законов, монарх произвольно изменил закон о выборах в Думу. Порядок избрания депутатов был признан несовершенным, а состав Думы – «неудовлетворительным». Поэтому царь отказывался проводить новый избирательный закон «обычным законодательным путем». Правительство не имело никакой возможности заручиться поддержкой прежнего депутатского корпуса, ибо по новому закону вместо крестьянства и городской интеллигенции доминировать в Думе должны были крупные землевладельцы и крупная городская буржуазия. «Крестьянская» Дума стала «господской». Царь вновь заявлял о своих учредительных правах, вытекавших из официального определения его власти как «самодержавной». В

---

⁴⁴³ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 251–252.

связи с заменой старого избирательного закона новым, высочайший манифест 3 июня 1907 г. подтверждал верховенство «исторической власти русского царя», врученной «от Господа Бога»⁴⁴⁴.

«Конституционное самодержавие» Николая II порождало очень двусмысленное толкование характера тогдашнего политического строя России. С одной стороны, законодательные права выборного представительства сами по себе являются атрибутом конституционного государства. С другой – в ближайшем окружении Николая II царскую власть продолжали считать абсолютной. Так, императрица Александра Федоровна, имевшая огромное влияние на политику правительства, не раз повторяла, что «Россия, слава Богу, не конституционная страна» и что «Царь правит, а не Дума», и призывала царственного супруга быть «властелином»⁴⁴⁵. Между тем, в политических кругах, а во время Мировой войны – и в рядах генералитета, укоренилось мнение о невозможности, говоря словами А.А. Брусилова, «продолжать сидеть на двух стульях и одновременно сохранять и самодержавие и конституцию в лице законодательной Думы». Наилучшим выходом из долгого политического кризиса многим в ту пору представлялось согласие царя дать «настоящую конститу-

---

⁴⁴⁴ Государственная дума в России в документах и материалах. С. 271–273.

⁴⁴⁵ *Платонов О.А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 171, 214, 620, 621, 629.

цию с ответственным министерством»⁴⁴⁶. 9 февраля 1916 г., после речи Николая II в IV Думе, председатель Думы М.В. Родзянко призвал царя воспользоваться «этим светлым моментом» и «здесь же» объявить об «ответственном министерстве». «Об этом я еще подумаю»⁴⁴⁷, – ответил монарх.

Однако несколькими месяцами ранее – в августе 1915 г., во время «великого отступления» русской армии на германском фронте, думское оппозиционное большинство, объединившееся в Прогрессивный блок, а также либерально настроенные общественные деятели, сплотившиеся вокруг Всероссийского Земского союза и Союза городов, и политически активная буржуазия, образовавшая свои военно-промышленные комитеты, начали подготовку переворота. Ими был составлен список членов так называемого «министерства доверия». О радикализации либерального лагеря свидетельствовал отказ от лозунга «ответственного министерства», то есть кабинета, ответственного перед Думой, в пользу «министерства доверия», то есть правительства, состав и программа которого должны быть одобрены общественными силами. При этом лидеров Прогрессивного блока не смущал такой туманный порядок формирования правящего кабинета, где недостаток правовых процедур легко мог быть восполнен «революционной целесообразностью». Дума уже

---

⁴⁴⁶ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 75–76.

⁴⁴⁷ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 187.

не рассматривалась ими в качестве органа, правомочного решать вопросы политического переустройства России. «“Министерство доверия” страны, – признавался впоследствии П.Н. Милюков, – представляло больше перспектив, нежели “министерство ответственное”... перед Четвертой Думой (...) “Ответствовать” было не перед кем: вопрос стоял о “доверии”»⁴⁴⁸. Правда, оставалось неясным, какие именно учреждения могли быть признаны отражением мнения «страны». Вероятно, главными претендентами на эту роль выступали Земский союз и Союз городов. Но циничные рассуждения лидера кадетов дают основания полагать, что вожди либеральной оппозиции собирались присвоить себе право управлять «страной» от ее же имени. На пост главы «кабинета» поначалу предназначался председатель Думы М.В. Родзянко. Однако собрание деятелей либеральной оппозиции и социалистических партий в апреле 1916 г., по настоянию Милюкова, решило отдать премьерство председателю Земского союза князю Г.Е. Львову как полномочному представителю более широких, по сравнению с Думой, кругов «общества». Вспоминая об этом своем успехе, Милюков писал: «Политическая роль, которую Дума играла, так сказать, по молчаливому передоверию, должна была перейти к русской общественности (...) В этом смысле смена Родзянки князем Львовым была первым революционным шагом...»⁴⁴⁹.

---

⁴⁴⁸ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 442.

⁴⁴⁹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 443–444.

Таким образом, примерный состав будущего первого Временного правительства («министерства доверия») стал известен публике задолго до Февраля 1917 г. Но соглашаясь на «первый революционный шаг», вожди либеральной оппозиции невольно открывали широкий простор для «революционного творчества масс». Выразителем воли «русской общественности» мог стать любой неформальный или самозванный «общественный» орган, что на практике означало бы не только уничтожение старого государственного строя, но и утрату каких-либо представлений о законном порядке как таковом.

Предначертания вождей либеральной оппозиции и представителей революционно-социалистических сил осуществились в Феврале 1917 г. Однако Временному правительству не было суждено стать «министерством доверия», вместо последнего Петроград и вся Россия получили Двоевластие, в условиях которого произошло стремительное возрождение идеи Учредительного собрания. Еще днем 27 февраля 1917 г. – до окончательной победы революции в Петрограде и отречения Николая II – часть депутатов IV Думы предлагала «объявить Думу Учредительным собранием»⁴⁵⁰, но этот замысел не нашел поддержки ни в Таврическом дворце, ни тем более за его пределами; а события Февраля привели к фактическому самороспуску Государственной думы. Однако идея Учредительного собрания не только не была

---

⁴⁵⁰ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 454.

снята с повестки дня, но и стала ключевой для будущего политического переустройства России. Временному правительству, которое уже в первый день своего существования – 2 марта 1917 г. – пережило первый кризис, вызванный разногласиями с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов по вопросу о «форме правления», не без труда удалось достичь с вождями Совета компромисса, предполагавшего созыв Учредительного собрания для «разрешения вопроса о конституции»⁴⁵¹. А.Ф. Керенский, ставший министром юстиции в первом составе Временного правительства, высокопарно клялся, что Временное правительство передаст «священный сосуд» верховной власти «Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли»⁴⁵². Призыв к скорейшему созыву Учредительного собрания, которое надлежало всенародно избрать путем «всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» и которому следовало «установить образ правления и новые основные законы Государства Российского», находим в весьма странном, с юридической точки зрения, акте об отказе великого князя Михаила Александровича от престола от 3 марта 1917 г.⁴⁵³ В этом акте, подписанном по настоянию деятелей нового режима, несо-

---

⁴⁵¹ Архив русской революции. В 22 т., 11 кн. М.: Terra, Политиздат, 1991. Кн. 2. Т. 3. С. 266–268.

⁴⁵² Цит. по: *Хрусталева В.М.* Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008. С. 419.

⁴⁵³ Цит. по: *Воронин В.Е.* Отречение: Император Николай II и Февральская революция. М.: Прометей, 2017. С. 112.

стоявшийся царь, однако, объявлял о порядке избрания и компетенции будущего Учредительного собрания. Свергнутый и отрекшийся от престола император Николай II крайне неодобрительно отозвался о санкционированном в «манифесте» брата созыве Учредительного собрания, избираемого на основе «четырёххвостки»⁴⁵⁴. «Бог знает, – писал последний царь в дневнике, – кто надоумил его подписать такую гадость!»⁴⁵⁵.

После крушения старой государственно-правовой системы и появления различных центров силы созыв Учредительного собрания уже не мог привести к мирному реформированию государственного и общественного строя России. В стране сохранялось Двоевластие. Противоборствующие стороны – Временное правительство и Советы – ни на миг не теряли надежду решить вопрос о власти в свою пользу, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание неоднократно откладывались как по причине неготовности властей к столь широкомасштабному мероприятию, так и вследствие желания Временного правительства обеспечить оптимальные для себя условия созыва учредительного органа власти. Правда, промедление в данном деле и стратегия «непредрешения» все более дискре-

---

⁴⁵⁴ Согласно русской политической терминологии начала XX в. – всеобщие, прямые, равные и тайные выборы.

⁴⁵⁵ Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 625.

дитировали Временное правительство. Вскоре после подавления Корниловского мятежа, 1 сентября 1917 г., самозванный и бессильный диктатор А.Ф. Керенский решился провозгласить Россию республикой, предвосхищая волю Учредительного собрания. Этот шаг стал крупным прецедентом в деле ограничения прав Учредительного собрания временной властью. Большевики, взявшие власть в Октябре, а затем заявившие Учредительному собранию свое ультимативное требование признать Россию «Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и ограничить свою деятельность «общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества»⁴⁵⁶, выступили лишь продолжателями (хотя и довольно радикальными) этой не ими заведенной традиции.

Низложение Временного правительства и переход власти к большевизированным Советам означали разрешение многомесячного политического кризиса в столице и, в то же время, переход к открытой фазе гражданской войны. Ответом на «октябрьский переворот» явился антисоветский мятеж генерала А.М. Каледина на Дону, а в декабре 1917 г. на Юге России была создана Добровольческая армия под командованием генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова. С этого момента победитель в политическом противоборстве, пере-

---

⁴⁵⁶ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. 3 (16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 321–323.

росшем в гражданскую войну, мог быть выявлен отнюдь не в ходе парламентских прений, а на полях сражений. Таким образом, Учредительное собрание стало, по определению большевистской фракции, «вчерашним днем революции»⁴⁵⁷ еще до своего открытия.

В условиях начавшейся в стране гражданской войны Советское правительство, составленное из большевиков и левых эсеров, не желало иметь в столице собрание недовольных граждан, претендующих на верховную власть. Однако всеми признанная необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания сделала Советскую власть заложницей этой «демократической» процедуры. Л.Д. Троцкий вспоминал, что В.И. Ленин предлагал коллегам «отсрочить выборы», чтобы «обновить избирательные списки». При этом речь шла, очевидно, отнюдь не только о партии эсеров, расколовшейся на правых и левых. Ленин считал, что большевистские списки «никуда не годятся: множество случайной интеллигенции, а нам нужны рабочие и крестьяне». Наконец, он настаивал на том, что «корниловцев, кадетов надо объявить вне закона». Но советский премьер не был поддержан собственным кабинетом. Оппоненты Ленина считали отсрочку выборов неудобной, ибо «это будет понято как ликвидация Учредительного собрания, тем более что мы сами обвиняли Временное правительство в оттягивании Учре-

---

⁴⁵⁷ Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы / Сост. Т.Е. Новицкая. М.: Недра, 1991. С. 140.

дительного собрания». Ленин предупреждал об опасности появления «кадетски-меньшевистски-эсеровского» Учредительного собрания, но его соратники (в первую очередь, тесно «связанный с провинцией» Я.М. Свердлов) констатировали, что для переноса выборов «сейчас мы еще слишком слабы. О Советской власти в провинции почти ничего не знают. И если туда теперь же попадет весть о том, что мы отсрочили Учредительное собрание, это нас ослабит еще более». В то же время они полагали, что к моменту открытия Учредительного собрания «мы будем сильнее». Ленин уступил, но остался при своем мнении, считая принятое решение «явной ошибкой», которая может стоить «революции головы», и направил свои усилия, по свидетельству Троцкого, «на организационные меры, связанные с осуществлением Учредительного собрания»⁴⁵⁸.

Итоги выборов в Учредительное собрание были неутешительными для большевиков: почти 39,5% голосов избирателей и большинство мест получили эсеры; за большевистскую партию, ставшую формально второй политической силой страны, было подано почти 22,5% голосов, давших ей около четверти мест⁴⁵⁹. Альянс большевиков с левыми эсерами также не дал Советскому правительству большинства

---

⁴⁵⁸ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 206.

⁴⁵⁹ Данные об итогах выборов в Учредительное собрание – см.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОС-СПЭН, 1997. С. 363–366.

в Собрании. Но явная несправедливость правых эсеров в отношении левых, которым, согласно устаревшим партийным спискам, пришлось баллотироваться вместе со своими бывшими однопартийцами и которые «были кругом обмануты»⁴⁶⁰, позволяла Советской власти не признавать в полной мере легитимность и правомочность всенародно избранного учредительного органа, обусловив их признанием легитимности и правомочности советских учреждений. Эта позиция Советского правительства была отражена в тексте «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Принятие этой ультимативной по духу «Декларации...» Учредительным собранием привело бы на практике или к его самороспуску, или к превращению Собрания в декоративный орган по подготовке советского конституционного законодательства, а его правоэсеровского большинства – в союзников Ленина и Советской власти. Для правосоциалистических партий это, вероятно, был последний шанс влиться в ряды советской, пока еще – многопартийной – политической системы.

Впрочем, судя по мемуарам Троцкого, вождь Октября не верил в возможность сотрудничества с Учредительным собранием и заранее начал готовиться к его разгону. Однако формальную легитимность этому шагу могла придать только поддержка левых эсеров, оспаривавших право своих бывших товарищей по партии считаться победителями на про-

---

⁴⁶⁰ *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 206.

шедших выборах. «Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, – говорил Ленин, – но вот как насчет левых эсеров?»⁴⁶¹. Левые эсеры поддержали большевиков.

При этом самым горячим сторонником Ленина оказался Марк Андреевич Натансон – один из старейших революционеров, сыгравший большую роль в сплочении революционно-социалистических сил (народников, эсеров, социал-демократов и др.) ради их совместной борьбы против самодержавия и за социалистические преобразования в стране. В ноябре 1917 г. Натансон – сторонник «октябрьского переворота» – инициировал создание отдельной партии левых эсеров, а затем выступил за коалицию с большевиками. Когда решалась судьба Учредительного собрания, «старик Натансон», по словам Троцкого, «очень утешил» большевистских лидеров; он первым предложил им давно напрашивавшееся решение проблемы. Зайдя «посоветоваться», Натансон без обиняков заявил Ленину: «А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой». Ильич был доволен. «Браво, – воскликнул Ленин. – Что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?». Ответ Натансона был почти утвердительным: «У нас некоторые колеблются. Но я думаю, что в конце концов согласятся». Вскоре согласие левых эсеров было получено⁴⁶².

Разгон Учредительного собрания, как и другие действия

---

⁴⁶¹ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 207.

⁴⁶² Там же.

революционного правительства в первые месяцы Советской власти, был вполне выдержан в духе традиций Великой французской и других европейских революций прежних столетий. Революционеры гордились этим сходством и всячески подчеркивали его. Ленин, конечно, не был исключением. Однако в своих деяниях он отдавал предпочтение рациональной мотивации – в ущерб «чистому праву» («юридическому кретинизму») и революционной романтике. Когда Натансон предложил Ленину «присоединить» большевистскую и левоэсеровскую фракции Учредительного собрания к ВЦИКу, преобразовав последний в «Конвент», вождь большевиков недоумевал. Предположив, что собеседник вынашивает свой план «для подражания французской революции», Ленин быстро разрешил возникшее недоразумение: «Разгоном учредилки мы утверждаем советскую систему». Доводы, что Конвент прибавит Советской власти «часть авторитета Учредительного собрания», не подействовали и Натансон «скоро сдался»⁴⁶³. Участь «учредилки» была решена. Вместо нее в стране утверждалась «советская система». Она была рабоче-крестьянской, то есть по-революционному «цензовой» и враждебной «бывшим господствующим классам», исход борьбы с которыми зависел не от расклада голосов, а от воли победителя в гражданской войне.

Итак, идея Учредительного собрания стала важным звеном в процессе трансформации российской государствен-

---

⁴⁶³ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 207.

ности от самодержавия к великой социальной революции. Русские оппозиционные и революционные деятели считали Учредительное собрание переходной политической формой, которая должна знаменовать собой передачу верховной власти новому правительству, законодательное закрепление и легитимацию нового политического строя. Тем самым Учредительное собрание представлялось в виде хрупкой грани между *Реформой* и *Революцией*. Но в реальности этой грани не существовало. После крушения старого строя Россия жила в условиях Революции и по ее законам.

В.И. Ленин в 1917 г. и проблема «не той» революции (по Ф. Энгельсу)

Горский В.В.

Аннотация. Историческую роль В.И. Ленина как вождя Октябрьской революции невозможно осмыслить в отрыве от принципов его мышления, в основе которых лежала материалистическая диалектика, и применения этих принципов на практике. Данная статья посвящена марксистской диалектике революции, а также ленинскому восприятию и ленинским подходам к практическому применению этой диалектики.

Ключевые слова: революция, утопия, диалектика, история, философия, марксизм.

V.I. LENIN AND THE PROBLEM OF THE “WRONG” REVOLUTION (ACCORDING TO F. ENGELS)

Gorskiy V. V.

Abstract. The historical role of Lenin as the leader of the October revolution cannot be understood in isolation from the principles of his thinking, based on the materialist

dialectic and the application of these principles in practice. This article deals with the Marxist dialectic of revolution and the Leninist perception and Leninist approaches to the practical application of this dialectics.

Keywords: revolution, utopia, dialectics, history, philosophy, Marxism.

Мысль о том, что утопию можно построить, в России начал развивать с позиций негативизма Николай Бердяев в 1922 г. В своей последней работе «Царство духа и царство кесаря» (1948) он писал: «Большевизм считали утопией, но он оказался реальнее, чем капиталистическая и либеральная демократия. Обыкновенно утопией считают неосуществимое. Это ошибочно. Утопии могут осуществляться и даже в большинстве случаев осуществлялись... Большевики – утописты, они одержимы идеей свершенного гармонического строя. Но они также реалисты, и в качестве реалистов они в извращенной форме осуществляют свою утопию»⁴⁶⁴.

О большевистской революции как «реализации утопии» писал в «Истории Российской Империи» М.Я. Геллер: «Демагогические лозунги, быстро организованная система террора были одной стороной большевистской власти. Второй стороной были взрывные идеи социалистической революции, реализующей утопические мечты о всеобщей справед-

---

⁴⁶⁴ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 353–354.

ливости»⁴⁶⁵. Данной тематике была посвящена также книга М.Я. Геллера и А.М. Некрича «Утопия у власти», вышедшая в 1982 г. и чуть позже дополненная описанием СССР времен М.С. Горбачева⁴⁶⁶.

На волне идеологического оправдания разрушения СССР этот яркий слоган был очень востребованным. О его научности и состоятельности мало кто задумывался. Да и теперь мы нередко слышим это не только от начитавшегося публицистики обывателя или не имеющего исторического образования политика, но и от историков, считающихся ведущими специалистами в области Русской революции.

Например, характеризуя программу большевиков, В.П. Булдаков пишет: «Ужасам войны противопоставлялась грандиозная утопия, подававшаяся в наукообразной оболочке»⁴⁶⁷. Пытаясь пояснить свою мысль, он далее отмечает: «Сыграл свою роль и фактор социализации науки: ученые впервые попытались применить свои практики к общественно-политической жизни. Возник феномен “наукообразного мифа”, который придавал старым как мир утопиям дополнительную убедительность»⁴⁶⁸. Далее «утопия» дополняется «психозом», «обманом» и «самообманом» масс, и к это-

---

⁴⁶⁵ Геллер М.Я. История Российской империи. В 3 т. М.: МИК, 1997.

⁴⁶⁶ См.: Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. М.: МИК, 1990.

⁴⁶⁷ Булдаков В.П. Владимир Ленин: через войну к революции // Историк. 2016.

№ 5. С. 47.

⁴⁶⁸ Там же. С. 48.

му нехитрому набору сводится все «объяснение» феномена Русской революции, которое, конечно, таковым не является. Например: «Ленину помог апрельский кризис. Разразившиеся события представляли собой характерное сочетание провокации и анархии, утопии и психоза»⁴⁶⁹. Или: «...Ленинский “Декрет о мире” был, по существу, призывом к мировой революции. Правда, ни участники Второго съезда, ни широкие массы солдат не хотели этого замечать. В результате Россия сорвалась во внутреннюю гражданскую войну – куда более разорительную, нежели проклинаемая “война империалистическая”. Такова была жуткая цена грандиозного обмана и самообмана социалистических доктринеров и левоверных масс»⁴⁷⁰.

Столь же сомнительны, с научной точки зрения, утверждения, что Ленин затеял «самый смелый и один из самых жестоких социальных экспериментов, с какими когда-либо сталкивалось человечество»⁴⁷¹, и т.п. Вряд ли термин «эксперимент» можно использовать для характеристики ситуации, которую не представляется возможным воспроизвести в том или ином виде. Тогда придется называть экспериментом любую историческую деятельность, ибо ее результаты поначалу всегда непредсказуемы и могут лишь предвосхищаться идеальными представлениями и поставленными

---

⁴⁶⁹ Там же. С. 49.

⁴⁷⁰ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 49.

⁴⁷¹ Назаров О. Сила вождя // Историк. 2017. № 4. С. 28.

ми целями, а ее последующие результаты, как правило, всегда являются проверкой корректности замысла. «Исторический эксперимент» – скорее не научное понятие, а звучное публицистическое клише.

По мнению Г.Д. Гловели и Н.К. Фигуровской, «утопия исходит из проектирования совершенной социальной организации на основе какого-либо отвлеченного принципа»⁴⁷². Но любой социальный идеал, даже научно обоснованный, и любая связанная с ним целевая установка всегда будут отвлеченными и схематичными, так как не будут в полной мере учитывать ни множество неизбежных следствий тех или иных действий, ни – тем более – всевозможные случайности. Поэтому, строго говоря, всякий сознательно выстраиваемый социальный проект является утопией, а значит и возникающая при их столкновении идейная борьба есть борьба утопий (идеалов).

Практическая реализация социального проекта зависит от наличия соответствующего потенциала, который, однако, служит не гарантией, а лишь объективной возможностью его реализации – возможностью, требующей субъективного завершения. Необходимым условием его воплощения в действительность является наличие методологии, обеспечивающей адаптацию прогнозируемых результатов к постоянно

---

⁴⁷² Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма: сб. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 17.

меняющейся действительности.

Только субъективная диалектика (сознательная или стихийная) способна, до известной степени, совместить теоретическую конструкцию с действительностью путем постоянной диалектической коррекции идеала, выявления и разрешения его противоречий с объективной реальностью. В структуре идейной борьбы необходимо выделять и постоянно учитывать соотношение объективного потенциала теоретически мыслимого движения к провозглашенным целям, ожиданий субъекта и объективных интересов данного общества. Действительностью обладает социальный проект, существенные черты которого совмещаются с исторической реальностью на основе объективных потребностей развития общества. При этом требуется постоянная корректировка имеющихся средств и форм с учетом постоянно меняющихся обстоятельств социального движения. Отсюда возникает теснейшая связь философии, гносеологии (эпистемологии) с политикой. Французский философ Луи Альтюссер писал: «Философия – представитель политики в области теории, точнее, ее представитель при науке, и наоборот: философия – представитель науки в политике, при классах, вовлеченных в классовую борьбу»⁴⁷³.

Очень часто термин «марксизм» употребляется без качественной определенности – как некий набор тезисов К. Маркса и Ф. Энгельса, выдвинутых ими в процессе создания

---

⁴⁷³ Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ад Маргинем, 2005. С. 73.

известных трудов. Но это – поверхностный и неверный подход. Основу марксизма составляет диалектический материализм как основа объяснения и познания мира. Именно владение диалектическим методом на материалистической основе является мерилем принадлежности к марксизму; причем оно, как это следует из самой материалистической диалектики, не могло быть полным даже у Маркса (относительная истина субъективной диалектики). Что же касается тех, кого в России называли марксистами, то о них В.И. Ленин заметил в «Философских тетрадах»: «Диалектика и *есть* теория познания марксизма: вот на какую “сторону” дела (это не “сторона” дела, а *суть* дела) не обратил внимание Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁴⁷⁴.

Ленин всегда уделял большое внимание овладению диалектикой. После поражения Первой русской революции он засел за труды Гегеля, что отразилось в его «Философских тетрадах». Ленину было ясно, что догматический «марксизм» Г.В. Плеханова не может служить руководством к действию (об этом свидетельствовала его полная политическая импотенция) – в нем нет реальной связи между теорией и практикой, без которой все рассуждения о законах диалектики становятся пустопорожними. На это Ленин и указал в вышеупомянутой записи. Только сознательно освоив диалектику как **способ мышления**, а не только объяснения мира, можно было преодолеть этот разрыв. Для начала предстояло

---

⁴⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

осознать такую необходимость, а затем – применить на деле диалектический метод осмысления соотношения объективной реальности, теории и практики. И это – дорога, продолжительность которой, как и любого познания, ограничена только продолжительностью жизни.

Ключевым положением марксизма для диалектического осмысления практики революционной борьбы является положение, сформулированное Ф. Энгельсом в письме к В.И. Засулич в 1885 г. Оно было вряд ли понято адресатом, не владевшим диалектикой: **«Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать (выделено мной. – В.Г.)»**⁴⁷⁵. Через 5 лет в письме к Йозефу Блоху Энгельс развил и обобщил эту мысль: «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один,

---

⁴⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 26.

встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»⁴⁷⁶.

Деятельность и идейное наследие В.И. Ленина свидетельствуют о его стремлении неуклонно следовать диалектическому и материалистическому принципам как при осмыслении, так и при практическом вмешательстве в ход исторического процесса. Характеризуя свои замыслы и повороты своей тактики, за которыми не успевали даже соратники по партии – диалектики очень посредственные или вообще таковыми не являвшиеся, Ленин уже в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» в начале октября 1917 г. писал: «Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий,

---

⁴⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. С. 395–396.

разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению»⁴⁷⁷.

Ленин всегда сознавал неизбежность ошибок и несоответствия первоначальных идеалов достигнутым результатам. Выступая с докладом о НЭПе на VII Московской губпартконференции в октябре 1921 г., он говорил: «Не бояться признать поражение. Учиться на опыте поражения. Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят»⁴⁷⁸.

Убедительность Ленина как оратора и вождя также проистекала из владения диалектическим мышлением, способным спуститься с теоретических высот и постичь стихийные настроения большинства простых людей. Не понимавший этого меньшевик Н.Н. Суханов описывал эффект Ленина-оратора так: «Ленин вообще очень хороший оратор – не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или захватывающего пафоса, или острого словца, – но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы

---

⁴⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 322.

⁴⁷⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205.

и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до взятия в плен»⁴⁷⁹. Это взаимодействие вождя и масс образно отразил Сергей Есенин в поэме «Гуляйполе»:

*И мы пошли, пошли к той цели
Куда глаза его глядели*⁴⁸⁰.

Сила В.И. Ленина как субъекта революционного процесса заключалась в том, что он, чем дальше, тем больше, был готов увидеть «не ту революцию, которую делал вчера», а ту, которая формировалась «хитростью исторического разума» в результате действий его самого, его соратников, миллионов рабочих, крестьян и солдат, их поддержавших, а также врагов внутренних и внешних, преследовавших свои исторически обусловленные интересы. Он всегда ощущал себя субъектом «не той революции», которая более или менее поддается осмыслению отдельно взятым разумом, а той, в которой историческая закономерность проявляется через стихийное столкновение или взаимодействие миллионов индивидуальных волей. Его дело обрело гибкость и изменчивость, но сохраняло преемственность и наследственность, что придавало ему жизнеспособность. Делая «не ту революцию», Ленин

---

⁴⁷⁹ Цит. по: Назаров О. Сила вождя // Историк. 2017. № 4. С. 32.

⁴⁸⁰ Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7 т. М.: Наука – Голос, 1997. Т. 2. С. 187.

совершил ту, которая имела объективные возможности осуществиться.

Революция, которую начинали, не состоялась. Об этом Ленин прямо заявил в «Докладе о новой экономической политике» 29 октября 1921 г. на VII Московской губпартконференции. Та была идеальной и поэтому утопичной. Но состоялась другая революция, объективно вытекавшая из взаимодействия идеала и социальной действительности. Мечтавшие о «той революции» либералы и деятели революционных партий, не отступившие от ее «светлого образа» ни на шаг и желавшие осуществить все или ничего, закономерно проиграли. Их построения были мертвы и не оживлялись постоянным изменением, приспособлением к реальности. Это и были настоящие утопии.

Такой взгляд на диалектику Русской революции позволяет разрешить очевидное противоречие, навязанное Бердяевым. Утопия, по определению, не может воплотиться и может существовать только в идеальных теоретических схемах. Сам Бердяев об этом писал так: «Думаю, что совсем не неосуществимость и видение грядущей гармонии является главным бесспорным свойством утопии... Целостность есть главный признак утопии»⁴⁸¹. Приписывание «целостности» в этом смысле марксизму говорит только о том, что бывший «марксист» не обнаружил в нем сущностной основы – материалистической диалектики, которая в любой «целостно-

---

⁴⁸¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 354.

сти» (единстве) подразумевает взаимодействие противоположных начал. Не понимая диалектики идеального и реального, субъективного и объективного, абсолютного и относительного, отрицания отрицания, Бердяев все-таки ощущал наличие этой не познанной им сути и пытался дать ей свое формальное объяснение: «Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения»⁴⁸². Иными словами, утопические проекты реализуются в своей реалистичной, отвечающей объективным закономерностям части. Следовательно, речь идет о реализации уже не утопий, а исторической действительности, которая создавалась деятельностью больших групп людей и соответствовала природе исторического процесса. Таким образом, перед нами – характеристика любой деятельности. Оговорка, что утопии «в большинстве случаев осуществлялись»⁴⁸³, вызвана, вероятно, подспудным осознанием данного факта. Впрочем, такое произвольное обращение с понятийным аппаратом только размывает смысл используемых терминов, затрудняя и затемняя анализ процесса взаимодействия бытия и сознания. До конца не понимая, но чувствуя диалектику исторической деятельности, объективирующей субъективные построения в их реалистичной части, Бердяев писал: «Но от искаженной утопии всегда остается и что-нибудь положительное»⁴⁸⁴.

---

⁴⁸² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 354.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же.

Советская Россия и Советский Союз, собравший основную часть бывшей Российской Империи, воплотились и решили беспрецедентные по сложности исторические задачи – такие, как победа в Гражданской войне, побуждение стран Антанты к отказу от интервенции и оккупации значительных частей территории страны, восстановление разрушенного войнами хозяйства, форсированная индустриализация, культурная революция, победа в Великой Отечественной войне, достижение вершин научно-технического прогресса, достижение ядерного паритета и предотвращение атомной войны как губительного для цивилизации явления, содействие распаду колониальной системы и развитию социально-ориентированного капитализма в государствах Запада. И это – далеко не полный перечень. Советский строй являлся не утопией, а реальной и созидательной исторической практикой. Утопией же является все субъективное, что не осуществилось, даже если и могло иметь определенный исторический смысл.

Архетипические образы в наглядной агитации времен революции и Гражданской войны

Конохов К.Р.

Аннотация. Статья посвящена использованию архетипических образов в наглядной агитации в период Гражданской войны в России. Отмечается, что обе стороны обращались к образам «земного рая», былинных богатырей, чудовищ и т.д. «Красным» плакатистам удалось гораздо эффективнее и полнее использовать устойчивые традиционные представления в своем творчестве. Приводятся примеры наиболее ярких работ Д. Моора (Орлова), А. Апсита (Апситиса), Б. Зворыкина.

Ключевые слова: архетип, плакат, Гражданская война, рай, красный богатырь.

ARCHETYPAL IMAGES IN VISUAL AGITATION OF THE TIMES OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

Konyukhov K.R.

Abstract. The article is devoted to the use of archetypal images in visual propaganda during the Civil war in Russia. It is noted that both sides were turned to the images of “Paradise on earth”, epic heroes, monsters, etc. “Red” poster managed much more efficiently and make better use of sustainable traditional ideas in his work. Examples of the most striking works by D. Moor (Orlov), A. Apsit (Apsitis), B. Zworykin.

Keywords: archetype, poster, Civil war, paradise, red hero.

Тема становления и развития отечественного плакатного искусства в годы Гражданской войны и интервенции не нова для нашей историографии. За последние сто лет вышло немало красочных альбомов, исследований и статей, посвященных этой проблеме⁴⁸⁵. Изучались художественные стили и формы, тематика и жанры, организационные методы ведения агитации и пропаганды посредством визуальных образов, особенности полиграфической базы. Среди огромного количества сюжетов как-то потерялся вопрос об использовании художниками традиционных и легко узнаваемых насе-

---

⁴⁸⁵ См., напр.: *Полонский В.П.* Русский революционный плакат. М.: Государственное издательство, 1925; *Тугенхольд Я.А.* Искусство Октябрьской эпохи. Л.: Academia, 1930; *Бутник-Сиверский Б.С.* Советский плакат эпохи Гражданской войны, 1918–1921. М.: Всесоюзная книжная палата, 1960; *Колоскова Т.Г.* Символы эпохи в советском плакате. М.: Государственный Исторический музей, 2001; *Лежнев Е.Е.* Плакат как средство политической агитации в 1917–1930-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/plakat-kak-sredstvo-politicheskom-agitatsii-v-1917-1930-e-gody> (дата обращения: 18.01.2018).

лением образов – архетипов общественного сознания. Под понятием «архетип» я подразумеваю не юнгианскую, а, скорее, «пропповскую» трактовку данного термина – устойчивое представление, образ, сложившийся в общественном сознании на протяжении веков и влияющий на ценностные оценки и поведение современных людей.

Человек далеко не всегда понимает, как и когда архетип проникает в его сознание. Часто ему кажется, что он с ним родился. Поэтому он воспринимает его как часть своей личности, и, как правило, доверяет ему. Неудивительно, что в условиях Гражданской войны привлечь на свою сторону такие мощные образы стремились пропагандисты и с той, и с другой стороны. Однако возникали и затруднения. Белых настораживали «анархические» и языческие корни многих народных представлений; красных, созидавших новое светлое будущее, – естественные апелляции к традиционной старине. Один из руководителей советского агитпропа – Вячеслав Полонский – писал: «Следует отметить, что первые наши опыты в области плаката имели тот же буржуазный, отвлеченный, абстрактный характер, с той лишь разницей, что аллегорическая фигура России, приносимой в жертву большевиками (тема одного белогвардейского плаката) заменялась у нас не менее аллегорической фигурой чудовища-капитала, пожирающего рабов. Многоглавой гидре большевизма, поражаемой доблестным рыцарем, соответствовала на целом ряде первых наших литографий многоглавая же гидра

контрреволюции, уничтожаемая рабочими и крестьянами и т.д. Конкретные образы были различны, отвлеченный аллегоризм – одинаковый. Здесь оказалась зависимость первых наших опытов от буржуазного сознания тех мастеров, которые, будучи выходцами из буржуазного класса, принесли нам, вместе с техническими навыками, чуждый нам подход в трактовке агитационной литографии. И лишь пройдя не короткий путь поисков подлинного революционного плаката, мы сумели освободиться от буржуазного влияния и, отрешившись от аллегоризма и символизма, стали брать в основу темы простые, близкие и понятные тому зрителю, к которому плакат обращался, и которые, в конце концов, были нам подсказаны этим самым зрителем»⁴⁸⁶. И все-таки раскрыть образ героя, врага, светлого грядущего и славного прошлого без опоры на традиционные представления было практически невозможно.

Образ будущего был одним из ключевых в наглядной агитации и пропаганде большевиков в годы Гражданской войны. Новый мир, который предстояло построить народу, естественно, ассоциировался с земным раем – раем, в который можно было попасть при жизни. Этот сюжет хорошо известен нам по сказкам, но он создает два образа райской жизни – скучной и сытой. Одно другого не исключало, но в народном сознании эти образы противопоставлялись довольно явно. Лопарь на воздушном шаре улетел на небо. «Ну

---

⁴⁸⁶ Полонский В.П. Указ. соч. С. 76.

по небесам ходит, живет, народу никого нету. Неделю прожил, скучно стало, что земли не видать. Ходил, ходил, нашел у Бога ярус и видит, что ярусов много наложено у Бога, а **Бога самого нету** (выделение мое. – К.К.). Думает: я свяжу и спускать буду и хватит до земли. ... Так и вышел (волк вытащил из болота. – К.К.). Пришел и рассказывает: “Нет, ребята, не нужно попадать на небо”»⁴⁸⁷. А вот прямо противоположно эмоционально окрашенный образ небесного царства: «Старуха согласилась, полезла по горошенке. Лезла, лезла, долезла до самой верхушки. Смотрит, на самой макушке стоит избушка. Старуха вошла в нее, смотрит – никого нету. А избушка вся встроена не по-нашему: стены из пирогов, печка из блинов, столы сырные, лавки пряничные и всего в ней довольно: и масла, и творогу, и меду и всего, всего формально. Старуха поела, что ей по душе и по зубам больше пришло, наелась вдоволь...»⁴⁸⁸.

На советских плакатах воплощен именно второй образ земного рая. И даже на самых гнусных листовках «воинствующих безбожников» не встречаем первого. Образ пищевого достатка воплощается не в кучах продуктов, а в скирдах сжатого хлеба – плакат воспекает не только сытое будущее, но

---

⁴⁸⁷ Лопарь на небе // Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2008. С. 525.

⁴⁸⁸ Небесная избушка // Полное собрание русских сказок (ПСРС). СПб.: Тропа Троянова, 2005. Т. 11; *Чудинский А.Е.* Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М.: Книга по требованию, 2012; *Эрленвейн А.А.* Народные сказки, собранные сельскими учителями. Иваново: Роцца, 2015. С. 54.

и труд, который это будущее создал. Принципиально важно, что рядом с убраным полем изображаются дымящие трубы заводов – образ счастливой жизни для рабочего. Горожанину важно, чтобы завод работал и давал продукцию, а значит – устойчивую зарплату. Если для крестьянина предвестником голода является неурожай, то для пролетария – безработица. Если А. Апсит (А.П. Апситис) просто рисовал картину нового мира, то Д. Моор (Орлов) уточнял краткими аннотациями: «свободный труд» – около заводских труб, «наука» – возле здания библиотеки, «искусство» – рядом с дворцом культуры (рис. 1). Можно предположить, что в послевоенные годы традиционное восприятие нового мира, как мира не только радостного труда, но и сытной пищи усилилось: этот мотив очень хорошо прослеживается, например, в оформлении станций Московского метрополитена, ВДНХ, где образ «рога изобилия» встречается повсеместно.

Пропаганда белых армий тоже эксплуатировала образ счастливого мира, но делала это редко и неохотно. Причина, видимо, лежит на поверхности: не было никаких оснований полагать, что после победы «белого дела» что-то в стране принципиально изменится к лучшему. Все, что можно было предъявить красным, – это разруху на контролируемой ими территории. Аргумент был слабым, так как в тылу у белых дела шли не намного лучше. Приходилось обращаться к представлениям прошлого, среди которых большую роль играла религиозная тематика. Это хорошо видно на плакате

«Белые против красных» (рис. 2).

Рис. 1. Царские полки и Красная Армия. Художник Д.С. Моор. 1919 г.

Схожесть используемых образов поражает. Любопытно, что тщательно прорисованному дьяволу противостоит не Господь, не Архангел с огненным мечом, а маленький статичный крест. Как будто образ взят из сказки, записанной Н.Е. Ончуковым: небеса пусты и бездеятельны. Священнослужители, как олицетворение будущего, на контрреволю-

ционных плакатах если и присутствуют, то только в качестве мучеников. А вот золотые купола храмов можно увидеть (рис. 3).

Рис. 2. Белые против красных. Белогвардейский плакат времен Гражданской войны

ЗА ЕДИНУЮ РОССИЮ

Рис. 3. За единую Россию. Белогвардейский плакат времен Гражданской войны

Рис. 4. Привет, товарищи! Художник Д.С. Моор. 1920 г.

Однако и большевики вовсе не исключали этот образ из своей агитации. На плакате Д. Моора, посвященного III Интернационалу (!), церкви тоже присутствуют (рис. 4).

Своеобразный итог этому соревнованию подвел Александр Дроздов: «Что же все-таки было создано громоздким и многолюдным Освагом? Я говорю с чистым сердцем и с чистою душой: ничего кроме вреда. Осважные плакаты казались жалкими рядом с великолепными плакатами большевиков, а ведь в художественной части работали такие имена, как И. Билибин и Е. Лансере»⁴⁸⁹. Конечно, ни И. Билибин, ни Е. Лансере не уступали в мастерстве Д. Моору или В. Дени (Денисову). Просто последние гораздо лучше использовали имеющийся в их распоряжении материал и, в частности, архетипический образ рая на земле.

То же относится и к еще одной очень важной для традиционного сознания фигуре – образу героя-богатыря. Красный богатырь смотрит на нас с каждого второго советского плаката времен Гражданской войны. Он выступает в разных ипостасях: Спаситель мира, труженик, воин, просветитель. Спаситель мира – фигура космического масштаба. Она, казалось, не могла быть наполнена высоким смыслом вне религиозного христианского контекста, и поэтому советская

---

⁴⁸⁹ Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. В 22 т. М.: ТЕРРА: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 53.

власть была не в состоянии использовать этот образ в полной мере. Интересный выход нашел А. Апсит на плакате «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»: он изображает юного героя с факелом и красным флагом, ведущим народы на свет путеводной (разумеется, пятиконечной) звезды (рис. 5). С христианским, а на самом деле – еще более древним символом гармонично объединены образы Прометея и Данко.

Плакат «Рабочий вырвал мир из тьмы и озарит его светом просвещения» прямо апеллирует к образу Прометея (рис. 6). Здесь никакой христианской символики уже нет, зато присутствует образ титана, дарующего свет знания всему Земному шару. Не огонь приносится миру, а весь мир выносятся к свету из тьмы невежества.

Рис. 5. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Художник А. Апсит. 1919 г.

Еще более показательны образы красных богатырей-тружеников. Мощь рабочего подчеркнута гипертрофированно огромными орудиями труда или произведенными изделиями. Любимым героем советского плаката времен Гражданской войны является кузнец. Мы уже видели гигантские молоты и наковальни, Земной шар в руках пролетария; не уступают им в размерах создаваемые бомбы и снаряды. Сказочные кузнецы выковывают богатырям булавы и мечи в десятки и сотни пудов. Кузнец обладает особым могуществом в борьбе с нечистой силой, именно он помогает богатырю победить опасную и хитрую змеиху⁴⁹⁰. Богатырь-крестьянин представлен на плакатах реже, но его архетипические корни прослеживаются очень хорошо: это былинный Микула Селянинович на плакате «Красный пахарь» (рис. 7).

---

⁴⁹⁰ Буря-богатырь // *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. В 3 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1. С. 274.

РАБОЧИИ ВЪРВАЛ
ПЪТЪ ИЗ ТЪМЪ

ОЗАРЕНЪ СЪО СВЕТОТЪ

Рис. 6. Рабочий вырвал свет из тьмы и озарит его светом
просвещения

*Как орет в поле оратай посвистывает,
А бороздки он да пометывает,
А пенья-коренья вывертывает,
А большие камни в борозду валит.
У оратая кобыла соловая,
Гузки у нее шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скатен ли жемчуг рассыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя...* ⁴⁹¹

---

⁴⁹¹ Вольга и Микула // Былины. М.: Советская Россия, 1988. С. 42.

Рис. 7. Красный пахарь: «По дикому полю, по обломкам...». Художник Б.В. Зворыкин 1920 г.

А. Аписит блестяще сохранил в плакате дух быliny: внешний облик пахаря почти не претерпел изменений, шелковые шнуры и кисти на упряжи (показатель благополучия земледельца) сохранены, но все элементы роскоши (отделка сохи драгоценными металлами, сафьяновые сапоги) решительно убраны. Экстерьер коня точно соответствует былинному, но цвет изменен на вороной – менее парадный и более агрессивный. Одежду пахаря он тоже поменял с черного кафта-

на на красную рубаху. Вместо камней раскидал по полю абсолютно ненужные новому обществу вещи: корону и другие атрибуты царской власти, мешки с деньгами, оружие и т.п., то есть то, к чему зритель не должен был испытывать никакого пиетета.

Наконец, наиболее полно и многогранно на плакате представлен красный богатырь-воин. Былинный витязь всегда оставался в глазах самых различных групп населения олицетворением самых положительных свойств личности – мужества, отваги, патриотизма (готовности до конца защищать свою землю), умения делать правильный выбор в критической ситуации. Именно эти свойства требовались защитникам революции. Поэтому советский плакат столько внимания уделяет этому древнейшему и очень устойчивому образу. Важно отметить, что былинная история воспринималась крестьянами как очень древняя, но вполне реальная. Красный богатырь предстает в двух ипостасях: как современный могучий воин и как былинный боец со всякой змеевидной нечистью или врагами. При этом вторая ипостась всегда связывалась с реалиями Гражданской войны. На плакате Б. Зворыкина «Борьба красного рыцаря (!) с темной силою» (рис. 8) в руках богатыря пролетарский молот, а на щите изображена советская символика; в свою очередь, «темная сила» представлена образами иноземных захватчиков (интервентов) – западного рыцаря и воина восточного вида (судя по чапраку).

БОРЬБА КРАСНОГО ВЪШАРА С ТЕМНОЙ СИЛОЮ

Рис. 8. Борьба красного рыцаря с темной силою. Художник Б.В. Зворыкин. 1919 г.

ОБМАНУТЫМЪ БРАТЬЯМЪ

ИЗЪ КОЛЛЕКЦИИ СЕРИИ

Высшая школа **СЕРИИНА ИЛЬЯИЧЪ**

Below the main illustration and title, there are several columns of small text, likely a list of names or a detailed caption for the artwork. The text is too small to be legible in this view.

Рис. 9. Обманутымъ братьямъ. Художник А. Апсит. 1918 г.

На плакате А. Апсита оружие у богатыря вполне былинное – булава, но крушит он ею головы змея, олицетворяющие уходящий мир (рис. 9).

Былинное оружие, само по себе апеллирующее к традиции и древности, в руках красного витязя встречается довольно часто: это и булава (дубина), и меч, и копьё (или пика). В восточном варианте таких плакатов мы видим кинжал. Часто революционный богатырь вооружен винтовкой с прикнутым штыком. Любопытно, что современное оружие, которое вроде бы должно было фигурировать на плакатах, зовущих в будущее (например, пулемет), практически отсутствует. Не дело богатыря – истреблять противника из пулемета... Облик красного витязя обобщен, но в то же время легко узнаваем. Даже огромные орудия труда или образцы оружия находятся в руках очень сильных, но отнюдь не наделенных фантастическими свойствами рабочих и крестьян. Их связь с новым миром подчеркивается не только советской символикой, но и посредством древнейших образов, выражающих сопричастность героя к небесному воинству. Красноармейца с мечом на плакате Д. Моора «Врангель еще жив – добей его без пощады» (рис. 10) окружает сияние света, что, как верно отметил в своей книге известный специалист по использованию архетипических образов в рекламе

Х. Кафтанджиев⁴⁹², является могучим древним символом.

Красный воин всегда активен, даже если он не сражается и не стоит на страже, а погружен в раздумье. Показателен еще один былинный сюжет, используемый Д. Моором: казак у дорожного камня (рис. 11). Достаточно посмотреть, как внимательно он вчитывается в высвеченные заревом далекого пожара буквы на камне, чтобы понять, насколько напряженно работает его мысль перед тем, как сделать столь очевидный и столь непростой выбор. Но это – относительно редкий случай. В основном, советскому богатырю присущи наступательный порыв, призыв к схватке за светлое будущее, открытая угроза врагам.

---

⁴⁹² Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. С. 61.

ВРАНГЕЛЬ ЕЩЕ ЖИВ

ДОБЕЙ ЕГО БЕЗ ПОЩАДЫ

Рис. 10. Врангель еще жив – добей его без пощады. Художник Д.С. Моор. 1920 г.

КАЗАК У ТЕБЯ ОДНА ДОРОГА

С ТРУДОВОЙ РОССИЕЙ

Рис. 11. Казак, у тебя одна дорога с трудовой Россией. Художник Д.С. Моор. 1920 г.

Как мы уже видели, белый богатырь тоже представлен в наглядной агитации контрреволюции. Примечательно, что он занимает на этих плакатах гораздо более скромное место и представлен только одним типажом – воином. Белый богатырь очень редко сражается с врагом, иногда он просто пассивен. На плакате «1000 лет истории смотрят на вас» не слишком удачно изображен Илья Муромец, который почему-то совсем не спешит смыть «кровавое пятно» с просторов родной земли (рис. 12). Он то ли спит, то ли отдыхает, то ли охраняет это самое пятно...

Не столь очевидны и планы рыцаря на пасхальном плакате «С нами Бог, да воскреснет Россия» (рис. 13). Девушку, которая, надо полагать, олицетворяет Россию, он освободил, но что будет делать дальше? Неясность целей и отсутствие единой повестки дня белого движения порождали неопределенность и даже двусмысленность при использовании архетипических образов в наглядной агитации.

Рис. 12. 1000 лет истории смотрят на вас. Неизвестный

Не чуждались «красные плакатисты» и использования исторических сюжетов. Особенно часто к ним обращался А. Апсит. Он создал великолепные плакатные образы Степана Разина и Емельяна Пугачева, вечевого Новгорода и Второго ополчения Минина и Пожарского, освободившего Москву от польских интервентов в 1612 г. Обращение к последнему сюжету в 1918 г. было особенно актуальным. Но имелась и проблема: демократическое по своей сути движение не стремилось не только к свержению монархии, но и к ликвидации крепостного права. Перед художником стояла непростая задача: надо было подчеркнуть близость народной войны 1611–1612 гг. и борьбы Красной Армии против иноземных захватчиков. Помог ему в этом один из древнейших символов русского войска – красное знамя. «Чермный», т.е. красный, стяг развевался еще над полками Дмитрия Донского на Куликовом поле. А. Апсит разместил его и над войском Второго ополчения, возглавляемого Д. Пожарским и К. Мининым. В этом не было никакой исторической фальсификации или даже неточности: знамя было действительно «выкрашено естественным красителем кошенилью и имело темно-малиновый цвет»⁴⁹³ (рис. 14).

---

⁴⁹³ Сказки от Кота Баюна. Цвет Пожарского – красный! [Электронный ресурс]. URL: <http://kotbayun1965.livejournal.com/145542.html> (дата обращения: 26.01.2018).

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!..

Рис. 13. Христос Воскресе! С нами Бог, да воскреснет Россия. Художник П. Дмитриев

Рис. 14. Народное движение в Смутное время. Художник А. Апсит. 1918 г.

А. Апсит и Д. Моор очень активно использовали в своем творчестве традиционные архетипические образы, делали это охотно и мастерски.

В. Дени прибегал к этому средству не столь часто, хотя

именно ему приписывают плакат, изображающий Л.Д. Троцкого в виде Георгия Победоносца⁴⁹⁴ (рис. 15).

В. Лебедев и В. Маяковский гораздо реже обращались к архетипам; тем не менее, их можно встретить и на плакатах «левого направления».

---

⁴⁹⁴ Лев Троцкий в образе Георгия Победоносца, убивающий змея контрреволюции. Плакат В. Дени. (РСФСР, 1918 г). [Электронный ресурс]. URL: https://www.scoopnest.com/ru/user/diletant_media/859155777231237125 (дата обращения 10.10.2017).

Рис. 15. Лев Троцкий в образе Георгия Победоносца, убивающий змея контрреволюции. Художник В. Дени. 1918 г.

Подводя краткий итог, надо заметить, что и «красные» и

«белые» плакатисты широко использовали архетипические образы в своих произведениях. Наиболее часто встречаются сюжеты рая на земле, героя-богатыря, красного и белого чудовищ, мудрой книги и т.д. Советские художники гораздо лучше владели имеющимся в их распоряжении материалом. Им удалось создать вполне соответствующий традиционным представлениям и, вместе с тем, устремленный в будущее привлекательный образ нового мира. Красный богатырь смог воплотить в себе наилучшие черты древнерусского богатыря: мужественность, активность, верность высшему идеалу и даже редко встречающееся в былинах уважение к созидательному труду. В то же время, такой образ оказался действительно многогранным и узнаваемым: богатырь – спаситель мира, богатырь-труженик, богатырь-воин, богатырь-просветитель. Со своей стороны, белая пропаганда не сумела в полной мере использовать возможности, которые открывали ей традиционные народные представления и образы. Нельзя не согласиться с печальным выводом, который сделал Всеволод Иванов: «Генеральная идеология, жесткая, определяющая, была только у коммунистов. Она насчитывала за собой чуть не целый век развития. А что у нас было? Москва – золотая маковка? За века русской государственности никто не позаботился о массовой русской идеологии»⁴⁹⁵.

---

⁴⁹⁵ Приют для героев. Плакаты времен Гражданской войны в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://home-for-heroes.livejournal.com/147142.html> (дата обращения: 18.01.2018).

Экономические последствия Первой мировой войны и характер российской революции: к вопросу об истоках административно- командной системы

Лачаева М.Ю.

Аннотация. В статье рассматриваются новые тенденции в экономической жизни России, которые складываются в годы Первой мировой войны (1914–1918); анализируется влияние нового витка индустриализации в условиях войны на изменение методов управления и социальные процессы, которые вели к революции.

Ключевые слова: Первая мировая война (1914–1918), революция, милитаризация экономики, эвакуация промышленности и транспорта, замещение импорта.

THE ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE FIRST WORLD WAR AND THE NATURE OF THE RUSSIAN REVOLUTION: THE QUESTION OF THE ORIGINS OF THE ADMINISTRATIVE-COMMAND SYSTEM

Lachaeva M. Yu.

Abstract. The article discusses new trends in economic life of Russia, which are formed during the First World War (1914–1918); analyzes the impact of a new round of industrialization in conditions of war and changes in management practices and social processes that led to the revolution.

Keywords: the First world war (1914–1918), the revolution, the militarization of the economy, the evacuation of industry and transport, import substitution.

Начало Первой мировой войны означало конец определенного исторического цикла, предвоенной эпохи. Война запустила новые процессы. Она внесла структурные изменения в экономическую, социальную, политическую сферы жизни страны. Милитаризация страны, «индустриализация

войны»⁴⁹⁶ означала структурную перестройку важнейших хозяйственных отраслей и сопровождалась коренной ломкой традиционных, исторически сложившихся форм промышленности, подчинением финансовых структур нуждам войны, деформацией и нарушением торгового обмена, средств связи и т.д. Она повлияла на изменение механизмов управления, усилила административные рычаги регулирования и распределения.

Какие новые тенденции возникли в годы Первой мировой войны в организации производства и управления?

Во-первых, в годы войны (1914–1918) произошло разрушение сбалансированности промышленности, которая сложилась в капиталистической России и представляла собой органически целесообразное в мирной жизни соотношение мелкой, средней и крупной промышленности. Особое место в этой системе занимала кустарная промышленность.

В условиях войны произошло массовое закрытие мелких предприятий (по отдельным группам производств до 50%) и, как следствие этого, резкое сокращение ассортимента предметов промышленного потребления. Многообразие ассортимента продукции не удалось восстановить в дальнейшем в течение XX в. Особенно сильно сокращение ударило по региональной промышленности. Как правило, прекращали существование предприятия, не связанные с производством

---

⁴⁹⁶ Историки В.Я. Лаверычев и Т.М. Китанина использовали термин «индустриализация войны».

военной продукции. Многие мелкие предприятия перепрофилировались. До 60% ассортимента текстильных фабрик было связано с обеспечением армии (гимнастерки, палатки, фуфайки, шинельные ткани, марля). На многих текстильных предприятиях занимались отделкой гранат и их наполнением удушающими жидкостями.

Последствия утраты большей части мелкой промышленности имело необратимые последствия для характера перехода к мирным условиям по окончании войны, вносило коррективы в направление развития. Мелкая промышленность обладала важным для капиталистической экономики свойством: в мирное время она являлась амортизатором развития промышленности в условиях промышленных кризисов и политических катаклизмов благодаря присущему ей свойству легко реанимироваться.

Деформация экономических структур, свертывание рыночных отношений, сокращение производства предметов массового потребления далеко не всегда было вызвано потребностями фронта и тыла. Не все участники экономического процесса руководствовались принципом «Все для фронта, все для победы!».

Стремление получить максимальную прибыль в условиях благоприятной конъюнктуры и ажиотажный спрос на фешенебельную продукцию, искушение нажиться на войне создавали предпосылки для асоциальных действий товаропроизводителей. Частью предпринимателей и руководителей ак-

ционерных компаний были забыты принципы цивилизованного предпринимательства, сохранения кредита доверия общества, развития и удовлетворения народных потребностей, насыщения рынка и т.д.

В марте 1917 г. в докладе правления общества «Парфюмерия Модерн-Париж» на общем собрании акционеров говорилось, что в годы войны обороты мыловаренного производства «не находились в нормальном соотношении» с оборотами по парфюмерному производству (соотношение мыловаренного и парфюмерного производств было 2:7, тогда как при обычных условиях оно должно быть обратным). Рядовые акционеры напомнили членам правления, что еще англичане в свое время установили формулу «культурности всякого народа», которую они определяли количеством потребляемого мыла. Ход собрания показывает, что на тот момент с демократией в управлении промышленности еще не было до конца покончено.

Во-вторых, в условиях войны шли и созидательные процессы. Война подтолкнула развитие отечественного самолето- и машиностроения, продвинула технику и технологии. В стране стали производиться многие станки и уникальное оборудование, до того импортировавшееся (трансформаторы, авиамоторы и пр.).

В 1914 г. военное министерство заказало 292 самолета наиболее усовершенствованных систем русским заводам: машиностроительному Русско-Балтийскому вагонному за-

воду, «Дуксу» Ю.А. Меллера⁴⁹⁷. 45 аппаратов «Сикорский XI» были заказаны прославленному конструктору. Заводы московский «Гном и Рон»⁴⁹⁸, «Э. Сальмсон и Ко»⁴⁹⁹, александровский «Дека» приступили к массовому производству авиамоторов.

Одновременно с развитием новых отраслей и производств появлялись новые промышленные регионы. Основным фактором, изменившим районирование промышленности, стала эвакуация производств тяжелой промышленности и транс-

---

⁴⁹⁷ Акционерное общество «Дукс» было в числе первых производителей автомобилей и самолетов в России (помимо велосипедов, мотоциклов, дрезин и пр.); основано в Москве (1893) конструктором, автогонщиком и предпринимателем – инженером Ю.А. Меллером, уроженцем Эстляндской губернии. К 1917 г. завод производил 22 типа самолетов, включая гидропланы, строились также дирижабли. «Дукс» был основным поставщиком самолетов для русской армии. В годы Первой мировой войны им сдано Военному Ведомству полторы тысячи самолетов и гидропланов. После революции завод переименовали в «Коммунар».

⁴⁹⁸ «Гном и Рон» создан в 1912 г. на базе полукустарных мастерских. Французское общество моторов «Гном» присоединило к себе двигательную компанию «Рон». Сегодня это ОАО «Кузнецов» – ведущее предприятие России по производству авиационных газотурбинных двигателей, приводов газоперекачивающих агрегатов и блочно-модульных электростанций, жидкостных ракетных двигателей для космических ракет типа Р-7.

⁴⁹⁹ «Сальмсон» – французская компания (1890–1961), производившая авиационные двигатели, самолеты и автомобили. В 1913 г. в компании разработали двигатели Сальмсон В9 (300 ед.) и М9 (500 ед.), устанавливавшиеся на разные самолеты. В 1915 г. разработан двигатель Сальмсон Р9 (мощность 150 л.с.), 300 экземпляров данного двигателя были построены во Франции, а еще 300 – на заводе в России – эти двигатели устанавливали на самолеты Voisin type LA 5 и Фарамн HF.27.

порта из прифронтовой полосы на Восток (в Поволжье, Сибирь). Этот процесс, начатый в 1914 г., получил завершение в 1920 г. Из Петрограда был эвакуирован в Ярославль завод фирмы Вестингауз⁵⁰⁰ (по производству пневматических тормозов для железных дорог и городских трамваев). В результате эвакуации из Петрограда предприятий сельскохозяйственного машиностроения возникла Омская промышленность. В 1916 г. из Архангельской губернии был продан на Волгу ряд судов. В 1915 г. из пригорода Риги в московское предместье Хамовники было эвакуировано производство акционерного общества «Каучук»⁵⁰¹. Завод «Каучук» работает и в настоящее время по адресу: ул. Усачева, 11. Также осенью 1915 г. из Риги был эвакуирован в Тверь, Москву и Петроград Русско-Балтийский вагоностроительный завод. Это был первый опыт масштабной эвакуации в экономической истории нашей страны.

В-третьих, вызванные войной изменения структуры производства имели важные социальные последствия, в первую очередь, для рабочих. Война привела к скачку concentra-

---

⁵⁰⁰ Westinghouse Electric Corporation существовала в качестве электротехнической компании США с 1886 до 1997 г. С декабря 1997 г. она называется CBS Corporation и занимается телекоммуникационным бизнесом. Компания была основана изобретателем, промышленником и предпринимателем Дж. Вестингаузом в 1886 г. В России компания стала действовать после утверждения устава императором Николаем II (1898). В 1899 г. эта акционерная компания построила завод по производству пневматических тормозов в Санкт-Петербурге.

⁵⁰¹ Производство резиново-технических изделий с 1897 г. до 1910 г. называлось «Резиновая фабрика братьев Фрейзингер «Русия»».

ции рабочей силы на крупнейших заводах, связанных с производством техники, оборудования, машиностроения и паровозостроения. На Путиловском заводе численность рабочих возросла с 12 тыс. человек (1913) до 29 тыс. (1917). В Николаеве на судостроительных заводах – бельгийском «Наваль» и «Руссуд» (Русское судостроительное общество) – с 6 тыс. до 21 тыс. человек. Новый виток индустриализации в условиях войны придал динамизм рабочему движению, вызвал рост социальной напряженности. М.И. Туган-Барановский писал в работе «Русская революция и социализм»: «Наша промышленность стоит перед катастрофой. Промышленность не в силах удовлетворить требования рабочих, не в силах повысить им заработную плату в соответствии с их требованиями <...> Они хотят немедленного повышения своей платы и притом в таком размере, что <...> дальнейшее существование капиталистической промышленности при этом становится невозможным»⁵⁰². Источники подтверждают это наблюдение и свидетельствуют о «кипении заводского котла».

Современники отмечали тревожную тенденцию, когда «заводы замирали, и администрация была бессильна остановить развал». Это настроение в широких общественных кругах воспринималось как неизбежность перехода к новой социальной эре. Способ решения социально-экономического

---

⁵⁰² Туган-Барановский М.И. Русская революция и социализм. Пг.: Муравей, 1917. С. 17.

конфликта видели в переходе от «самодержавной фабрики» к «конституционной», в которой власть капиталиста должна быть ограничена участием в этой власти рабочих.

Сложная жизнь рождала новые формы управления производством. Большие надежды возлагались на государство. Экономисты видели выход в создании на капиталистической фабрике условий, при которых прекратилась бы война труда и капитала. «Отношения труда и капитала должны быть подчинены регулирующей власти государства и изъяты из области свободно-договорных отношений. Государство должно провозгласить, что оно берет на себя установление размера заработной платы, равно как установления производительности рабочего дня и прочих составных элементов рабочего договора», – писал Туган-Барановский⁵⁰³. Вопрос о границах полномочий государства оставался открытым.

В-четвертых, производство находилось в прямой зависимости от поставок оборудования и сырья с внешнего рынка. Отечественная текстильная промышленность наполовину обеспечивалась привозным американским хлопком, поставлявшимся вместе с пряжей из Англии. Ввиду нехватки отечественных станков и оборудования сокращение ввоза в Россию ударило по технической оснащенности предприятий. Ситуация на денежном рынке, определявшем инфляционные процессы, оказалась сложной. Происходило сращивание коммерческой организации частного банковского кре-

---

⁵⁰³ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 17.

дита с военно-финансовой системой государства, которое, по мнению специалистов, к концу 1916 г. становилось полным. Состояние денежного рынка определял государственный кредит, от него зависел и учетный процент, и в тех условиях он не отражал конъюнктуры рынка и не был с нею связан. Огромные расходы государства на войну, огромные займы должны были неизбежно монополизировать денежный рынок. В 1916 г. Министерство финансов установило монополию по распределению валюты. Живая, демократическая часть финансовых структур почти умерла. Осталась только кооперация. Так, в Лондоне действовало дочернее отделение Московского народного банка, существующего и поныне, но уже как собственно Московский народный банк, возглавляемый Масловыми.

И, наконец, в-пятых. Русскую революцию современники считали порождением войны и с этим связывали ее характер. Правда, отношение к революции было разным. «Безрадостным» у Н.А. Бердяева, долгожданным у В.И. Ленина: «война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции»⁵⁰⁴. Ленин считал, что между госкапитализмом, получившим развитие в годы войны, и социализмом промежуточных ступеней нет.

Революция выросла из системного кризиса и стала отве-

---

⁵⁰⁴ Ленин В.И. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6(19) января 1918 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 238–242.

том на два вызова: внутри страны (либеральный и социалистический) и на мировой арене – империалистический передел мира и связанные с ним бедствия. Потери в войне были астрономические. Государственные трансформации и катаклизмы стали испытанием и причиной жизни в долг за счет труда прошедших и будущих поколений.

Новейшая зарубежная историография 60-90-х гг. О проблеме возрождения политического масонства в России в начале XX в. (о причинах, этапах, инициаторах)

Новоторцева А.М.

Аннотация. Статья посвящена систематизации и анализу зарубежной историографии 1960-1990-х гг., раскрывающей один из важных аспектов изучения деятельности политического масонства в России в начале XX в. – проблему его «возрождения», включая причины, этапы и инициаторов. Никто из зарубежных авторов не отрицал, что масонство в России существовало не только в конце XVIII в., расхождение состояло в определении точной даты, момента, после которого масонские ложи нельзя было рассматривать исключительно как филантропические и мистически-окультурные организации. Следуя хронологическому принципу, в развитии новейшей зарубежной историографии по данному вопросу автором было выделено три этапа, начиная с работ исследователей, положивших начало дискуссии по проблеме «возрождения» политического

масонства в России, и заканчивая позицией одного из представителей «третьей волны» русской эмиграции в Мюнхене.

Ключевые слова: политическое масонство, зарубежная историография, возрождение масонства в России, русское масонское движение, причины, этапы и инициаторы возрождения политического масонства, комплексный критический анализ источников, метод сопоставления источников, источники личного происхождения и документальные источники по масонству, представители англо-американской исторической науки, меньшевистское наследие, меньшевистские вожди, позитивистские методы и приемы работы с источниками.

THE MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY 60–90S ABOUT THE PROBLEM OF THE REVIVAL OF POLITICAL MASONRY IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY (CAUSES, STAGES, INITIATORS)

Novotortseva A.M.

Abstract. This article is devoted to systematization and the analysis of the foreign historiography of the 1960–

1990th disclosing one of important aspects of studying of activity of political freemasonry in Russia at the beginning of the XX century – a problem of his "revival", including the reasons, stages and initiators. None of foreign authors denied that the freemasonry in Russia existed not only at the end of the 18th century, the divergence consisted in definition of exact date, the moment after which Masonic lodges couldn't be considered only as philanthropic and mystically – the occult organizations. Following the chronological principle, the author has allocated three stages in the development of foreign historiography: since works of the researchers who have laid the foundation for a discussion on a problem of "revival" of political freemasonry in Russia and finishing with a position of one of representatives of "the third wave" of the Russian emigration in Munich.

Keywords: political freemasonry, foreign historiography, revival of freemasonry in Russia, the Russian Masonic movement, the reasons, stages and initiators of revival of political freemasonry, the complex critical analysis of sources, a method of comparison of sources, sources of personal origin and documentary sources on freemasonry, representatives of Anglo-American historical science, Menshevist heritage, Menshevist leaders, positivistic methods and working methods with sources.

Никто из авторов, как отечественных, так и зарубежных, не отрицал, что масонство в России существовало не только

в конце XVIII в., когда одним из его руководителей был известный в то время просветитель и общественный деятель Н.И. Новиков, но и в начале XIX в. (в 1810–1820 гг.), когда к ложам принадлежали декабристы П.И. Пестель, Н.И. Тургенев, А.Н. Муравьев. Российское масонство XVIII – начала XX вв. долгое время в историографии рассматривалось достаточно однобоко – исключительно как прогрессивное, антифеодальное движение, тем самым подрывавшее устои царской власти, что и привело к запрещению лож в России в 1822 г. Расхождение преимущественно состояло в определении точной даты, момента, после которого масонские ложи нельзя было рассматривать исключительно как филантропические и мистически-окультные организации, какими их до сих пор пытаются представить отдельные исследователи.

Следуя хронологическому принципу, в развитии новейшей зарубежной историографии по данному вопросу можно было выделить 3 этапа: в первый период (60-е гг. XX в.) были опубликованы статьи Л. Хаймсона, Б. Элькина, Н. Смита; во второй период (80-е гг. XX в.) вышли статьи Б. Нортон и вновь Н. Смита; наконец, в третий период (начало 90-х гг. XX в.) – масонской проблематикой активно стали заниматься не только представители англо-американской исторической науки; появились статьи польского историка Людвиг Хасса и русского эмигранта Михаила Назарова. Все авторы занимали разные позиции при обсуждении данной проблемы.

Первым, кто положил начало дискуссии по проблеме возрождения масонства в России, был известный и влиятельный американский историк *Леопольд Хаймсон*. В 1965 г. он опубликовал свой материал о масонах, который был включен в его статью в виде свободного авторского изложения и переплетался с изложением и интерпретацией других материалов на ту же тему. Статья Хаймсона «The Problem of social stability in urban Russia, 1905–1917» («Проблема социальной стабильности в городской России, 1905–1917») появилась в американском журнале «*Slavic Review*» (первая часть была опубликована в том же журнале в декабре 1964 г.) и носила дискуссионный характер⁵⁰⁵. Вместе с ней были напечатаны еще две дискуссионные статьи: Артура Менделя «Peasant and worker on the Eve of the First World War»⁵⁰⁶ («Крестьянин и рабочий накануне Первой мировой войны») и Теодора фон Лауэ «The chances for liberal constitutionalism»⁵⁰⁷ («Шансы либерального конституционализма»). Заголовок последней статьи отражал тему дискуссии: была ли в России конституционная (западная) альтернатива революции?

Привлеченный Хаймсоном материал представлял собой интервью известного меньшевика Б.П. Николаевского с

---

⁵⁰⁵ *Haimson L.* The Problem of social stability in urban Russia, 1905–1917 // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. № 1. P. 1–22.

⁵⁰⁶ *Theodore H. Von Laue.* The chances for liberal constitutionalism // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. № 1. P. 34–46.

⁵⁰⁷ *Arthur P. Mendel.* Peasant and worker on the Eve of the First World War // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. № 1. P. 23–33.

меньшевиками Н.С. Чхеидзе и Л.Е. Гальпериным в 1925–1928 гг., которое Хаймсон извлек из личного архива интервьюера. Выбор данного источника был неслучаен. Дело в том, что этот исследователь, обучивший немало молодежи в Колумбийском университете, всю свою профессиональную жизнь занимался изучением меньшевистского наследия. Он собирал мемуары меньшевистских вождей, беседовал с еще живыми меньшевиками и в результате написал несколько книг и статей по этой теме.

Суть концепции Л. Хаймсона заключалась в том, что в России в начале XX в. шел процесс поляризации сил: в то время не только рабочий класс был изолирован от образованного, привилегированного класса, но и большинство последнего все больше отделялось от «царского режима», в результате чего либералы уже открыто заявляли в думе о пропасти между «царизмом» и общественным мнением⁵⁰⁸.

В связи с этим наблюдался кризис в партиях. Например, внутри кадетской партии к столкновению пришли буржуазное и разночинско-радикальное крылья (во главе первого стоял П.Н. Милюков, второе возглавлял Н.В. Некрасов). Ссылаясь на А.Н. Потресова и Ю.О. Мартова, Некрасов утверждал, что спор шел о выборе политической ориентации – эволюционной или революционно тактики. На данном этапе переговоры велись даже с большевиками.

Ссылаясь на П.Б. Струве, Л. Хаймсон с помощью методов

---

⁵⁰⁸ *Haimson L. Op. cit.*

аналогии заявлял, что кризис переживали и все другие политические партии и местные общества. Все это вызвало всеобщее замешательство, которое привело к поискам новых, неофициальных личных связей взамен распадавшихся партийных. Исходя из этой обстановки, заключал Л. Хаймсон, и следовало интерпретировать пока еще мало выясненное явление – возрождение масонства в России в предвоенные годы⁵⁰⁹.

Следуя содержанию писем Е.Д. Кусковой, Л. Хаймсон отмечал, что в последние дни деятельности III Думы принимались меры по активизации русского масонского движения, но при изменении его характера. Цель состояла в том, чтобы объединить все «передовые силы» от представителей прогрессистов до представителей большевиков, присоединяя сюда и органы образования, и различные кружки для создания, таким образом, коалиции против существовавшего «царского режима».

Неудивительно поэтому, что инициатором этого начинания Л. Хаймсон считал Е.Д. Кускову, ставившую своей целью таким путем восстановить «Союз освобождения» и его подпольную деятельность. Однако Кускова уверяла, что новое масонство было создано сразу же после поражения революции 1905–1907 гг. Л. Хаймсон, в свою очередь, вел отсчет этому процессу с весны-лета 1912 г. Источником для определения данного рубежа послужило интервью Б.И. Никола-

---

⁵⁰⁹ Ibid.

евского с Чхеидзе и Гальпериным⁵¹⁰.

Согласно содержанию данного интервью, Л. Хаймсон установил, что, во-первых, к этому времени были отменены все старые масонские ритуалы, за исключением клятвы «абсолютного молчания» при вступлении (такие данные имелись у Кусковой). Этот факт также использовал А.Ф. Керенский в своих мемуарах, чтобы показать автономность русских лож от французских. Во-вторых, с 1912 г. началось успешное и активное привлечение новых членов в масонскую организацию. В 1911–1914 гг. были основаны ложи не только в обеих столицах, но и в провинциальных центрах, таких как Киев, Самара, Саратов, Тифлис, Кутаиси. Летом 1912 г. все эти ложи объединились в «Союз народов России» с исполнительным советом с периодически избираемыми исполнительными секретарями во главе⁵¹¹. За период 1912–1917 гг. (до Февральской революции) было создано три национальных съезда – в 1912, 1914 и 1916 гг. В число масонов вступили такие видные деятели, как А.И. Коновалов, И.Н. Ефремов, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, Н.С. Чхеидзе.

Хаймсон при выведении своей концепции использовал метод сочетания одних источников с другими и, таким образом, предпринял попытку комплексного, критического их анализа. Конечная оценка автором политического влияния масонской организации в годы, предшествовавшие Февраль-

---

⁵¹⁰ Haimson L. Op. cit.

⁵¹¹ Ibid.

ской революции, и в дни самой революции была достаточно низкой. Теорию заговора как объяснение русской революции он отвергал самым решительным образом⁵¹².

В 1966 г. в том же журнале «*Slavic Review*» появилась статья юриста, публициста, бывшего масона и эмигранта *Бориса Элькина* «*Attempts to Revive Freemasonry in Russia*»⁵¹³ («Попытки возродить масонство в России»). Ценность данной публикации заключалась в том, что в ней было осуществлено факсимильное воспроизведение некоторых масонских документов. Эти единственные документальные источники по масонству представляли собой, безусловно, большую ценность, нежели источники «личного» происхождения, использованные Хаймсоном. Однако факсимильное воспроизведение данных источников без пояснений автора снижало научную ценность исследования.

Очень кратко упомянув о предшествующей истории русского масонства, Б. Элькин писал, что возрождение его началось сразу же после 1905 г. по инициативе М.М. Ковалевского. С помощью описательного метода автор представил очень подробную и яркую картину данного исторического события. В 80-х гг. XIX в. выдающийся ученый М.М. Ковалевский имел огромную популярность в Московском университете в качестве профессора конституционного права и

---

⁵¹² Ibid.

⁵¹³ *Elkin B. Attempts to Revive Freemasonry in Russia // The Slavic and East European Review. 1966.*

истории политических институтов власти⁵¹⁴. Будучи одним из наиболее ярких и влиятельных представителей университетского либерализма, он был уволен со своей профессорской должности; жил за границей, в том числе во Франции, где он сконцентрировался на исследовательской научной деятельности, а также чтении лекций в известной Русской высшей школе социальных наук, существовавшей в 1901–1905 гг. в Париже.

Б. Элькин отмечал, что именно к этому времени произошло вступление сравнительно большого количества представителей русской радикальной интеллигенции, группировавшейся в то время вокруг этой школы, во французские масонские ложи. Амнистия 1905 г. открыла двери в России перед почти всеми старыми эмигрантами, в том числе и перед группой лекторов и руководителей парижской школы, вступивших во французские масонские ложи. 11 января 1906 г. М. Ковалевский обратился к Совету «Великого Востока Франции» с просьбой разрешить создать ложу в Москве или в Петербурге, на что получил положительный ответ. В связи с этим, именно эту дату и следовало считать началом оформления «нового» русского масонства⁵¹⁵.

Кроме описательного метода и приема следования данным из опубликованных документов, Б. Элькин также использовал метод личной беседы с современником и возмож-

---

⁵¹⁴ Ibid.

⁵¹⁵ *Elkin B. Op. cit.*

ным участником масонского движения П.Н. Милюковым. Из личной беседы с ним Б. Элькин узнал, что М.М. Ковалевский уговаривал его стать масоном. Однако Милюков отказался из-за полученного им неприятного впечатления от масонства во Франции (об этом он написал и в своих воспоминаниях). Отсюда следует, что масонское членство Милюкова Элькиным не подтверждалось⁵¹⁶.

Следующая зарубежная публикация о русских масонах принадлежала профессору новейшей европейской и русской истории *Натану Смит* (Вашингтон-Колледж, Честертаун, штат Мэриленд), высказавшего в 1968 г. отличную от первых двух авторов позицию относительно проблем «возрождения». В своей статье «Роль русского свободного масонства в Февральской революции: еще одно отрывочное свидетельство»⁵¹⁷ Н. Смит опубликовал отрывок из воспоминаний князя В.А. Оболенского, где речь шла о масонах.

Рукопись этих мемуаров, озаглавленных «Моя жизнь и мои современники», как сообщал сам Смит, была начата где-то после 1933 г. и закончена, по-видимому, в 1937 г. Оригинал (машинописный текст) находился во владении сына автора – Сергея Оболенского, который предоставил копию Смигу. Тексту публикации предшествовала вводная статья Смита, в которой он дал краткий историографический обзор

---

⁵¹⁶ Ibid.

⁵¹⁷ *Смит Н.* Роль русского свободного масонства в Февральской революции: еще одно отрывочное свидетельство // *Slavic Review*. 1968. Vol. XVII. № 4.

и оценку уже известных нам предшествующих публикаций, а также анализ источников, таких как воспоминания Милюкова, Каткова, Керенского и письма Кусковой⁵¹⁸.

Спустя некоторое время Н. Смит принял предложение Нины Берберовой о совместной деятельности с целью осведомлять друг друга о своих открытиях в области изучения масонской проблематики. Они вместе работали в Париже, в русском масонском архиве (1922–1970), в архиве Керенского, в Исследовательском Центре Гуманитарных наук Техасского университета в Остине, в архиве Г. Гувера, в Стэнфорде над коллекцией Николаевского.

В Париже Смит и Берберова предприняли попытку систематизировать и классифицировать весь полученный ими материал. Материалы четырех тяжелых ящиков они разложили в семнадцать нормальных коробок и сделали каталог всех фондов на двух языках, разложив при этом в алфавитном порядке личные бумаги в тридцать папок. Русский масонский архив, над которым работали оба исследователя, был вывезен накануне падения Парижа сыном одного известного хирурга, русского эмигранта, который он вернул приблизительно сорок лет спустя (имена обоих нигде не указываются). В 1985 г. по итогам их совместной деятельности Смит написал статью «Political Freemasonry in Russia, 1906–1918: A Discussion of Sources»⁵¹⁹ («Политическое масонство в Рос-

---

⁵¹⁸ Там же.

⁵¹⁹ *Smith N. Political Freemasonry in Russia, 1906–1918: A Discussion of Sources //*

сии, 1906–1918: обсуждение источников»).

На данном этапе актуальность масонской проблемы историк видел, прежде всего, в недостаточности источниковой базы. В связи с этим автор ставил перед собой две цели: во-первых, выявить и рассмотреть главные, основные источники, необходимые для изучения масонства; во-вторых, представить некоторые уже известные факты из ранее выявленных материалов.

В целом, Н. Смит считал, что русское масонство после перерыва в три четверти века (с момента запрета Александром I в 1822 г.) вновь появилось зимой 1910–1911 гг., когда членом масонского ордена стал князь В.А. Оболенский. Данная концепция, с одной стороны, явилась результатом критического, сравнительного анализа источников личного происхождения, а с другой, следования данным одного из них – отрывку из воспоминаний князя В.А. Оболенского, где речь шла о масонах⁵²⁰.

Первоначально, сопоставив публикацию Б. Элькина и письма Е.Д. Кусковой, а также книгу А.Ф. Керенского, в которой тот писал, что масонская организация, которой он принадлежал, не имела ни списков, ни каких-либо писем, отчетов и протоколов, Смит констатировал, что у Кусковой и Керенского речь шла о других масонах, нежели у Б. Элькина. Однако версию о возможно двух масонских движениях

в России в начале XX в. Смит не подтвердил на основании данных, полученных из воспоминаний князя. Опубликованный Смитом отрывок содержал в себе доказательства и того, что масоны не помышляли о мобилизации народа на восстание и не играли какой-то согласованной, единой роли после создания Временного правительства.

Спустя почти двадцать лет после выхода первой статьи появилась новая статья Смита, в которой автор выделял пять категорий источников по масонству и обсуждал каждую из них по очереди, двигаясь от частного к общему. При обсуждении он обращался к трем определенным фазам в развитии русского масонства. В основу данной периодизации автором был положен принцип выделения так называемых переломных этапов в эволюции масонства⁵²¹.

Первая фаза, которую выделял Н. Смит, относилась к 1906–1910 гг. и была связана с деятельностью самого активного инициатора «нового» масонства в России, хорошо известного ученого и умеренно либерального политика М. Ковалевского. На данном этапе новая масонская организация являлась ветвью французского масонства и занималась соблюдением его ритуалов. Между первой и второй фазами произошел явно ложный роспуск масонской организации или специально мнимая приостановка ее деятельности. С помощью проведения внутрипредметных связей Н. Смит отмечал, что данный факт напомнил ему подобное развитие и

---

⁵²¹ *Smith N. Political Freemasonry in Russia... P. 157–171.*

в декабристском движении, когда такой шаг предпринимался с целью очистки членов и усиления чисто политической линии в масонском движении.

Ко второй фазе (1910–1918 гг.) автор относил новое общество членов масонской организации, которое он называл «организацией А.Ф. Керенского» в честь самого видного в тот период лидера, порвавшего все связи с «Великим Востоком» в Париже. Это чисто политическое объединение, использовавшее масонство как фирму для достижения своих целей.

Наконец, третья фаза представляла собой деятельность масонов в эмиграции после большевистской революции. Данный этап представлял для Смита лишь косвенный интерес⁵²².

В целом, между 60-ми и 80-ми годами прошлого века в зарубежной историографии по масонству наблюдался некоторой застой. Переломным моментом явился 1974 г. В советской историографической науке началась борьба между классовостью и «новыми веяниями» в оценке движущих сил революции (дискуссия была положена книгой Н. Яковлева «1 августа 1914»⁵²³). На Западе в 1974–1975 гг. вышли две книги – американского экономиста и политика, специализировавшегося на исследовании механизмов власти, войн и революций, *Энтони Самтона* «Уолл-стрит и Большевист-

---

⁵²² Smith N. Op. cit.

⁵²³ Яковлев Н.[Н.] 1 августа 1914. М.: Молодая Гвардия, 1974.

ская революция»⁵²⁴ и американского исследователя *Л.Н. Кей* «Мировой заговор»⁵²⁵ (первоначально – брошюра, переизданная в 1993 г.), которые имели много общего в методологическом и концептуальном плане. Обе книги представляли собой преимущественно разоблачительные исследования, направленные против тайных структур власти, господствующих и в настоящее время в США и других странах.

Э. Саттон получил образование в университетах Лондона, Геттингена и Лос-Анджелеса. Он работал и одновременно занимался исследовательской деятельностью в Гуверовском институте по проблемам войны, революции и мира, а затем – в Калифорнийском государственном университете, был сотрудником журнала «Обзор сведений по перспективным технологиям», выходящего в Сан-Франциско. В 1984 г. в Аризоне была опубликована его новая книга «Как орден организует войны и революции»⁵²⁶, переизданная в Москве лишь в 1995 г. В основу третьей главы данного исследования были положены наиболее ценные материалы и выводы автора из его первой книги⁵²⁷.

В свою очередь, «Скрытая рука» – первая часть книги

---

⁵²⁴ *Саттон Э.* Уолл-стрит и Большеви́стская революция. М: Русская идея, 1998.

⁵²⁵ *Кей Л.Н.* Мировой заговор. М., Нью-Йорк: Альфа и Омега, 1975.

⁵²⁶ *Саттон Э.* Как орден организует войны и революции / Пер. с англ. М: Паллада, 1995.

⁵²⁷ Там же.

Л.Н. Кея⁵²⁸ – излагала положения известной книги генерала графа А.В. Череп-Спиридовича о заговоре против России. В ней раскрывалось участие семейства Ротшильдов в европейской политике XIX–XX столетий. Вторая часть, посвященная настоящему времени, о тактике и стратегии международных банков, свидетельствующая о том, что борьба за власть над миром привела к созданию новых транснациональных структур, таких как Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия⁵²⁹.

Важно отметить, что в 1980-е гг. читательский и исследовательский интерес к масонству возрос с невиданной силой в связи с разразившимся международным скандалом, связанным с подрывной работой тайной масонской ложи «Пропаганда-2» («П-2») в Италии. Мировая общественность была глубоко потрясена тем, что в Италии на протяжении нескольких десятилетий существовало как бы «государство в государстве», и вынуждена была в связи с этим обратиться к внутренним проблемам своих стран⁵³⁰.

Однако исследовательскую деятельность по масонской проблеме, как и раньше, затруднила недостаточность источниковой базы. Если сохранились уже хорошо известные ис-

---

⁵²⁸ Кея Л.Н. Указ. соч.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ См.: Генри Э. Незримая власть // За кулисами видимой власти. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 15–46; Замойский Л.П. За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. М.: Политиздат, 1990.

точники личного происхождения (мемуары, воспоминания, письма, интервью), то, ввиду специфичности характера масонской организации, исследователи так и не смогли использовать делопроизводственные документы. Исключением являлись разве что документы явно масонского происхождения, представлявшие собой списки членов двух первых русских лож «Возрождение» и «Полярная звезда» в Москве и Санкт-Петербурге. Бывший масон, эмигрант Б. Элькин приобрел эти материалы у своего «русского друга», который, в свою очередь, купил их в одной книжной лавчонке в Париже (в дальнейшем автор использовал их для написания своей статьи).

В результате в 1983 г. другой исследователь – *Барбара Нортон* – в своей статье «Russian Political Masonry and the February Revolution of 1917»⁵³¹ («Российское политическое масонство и Февральская революция 1917 года») отмечала, что к середине 80-х гг. XX в. проблема возникновения «нового» (политического) масонства в России продолжала оставаться открытой. В связи с тем, что большинство историков традиционно относило его появление ко второму десятилетию XX в., Нортон решила сопоставить все возможные варианты датировки с целью выявления объективности данного утверждения. Для этого она предприняла попытку комплексного критического анализа всех доступных изуче-

---

⁵³¹ Norton B. Russian Political Masonry and the February Revolution of 1917 // International Review of Social History. 1983. Vol. 28. Part 2. P. 240–258.

нию источников личного происхождения: письма Кусковой к Дану и Вольскому, воспоминания Керенского, Мельгунова, Арансона, Милюкова и Оболенского. С помощью аналогий и метода сравнения Нортон пришла к выводу, что существовали свидетельства более раннего возникновения политического масонства в России, а именно – в 1901–1902 гг.⁵³²

При определении такого рубежа автор апеллировала к мнению Е.Д. Кусковой, которая в своих письмах утверждала, что политическая организация масонов появилась сразу же на рубеже веков и была основана теми же лицами, которые впоследствии образовали «Союз освобождения» – организацию российских либералов и радикалов, послужившую орудием для возникновения революции 1905 г.⁵³³

Вместе с тем, в письмах Кусковой сообщалось, что кроме нее самой и ее мужа С.Н. Прокоповича, основателями политического масонства в России были и радикалы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Б.А. Кистиakovский, П.Б. Струве, В.В. Водовозов, а также более известные как либералы князь П. Долгоруков, М.М. Ковалевский, Ф.И. Родичев, И.И. Петрункевич, Н.Н. Львов, В.И. Вернадский.

Подвергнув критическому анализу письма Кусковой, Б. Нортон пришла к выводу, что целиком и полностью доверять данному источнику не представлялось возможным. Воспоминания были написаны Кусковой, когда ей было за 80 лет,

---

⁵³² Ibid.

⁵³³ Norton B. Op. cit.

поэтому Нортон ставила под сомнение ее способность достоверно и точно воспроизводить все детали и подробности, связанные с фактом возникновения политического масонства в России⁵³⁴.

При дальнейшем сравнительном анализе других источников личного происхождения исследователь отмечала ряд противоречий в их содержании. Например, Оболенский, который присоединился к политическому масонству в 1910 г., в своих воспоминаниях предполагал, что эта организация возникла не сразу на рубеже веков, а немного позже. Напротив, Керенский – политический масон с 1912 г. – полностью присоединился к мнению Кусковой, которая писала, что политическое масонство в России начало свое существование после поражения революции 1905 г., а точнее – в период связанных с ним репрессий, в 1907–1908 гг. В связи с этим противоречие в свидетельстве Кусковой для Нортон было более чем очевидно⁵³⁵.

С другой стороны, исследователь полагала, что Е.Д. Кускова могла просто обращаться к разным этапам в истории эволюции масонской организации в России. Исходя из данного предположения, Б. Нортон считала возможным рассматривать период с 1901–1902 гг. как начальный этап в эволюции масонства в России, когда оно существовало в своей зачаточной, неразвитой форме. Проводя внутривидовые

---

⁵³⁴ Ibid.

⁵³⁵ Ibid.

связи, автор поднимала вопрос о его преемственности традиционному франкмасонству, запрещенному в 1822 г. и возродившемуся в канун первой русской революции. Отсюда следует, что Б. Нортона в своей статье полностью восприняла версию Кусковой относительно времени возрождения масонства в России⁵³⁶.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что вопрос, связанный с возникновением «нового» (для нас совершенно точно очевидно – политического) масонства в России, а, следовательно, с его новым этапом развития, оставался до конца невыясненным зарубежными авторами и поэтому дискуссионным. Все историки предлагали свои, в равной степени логичные периодизации «возрожденного» масонства, не затрудняясь, в большинстве случаев, определить даже точную дату, момент, после которого масонские ложи нельзя было рассматривать как филантропические и мистические организации.

В целом можно было выделить общие, характерные для всех авторов позитивистские приемы и методы работы с источниками. При этом обращение к одним и тем же источникам не означало, что авторы должны были прийти к одинаковым выводам. Например, Л. Хаймсон и Б. Нортона в своих исследованиях в большей степени обращались к воспоминаниям Е.Д. Кусковой, однако переломным этапом эволюции масонства у Хаймсона был 1912 г., а у Нортона, скорее, 1907–

---

⁵³⁶ Norton B. Op. cit.

1908 г.⁵³⁷ Отсюда следует, что Хаймсон в своей статье использовал метод сочетания одних источников с другими.

С другой стороны, четкое следование содержанию источника, а точнее точке зрения, которую высказывал в нем его автор, нередко приводило к совпадению позиций исследователя и создателя источника. Примером могла служить статья Н. Смита⁵³⁸, в которой автор полностью воспринял версию возрождения масонства в России, высказанную в своих воспоминаниях князем В.А. Оболенским. Таким образом, выводы, к которым приходили авторы относительно изучения данной проблемы, зависели не столько от выбранных ими источников, сколько от работы с ними, а точнее – от методов и приемов их исследования.

Новым рубежом в изучении вопроса возрождения «нового» (политического) масонства в России в начале XX в. стали исследования начала 1990-х гг., когда данной проблематикой активно стали заниматься не только представители англо-американской исторической науки. В 1990 г. в журналах «Вопросы истории» и «Историки отвечают на вопросы» польский историк, профессор *Людвиг Хасс* опубликовал две статьи «Еще раз о масонстве в России начала XX века»⁵³⁹

---

⁵³⁷ См.: *Haimson L.* Op. cit.; *Norton B.* Op. cit.

⁵³⁸ *Смит Н.* Роль русского свободного масонства в Февральской революции...

⁵³⁹ *Хасс Л.* Еще раз о масонстве в России начала XX в. // *Вопросы истории.* 1990. № 1. С. 24–35.

и «Русские масоны первых десятилетий XX века»⁵⁴⁰, в которых автор стремился преодолеть распространенные стереотипы, навязанные общественному мнению в связи с масонством, и показать его истинный исторический облик в максимально возможных для исследователя полноте и конкретности.

В 1991 г. на страницах журнала «Наш современник» со статьей «Мир, в котором оказалась эмиграция, или чего боялись правые»⁵⁴¹ выступил видный представитель «третьей волны» русской эмиграции *Михаил Назаров*, живший и работавший в то время в Мюнхене. Его статья представляла собой одну из глав его книги «Миссия русской эмиграции»⁵⁴², в которой автор стремился показать не только позицию правых, но и миссию всего русского зарубежья, определявшуюся, по его мнению, как уникальностью ситуации на родине, так и не в меньшей степени – состоянием мира, в котором русской эмиграции пришлось существовать и, следовательно, познавать сущность различных общественных систем: социализма, капитализма, нацизма.

---

⁵⁴⁰ *Хасс Л.* Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. 1990. Вып. 2. С. 136–157.

⁵⁴¹ *Назаров М.* Мир, в котором оказалась эмиграция, или чего боялись правые // Наш современник. 1991. № 12. С. 145–160.

⁵⁴² *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992.

Евразийская концепция Октябрьской революции в трудах П.Н. Савицкого ⁵⁴³

Матвеева А.М.

Аннотация. Интерес к анализу революционных процессов на современном этапе вызван целой чередой так называемых цветных революций. Многие ученые полагают, что это квази-революции и для определения их подлинной сущности обращаются к опыту революций прошлого. Среди них своей масштабностью выделяется Великая Октябрьская революция 1917 г. В статье рассматривается геополитический подход к анализу этого величайшего события XX в. Он был сформулирован экономистом и географом П.Н. Савицким в 1920–1930-е гг. на базе созданного при его непосредственном участии движения евразийцев. В статье выявляются как ошибочные положения концепции Савицкого, так и те серьезные и обоснованные выводы, которые могут быть востребованы в современной России для воссоздания целостной научной картины революции 1917 г. и развития познаний о сущности тех процессов в современном мире, которые именуют цветными

---

⁵⁴³ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 18–09–00621 «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты».

революциями.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., геополитика, цветная революция, СССР, этатизм, П.Н. Савицкий, правящий отбор, большевизм, евразийство.

THE EURASIAN CONCEPT OF THE OCTOBER REVOLUTION IN P.N. SAVITSKY'S WORKS

Matveeva A.M.

Abstract. Interest in the analysis of revolutionary processes at the present stage is attracted by the whole series of so-called color revolutions. Many scientists believe that it is quasi-revolutions and for definition of their original entity address experience of revolutions of the past. Among them the scale selects the Great October revolution of 1917. In article geopolitical approach to the analysis of this greatest event of the XX century is considered. It was formulated by the economist and the geographer P.N. Savitsky in the 1920–1930th on the basis of created with its direct participation the movement of Eurasians. In article both wrong provisions of the concept of Savitsky, and those serious and valid conclusions which can be demanded in modern Russia for reconstruction of a complete scientific picture of revolution of 1917 and development of knowledge about an entity

of those processes of the modern world which name color revolutions come to light.

Keywords: October revolution of 1917, geopolitics, color revolution, USSR, etatism, P.N. Savitsky, ruling selection, Bolshevism, eurasianism.

На современном этапе мир переживает период цветных революций. Многие исследователи подчеркивают, что это революции не настоящие, а в сущности своей это геополитические операции, инспирированные США и направленные на слом суверенитета государств. Для проведения демаркационной черты между революцией подлинной и квази-революцией все более становится востребованным опыт изучения самой яркой революции во всемирно-историческом масштабе и вместе с тем грандиозного геополитического события – Великой Октябрьской социалистической революции.

Геополитический подход к анализу революционных процессов в контексте актуальных международных проблем сегодня является одним из самых востребованных. Впервые он был применен в работах лидера Евразийского движения Петра Николаевича Савицкого. Его геополитическая концепция разрабатывалась по «горячим следам» Октябрьской революции, в 1920–1930-е гг. Суть ее заключается в том, что определяющим фактором развития и функционирования государства является географическое пространство или естественная среда развития, в котором оно (государство) исторически существует. Особенности территории государ-

ства: удаленность от морей, протяженность границ, климат и др. – определяя векторы своего геополитического развития, также оказывают большое влияние на социально-историческую среду.

Принципиальным условием сохранения целостности государственных границ является следование властями «правилам», историко-географическим законам внутреннего устройства, созданным в ходе исторического развития местностью-пространством.

Географическое расположение России между государствами Европы и Азии; открытость пограничных рубежей; отсутствие естественных барьеров, защищающих от вторжений врагов; большая протяженность сухопутной границы; масштабные расстояния – требовали концентрации усилий людей для создания независимого, привлекательного или, как говорил Савицкий, «самодостаточного» государства, что предполагало наличие сильной и жесткой власти, организующей народ для решения данных задач. И это предопределило усиление государственных позиций, принципов единоначалия и сакрализации власти в жизни страны.

Данные принципы, по мнению Савицкого, были реализованы в ходе Октябрьской революции, так как ее создатели – большевики – были осведомлены о геополитических задачах, выработанных логикой истории России. Они почувствовали дух пространства своей страны, ее «организационную идею» как «властную», государственную и импер-

скую. «Большевики пришли к власти в условиях унижения идеи Отечества, когда к стати пришла идея интернационализма», – с которой они начали проводить национально-патриотическую политику⁵⁴⁴. Под лозунгами интернационализма партия Ленина начала собирать развалившееся пространство Российской Империи.

Объединительная политика большевиков соответствовала закономерностям развития местности-пространства России и вытекала из особенностей ее географии: преобладающей плоскостности рельефа с непрерывной уникальной полосой черноземов от Подолья до Минусинских степей; единого климата почти по всей территории;

примерно одинакового количества осадков по всему пространству⁵⁴⁵. Целостность, «единство» территории российского государства выражалось в ее качестве – синтезе. Оказалось, что сама природа нашей страны вызвала потребность в экономическом, политическом и культурном объединении⁵⁴⁶.

Во время Гражданской войны Советское правительство объединило Беларусь, Украину и прибалтийские регионы бывшей Российской Империи. В связи с этим Савицкий,

---

⁵⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Фонд П.Н. Савицкого – 5783. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

⁵⁴⁵ *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия // *Континент Евразия*. М.: Аграф, 1997. С. 153–154.

⁵⁴⁶ *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // *Континент Евразия*. М.: Аграф, 1997. С. 301.

несмотря на свое белогвардейское неприятие большевиков, называл Ленина истинным патриотом⁵⁴⁷.

Савицкий выявил исторические и географические истоки Октябрьской революции: «Не могло быть коммунистического эксперимента в России, если бы не было этой (географической) изоляции России от всей окружающей среды (расположение в центре континента, удалённость от океана)»⁵⁴⁸. Особенности развития предопределили уникальный исторический «третий путь» нашей государственности, который проходил через «отделение» отечественной социально-экономической и политической системы от окружающего ее капиталистического мира. Октябрь 1917 г. был созвучен географическим особенностям России, «предопределяющим» автаркию государства: «Русская революция, независимо от субъективных намерений лидеров, того или иного ее этапа, есть освобождение России-Евразии от любой (политической, культурной или экономической) зависимости от мира, эмансипация, в самом широком смысле этого слова»⁵⁴⁹. Оказалось, что организационная геополитическая идея существует как самостоятельная Ноосфера пространства. Государственная власть, которая резонирует с ней, улавливает дух пространства, успешно на нем строится. Однако и сама Ноосфера пространства начинает оказывать влияние

---

⁵⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 82. Л. 14.

⁵⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 53. Л. 45.

⁵⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 177. Л. 3.

на власть. Так, после революции, большевистская политическая система, марксистский социализм стали перерождаться. Это проявилось в отходе от абстрактных установок интернационализма и в стремлении создать особый самодостаточный мир России.

Автаркия определялась как необходимое условие разрешения внутренних и внешних государственных конфликтов⁵⁵⁰. Необходимость обретения статуса автаркии для России обусловлена ее географией. Как отмечал Савицкий, наша страна обладает многообразием всех важнейших природных ресурсов, которые есть на Земле. Единственным верным путем достижения автаркии для нашей страны ученый видел государственно-плановую систему экономики, так как только она могла охватить всю национальную экономику в целом⁵⁵¹.

Удаленность России от мирового океана и пролегающих по его водам путей мирового рынка, основанного на экономической конкуренции, также вызвала монополистические тенденции и вмешательство государства в жизнь. Это подтверждалось самой историей нашей страны, начиная с торговых операций князей Древней Руси.

Обретение самодостаточности государства, по мнению Савицкого, стало возможным только при реализации ключевого правила устройства внутреннего пространства ме-

---

⁵⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 177. Л. 3.

⁵⁵¹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 189. Л. 7.

ста развития России – политики этатизма. Именно «взрыв необузданного этатизма» сопровождал Октябрьскую революцию. Савицкий, как и народники, также говорил о традиционализме социализма в России. В этой связи успех Октябрьской революции объяснялся ее созвучием с природой уникального мира России.

Политические амбиции евразийства обосновывались теорией геополитически предопределенного термидора в СССР. Это объяснялось действием законов внутренней геополитики пространства бывшей Российской Империи. Савицкий неоднократно подчеркивал, что проблема русской революции для евразийцев была ключевой в их научных концепциях⁵⁵². Устанавливая свои законы, евразийцы утверждали научные прогнозы, которые оправдывали бы их политические цели. Согласно этим законам, революционный процесс состоит из двух фаз. Первый этап связан со сменой политической элиты, второй – с эволюционной перестройкой внутренней элиты⁵⁵³. Однако второй этап начинается по сценарию современных цветных революций – с вмешательства извне, внешнего импульса, который должен проникнуть в ряды правящей элиты.

В 1925 г. Савицкий заявил, что результаты Октябрьской

---

⁵⁵² Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Основы евразийства. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 281.

⁵⁵³ Евразийство. (Формулировка 1927 года) // Основы евразийства. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 170.

революции должны быть свергнуты и пора готовить ее второй этап⁵⁵⁴. Для этого необходимо было способствовать разложению Коммунистической партии, внедрив в нее свои идеи и желательны, своих агентов, а также организовав оппозиционное движение без привлечения широких масс.

Приход к власти органической и геополитически сознательной элиты евразийцы называли «правлящим отбором». Огромное пространство нуждалось в особом объединяющем начале за счет выбора высокоорганизованных и понимающих историко-географические смысл России политиков. Таким образом, смена идей, движущих историей государства, осуществлялась через динамику «правлящего отбора»: княжеского отряда, служилого народа Московских правителей, дворянства царской России и Коммунистической партии⁵⁵⁵.

По прогнозам Савицкого, геополитически predetermined шагом в смене политических элит должен был стать Евразийский правящий отбор. Идея мирового призвания России, выдвинутая Коммунистической партией, должна была быть заменена идеей национального призвания России, а идея диктатуры пролетариата – идеей господства одного народа. Классовая идея должна была быть вытеснена национальной, потому что Савицкий считал, что идея-правитель пассивного и неграмотного советского народа – была не классовая солидарность, а бессознательный «национальный

---

⁵⁵⁴ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 362. Л. 36.

⁵⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 362. Л. 32.

инстинкт»⁵⁵⁶. Поскольку народ России, СССР рассматривался эмигрантами как неграмотная бессознательная масса, воздействовать его в смене ведущего отбора не имело смысла. Второй этап революции сводился, по мнению евразийцев, к вопросу личного кадрового обеспечения политической элиты, руководства страной, что впоследствии приведет к изменению всей системы.

Желая оправдать закономерность прихода Евразийского строя в СССР, Савицкий пришел к весьма шатким выводам. Однако сама теория двухфазной революции была реализована в середине 1980-х гг., когда в Коммунистической партии с помощью внешнего импульса произошла перегруппировка элит. Смена правящего отбора, не имеющая ничего общего с традициями местного развития и историко-геополитическими установками, о которых писал Савицкий, привела к коренному изменению системы и разрушению страны.

Однако в рамках евразийской концепции был разработан уникальный геополитический метод познания русской революции посредством установления неких геополитических закономерностей построения пространства нашей страны. Соблюдение их позволяет противостоять воздействию извне, в том числе и цветным революциям.

---

⁵⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 362. Л. 34.

Военный вопрос в прокламациях революционных демократов 1861 г

Романика А.С.

Аннотация. В статье рассматриваются агитационные материалы эпохи отмены крепостного права в России, принадлежащие видным деятелям революционно-демократического движения – Н.Г. Чернышевскому, Н.В. Шелгунову и М.Л. Михайлову. Предметом анализа являются взгляды авторов на проблему места и роли вооруженных сил в освободительной борьбе, положение военных в системе общественных отношений. Сопоставляются воззрения идеологов петербургского и эмиграционного центров социалистической мысли по военному вопросу.

Ключевые слова: освободительное движение, армия, революционные демократы, агитация, прокламации.

MILITARY QUESTION IN THE PROCLAMATIONS OF THE REVOLUTIONARY DEMOCRAT OF 1861

Romanika A.S.

Abstract. The article considers agitation materials of the era of the abolition of serfdom in Russia, belonging to prominent figures of the revolutionary-democratic movement – N.G. Chernyshevsky, N.V. Shelgunov and M.L. Mikhailov. The subject of analysis are the authors' views on the problem of place and role of armed forces in the liberation struggle, the military situation in the system of social relations. The views of the ideologists of the St. Petersburg and emigration centers of socialist thought on the military question are compared.

Keywords: liberation movement, army, revolutionary democrats, agitation, proclamations.

На рубеже 1850–1860-х гг. происходило идейное оформление демократического направления общественной мысли России. Рассматривая революцию как социально-политическое явление, противники самодержавия обращались к сложным проблемам стратегии и тактики освободительного движения. В частности, они размышляли о возможности участия военных в борьбе за новые общественные идеалы.

Представления и выводы демократов по военному вопросу нашли отражение в агитационных материалах, которые были адресованы как массовой аудитории, так и собственно военным. Значительный исследовательский интерес представляют прокламации 1861 г., знаменовавшие новый этап в жизни общества. Их появление было вызвано разочарованием в демократических кругах характером и условиями крестьянской реформы и отразило надежды революционного лагеря на вовлечение в борьбу против самодержавия различных социальных сил.

Тема участия армии в освободительном движении звучит в самой известной прокламации – «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», авторство которой приписывают наиболее видному демократическому мыслителю эпохи – Н.Г. Чернышевскому. Одним из важнейших мотивов этого документа служил призыв к сближению народа и военных в противостоянии с царизмом. В прокламации отмечается бедственное положение крестьян и солдат, единство целей в борьбе за освобождение: «Проклятое нонче у нас житье солдатам»; «Когда воля мужикам будет, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатом, кто хочет, а кто не хочет, отставку чистую получай»⁵⁵⁷. Произвол начальства и тяжелые условия солдатского быта должны были способствовать росту протестных настроений в военной среде. По мысли ав-

---

⁵⁵⁷ *Чернышевский Н.Г.* Барским крестьянам от их доброжелателей поклон // Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений. В 30 т. М., 1950. Т. VII. С. 521.

тора, во главе боевого союза крестьян и солдат станут демократически настроенные офицеры, которые «за народ стоять будут»⁵⁵⁸. Им предстояло организовать политическую агитацию в армии, а в решающий момент восстания повести за собой солдат, «добывать волю» народу.

Таким образом, идеологи русской демократической мысли отводили военным заметную роль в движении за общественное обновление. Идея Н.Г. Чернышевского (если он и в самом деле был автором прокламации «Барским крестьянам...») о создании боевого союза армии и народа для борьбы против царизма перекликается с мыслью Н.П. Огарева, прозвучавшей в прокламации «Что нужно народу?»: «Пуще всего надо народу сближаться с войском»⁵⁵⁹. Преемственность воззвания «Барским крестьянам...» и статей герценовского «Колокола» прослеживается также в общих по смыслу призывах к солдатам уклоняться от подавления народных протестов и от участия в захватнических войнах.

В отечественной историографии принято считать воззвания «Барским крестьянам...», «К молодому поколению» Н.В. Шелгунова и М.Л. Михайлова и «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» Н.В. Шелгунова частью единого «прокламационного плана» революционных сил в начале

---

⁵⁵⁸ Там же. С. 522.

⁵⁵⁹ *Огарев Н.П.* Что нужно народу? // Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения / Под общ. ред. М. Т. Иовчук и Н. Г. Тараканова. В 2 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. I. С. 529.

1860-х гг.⁵⁶⁰ Так, А.М. Гаркави отмечал, что «все три прокламации вышли из кружка единомышленников»⁵⁶¹. По словам члена «Земли и воли» А.А. Слепцова, воззвания были связаны между собой: «...План был составлен очень удачно, имелось в виду обратиться последовательно, но в сравнительно короткое время, ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля»⁵⁶².

Авторы прокламации «К молодому поколению» обратились к проблеме реформирования отечественной военной системы и были убеждены, что солдатская служба убивает в человеке «все гражданские способности»⁵⁶³. Поэтому они призывали к «сокращению расходов на бесполезно громадную армию» и ее замене народным ополчением. К проблеме вооруженной силы государства в теоретических и агитационных трудах также нередко обращались А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, приходя к схожим выводам о практической и экономической невыгоде «громадной армии». В дальней-

---

⁵⁶⁰ *Нечкина М.В.* Н.Г. Чернышевский в годы революционной ситуации // Исторические записки. Сборник / Под ред. Б.Д. Грекова. М.: Академия Наук ССР, 1941. Т. 10. С. 29.

⁵⁶¹ *Гаркави А.М.* О достоверности свидетельств и убедительности выводов // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы: Сб. науч. тр. Саратов, 1971. Т. VI. С. 200.

⁵⁶² Цит. по: *Гаркави А.М.* Указ. соч. С. 201.

⁵⁶³ *Шелгунов Н.В., Михайлов М.Л.* К молодому поколению // Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М.: Государственное соц.-эк. издательство, 1958. С. 92, 114.

шем идея создания народного ополчения взамен регулярно-го войска всегда привлекала российских социалистов, став одним из популярных лозунгов во время революций начала XX столетия.

Воззвание «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» было адресовано исключительно военной аудитории. Известны две версии этого документа. Первая была напечатана после доноса на Н.В. Шелгунова, а впервые опубликовал ее известный специалист по революционному движению М.К. Лемке. Второй, полный вариант, был обнаружен и издан Б.П. Козьминым в 1923 г.

Прокламация призывала военных перейти на сторону противников самодержавия и тесно взаимодействовать с крестьянством в освободительной борьбе. Одна из основных тем воззвания – разъяснение солдатам, что подавление народных протестов не имеет ничего общего с интересами России: «Вас посылают, как палачей, убивать людей невинных»⁵⁶⁴. Н.В. Шелгунов сопоставлял борьбу русского войска против собственного народа с историей Авеля и Каина (библейские сюжеты использовал также Н.П. Огарев в прокламации «Что надо делать войску?»). Подавление русской армией восстаний в Польше и Венгрии автор сравнивал с действиями английских и французских войск во время Крымской кампании. По его мнению, их одинаковые итоги состояли в

---

⁵⁶⁴ Цит. по: *Козьмин Б.[П.] Прокламация Н.В. Шелгунова «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» // Красный архив. 1923. № 3 (3). С 230.*

разорении крестьянских хозяйств, многочисленных жертвах и обогащении привилегированных сословий.

Подоплеку и историю создания этой прокламации раскрыл следствию близкий к революционно-демократическим кругам, а после ареста ставший доносчиком литератор В.Д. Костомаров: «Призывая крестьян к бунту, составители манифеста естественно должны были позаботиться о том, что противопоставить тем мерам, которые правительство примет для подавления бунта. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое верное орудие правительства есть солдат»⁵⁶⁵. Первоначальный вариант был подготовлен Н.В. Шелгуновым, «но из его писания вышло черт знает что; такая чепуха, что в ней и мужик ревет, и корова ревет, и сам черт не разберет, кто кого дерет». Поэтому В.Д. Костомаров и М.Л. Михайлов создали свои версии, однако и они вышли малоубедительными. В итоге, «за неимением лучшего, поневоле приходилось удовольствоваться произведением Шелгунова»⁵⁶⁶. Затем М.Л. Михайлов внес некоторые стилистические поправки, которые в ходе исследования подлинника воззвания обнаружил Б.П. Козьмин⁵⁶⁷. По данным М.К. Лемке, прокламация была напечатана небольшим тиражом, рас-

---

⁵⁶⁵ Допрос В. Костомарова от 13 марта [1863 г.] // Дело Чернышевского. Сборник документов / Под ред. И.В. Порох. Саратов: Приволж. кн. изд., 1968. С. 316. (далее – Дело Чернышевского).

⁵⁶⁶ *Костомаров В.Д.* Письмо Соколову от 5 марта 1863 г. // Дело Чернышевского. С. 358.

⁵⁶⁷ *Козьмин Б.П.* Указ. соч. С. 229.

пространялась в центральной части России и на западных окраинах⁵⁶⁸.

В.Д. Костомаров донес следствию о том, что Н.В. Шелгунов распространял воззвание в казармах⁵⁶⁹, однако на допросе не смог указать, где и когда⁵⁷⁰. Н.В. Шелгунов во время следствия отрицал показания В.Д. Костомарова⁵⁷¹, но в мемуарах подтвердил свое авторство: «В ту же зиму, то есть в 1861 году, я написал прокламацию “К солдатам”, а Чернышевский прокламацию “К народу” и вручил их для печатания Костомарову»⁵⁷². В итоге, написание «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» стало одним из пунктов обвинения Н.В. Шелгунова и М.Л. Михайлова. В.Д. Костомаров в ходе следствия признал свою вину и дал показания на остальных. В ходе суда над М.Л. Михайловым среди «особенно дерзких и важных злоумышлений» упоминалось «наставление, как обольщать народ и войско объяснением им, что русская императорская власть происходит не от бога, а от духа тьмы» и «что войско должно быть не царское»⁵⁷³.

---

⁵⁶⁸ Лемке М.К. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). М.: Государственное издательство, 1923. С. 338.

⁵⁶⁹ Костомаров В.Д. Указ. соч. С. 358.

⁵⁷⁰ Допрос В. Костомарова от 13 марта // Дело Чернышевского. С. 317.

⁵⁷¹ Лемке М.К. Политические процессы... С. 338.

⁵⁷² Цит. по: Азанов В.И. К вопросу об авторе прокламации «Барским крестьянам» // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы: Сб. науч. тр. Саратов, 1971. Т. VI. С. 197.

⁵⁷³ Цит. по: Лемке М.К. Дело М.Л. Михайлова 1861 года // Былое. 1906. № 1.

Таким образом, русские революционные демократы первых пореформенных лет рассматривали военных как могучую общественную силу, выступая за союз широких слоев народа и армии в борьбе против самодержавия. Физическая сила, храбрость, доступ к оружию делали военных в глазах революционеров ценными участниками освободительного движения. Социально-культурная близость солдат и крестьян позволила вольнодумцам теоретически обосновать решающее значение массового начала в революции и отдать предпочтение вооруженной борьбе как оптимальному средству достижения своих политических целей. Демократы первой половины 1860-х гг. в своих идейных исканиях предвосхищали ключевую роль союза солдат и социальных низов в их противоборстве с царизмом, что, до некоторой степени, подтвердили русские революции начала следующего столетия.

Информация об авторах

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук, директор Института истории и политики, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Архипова Любовь Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

Астахов Михаил Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (г. Самара)

Базанов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва)

Березкина Оксана Степановна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Бибикова Любовь Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита МГУ им.

М.В. Ломоносова (г. Москва)

Буреев Александр Александрович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и государственно-правовых дисциплин Московского юридического института (г. Москва)

Воронин Всеволод Евгеньевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Гогиберидзе Георгий Меджидович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета (г. Москва)

Головченко Валерия Константиновна – студентка Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Горский Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Грибков Иван Владимирович – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания ГБОУ «Школа лидерства №1621» (г. Москва)

Ермоленко Галина Алексеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного педагогического университета (г. Москва)

Ефремов Сергей Александрович – магистрант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Каташов Алексей Анатольевич – студент Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Кожевников Сергей Борисович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета (г. Москва)

Конюхов Кирилл Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Короткий Геннадий Анатольевич – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Москва)

Крауш Тамаш – доктор исторических наук, профессор. Профессор кафедры русистики Университета Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия) / **Tamás Krausz** – doktor istoricheskoj nauki, professor kafedra Rusistiki, Eötvös Loránd Universitet (Budapest, Hungary)

Куреньшев Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор Академия гражданской защиты МЧС России (Московская область, г. Новогорск)

Куреньшева Екатерина Павловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского

педагогического государственного университета (г. Москва)

Курицын Сергей Владимирович – аспирант Института Российской истории РАН (г. Москва)

Лавицкая Марина Ивановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета

Лачаева Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Мастепанов Илья Васильевич – студент Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Медеубаев Ерлан Ислямович – кандидат исторических наук, профессор Казахско-Русского Международного Университета, (г. Актобе, Казахстан)

Матвеева Александра Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (г. Москва)

Новоторцева Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

Пешкова Юлия Николаевна – студентка Института гуманитарных наук и управления Московского городского пе-

дагогического университета (г. Москва)

Писчикова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Подгорный Алексей Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Рид Кристофер – профессор Университета Уорика (Великобритания) / **Read Christopher** (Professor, University of Warwick, The United Kingdom)

Романика Александр Сергеевич – ассистент кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Савосина Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Сафронов Борис Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Селиванов Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Пра-

вительстве Российской Федерации» (г. Москва)

Синчук Юрий Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета (г. Москва), профессор кафедры теории и методологии государственного управления, Академии управления МВД России (г. Москва)

Смирнов Александр Георгиевич – кандидат культурологии, доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Чиняков Максим Константинович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Чураков Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Шмелева Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета име-

ни С.А. Есенина (г. Рязань)